ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
историко-просветительский журнал № 73

Д. Л. Цыбаков

БОЕВОЙ ПУТЬ ОРЛОВСКОГО ПОЛКА В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ XVIII – НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

Молодежное братство
во имя Великомученика и Победоносца Георгия

г. Орел, 2014 г.

ББК 68.49 (2)+63.3 (2)47
УДК 355.1 (47) «17/18»: 94 (47).066/.072

Д. Л. Цыбаков. Боевой путь Орловского полка в войнах и военных кампаниях XVIII — начала XIX столетия.— Монография.— Орел: Издательство «Картуш», 2014. — 124 с.
ISBN

Рецензенты:
Базанов С.Н., доктор исторических наук, научный сотрудник Института Российской истории РАН,
Моисеев В. В., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления ФГОУ ВПО «Белгородский государственный технологический университет»;
Коренев Д. М., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории ФГОУ ВПО «ГУНПК — Государственный университет — учебно-научно-производственный комплекс»

Данная монография посвящена истории возникновения и боевой деятельности одной из наиболее заслуженных частей русской армии — Орловского пехотного/мушкетерского полка первого формирования. На основе изучения широкого круга источников и аналитической обработки научной литературы автор излагает хронологию участия Орловского полка в сражениях и походах XVIII — начала XIX столетия. Большое внимание уделяется эволюции боевого предназначения, структурной организации, тактике военных действий полка в кампаниях против Османской империи и республиканской Франции. Подробно излагаются особенности комплектования Орловского полка, описывается роль его командного состава в становлении и развитии ратных традиций Вооруженных сил Российской империи.

ББК 68.49 (2)+63.3 (2)47
УДК 355.1 (47) «17/18»: 94 (47).066/.072

© Д.Л. Цыбаков
© «Истории русской провинции»

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Часть 1. Истоки происхождения и боевой славы
1.1. Исторические корни: «жилые» солдатские полки, однодворцы, ландмилиция 8
1.2. Орловский конный полк в составе Украинской ландмилиции. 1727—1763 гг. 17
1.3. Первый боевой опыт. Русско-турецкая война 1735—1739 гг. 23

Часть 2. Орловский пехотный полк в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.
2.1. Орловский полк накануне и в начале войны 38
2.2. Бендерское взятие 1770 г. 44
2.3. Военные действия на Дунае 1773—1774 гг. 53

Часть 3. Орловский пехотный полк в сражениях и походах 1770—1790-х гг.
3.1. Запорожская и крымская экспедиции 1775—1779 гг. 63
3.2. Кинбурнская оборонительная операция 22 августа — 2 октября 1787 г. 71
3.3. Осада Очакова в июле—декабре 1788 г. Польская кампания 1792—1794 гг. 77

Часть 4. Боевая служба Орловского (Мансурова) мушкетерского полка на рубеже XVIII –XIX столетий
4.1. Итальянский и Швейцарский походы 1799 г. 85
4.2. На театре русско-турецкой войны 1806—1812 гг. 98
4.3. Боевые восприемники Орловского полка первого формирования 106

Заключение
Обзор боевой деятельности Орловского пехотного/мушкетерского полка 110

Библиографический список 117

ВВЕДЕНИЕ

В российской императорской армии подавляющее большинство воинских частей обладало наименованием по названию конкретного города или культурно-исторического или административного региона. Существует немало версий относительно критериев, согласно которым подбирались названия для полков и соединений регулярных вооруженных сил. Уже с XVII века при выборе наименований воинских частей между собой конкурировали два принципа — персонификации (когда пехотные или кавалерийские полки называли по именам командиров) и географический. В Петровскую эпоху последний окончательно возобладал, однако само его содержание трактуется с разных позиций.

В реальной жизни мотивы выбора наименований полков варьировались весьма широко, отражая реалии конкретной исторической эпохи. Полк как основная тактическая и организационная единица регулярной армии мог получать свое название по месту формирования (самые известные примеры — преображенцы, семеновцы, измайловцы), по району расквартирования (Бутырский пехотный, Эриванский или Мингрельский гренадерский полки), а также в зависимости от названия административно-территориальных единиц, за счет которых предусматривалось его снабжение. Согласно еще одной версии, названия воинским частям подбирались символически, имея целью подчеркнуть идеологическое единство различных территорий Российского государства. В некоторых случаях они удостаивались названий в честь городов, вблизи которых состоялись победоносные сражения русской армии.

Имена городов Орловского края встречаются в названиях воинских частей уже с последней четверти XVII столетия, когда в правление царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича в его пределах размещались полки «нового строя» — Ливенский и Мценский рейтарские, а также одноименные «жилые» пехотные полки.

Некоторые из городов, чьи имена в последующем фигурировали в наименованиях воинских частей русской армии, уже не находятся в пределах современного Орловского края, как то было до 1917 г. Например, с бывшими уездными центрами губернии связаны названия Брянского или Елецкого пехотных полков. На нынешний день подробно изучена история прославленного полка русской армии, своим названием связанного с городом Орлом. Речь идет о воинской части, сформированной в 1810 г. в Киеве генералом Па-

скевичем. Впоследствии нося наименование 36-го Орловского пехотного графа Паскевича-Эриванского полка, она прошла долгий боевой путь, просуществовав до 1918 г. Гораздо меньше внимания уделяется его предшественникам, которые на протяжении первой четверти XVIII — начала XIX столетия под именем «Орловских» приняли участие в решающих сражениях войн, определивших судьбу России.

Наиболее известен из них Орловский пехотный полк, существовавший под разными наименованиями — «Орловский пеший полк», «Орловский пехотный», «Орловский мушкетерский», «Мансурова мушкетерский» и другими — с 1763 по 1810 г. Как представляется, временные рамки существования указанной воинской части гораздо более широки, поскольку существует прямая связь регулярного Орловского полка с милиционным формированием предшествующего периода — Орловским конным полком украинской ландмилиции. Последний был известен под таким названием с 1727 по 1763 год. В свою очередь, он представлял собой переименованный конный полк Львова, который был образован в апреле 1723 г.

И если связь 36-го пехотного полка с Орловским краем исключительно символическая, то Орловский полк первого формирования, как и его предшественник — конный ландмилицкий полк, на протяжении шести десятилетий — с 1720-х по конец 1780-х гг. — комплектовались уроженцами Орловского и других уездов Центрального Черноземья, принадлежавшими к сословию воинов-однодворцев.

Воинские части, носившие наименование «Орловских», стали участниками ключевых событий отечественной военной истории XVIII — начала XIX столетия. Однако конкретные обстоятельства и характер их боевой службы до настоящего времени не привлекали к себе научного интереса со стороны исследователей. Ввиду этого крайне актуальным представляется обращение к исторической судьбе Орловского пехотного/мушкетерского полка первого формирования. Через призму осмысления его участия в военных кампаниях и походах возможно постижение многих общих закономерностей и тенденций развития российской армии, отечественного военного искусства, присущих героическому периоду XVIII столетия.

Поскольку в распоряжении исторической науки на настоящее время не имеется монографических работ и диссертационных исследований, посвященных Орловскому пехотному/мушкетерскому полку, для освещения его боевой службы требуется привлечение широкого круга источников и специальной литературы.

Для написания настоящей работы использовались материалы архивов, а также сборники документов и материалов, на основе архивных источников освещающих деятельность выдающихся русских полководцев, под началом которых действовал Орловский пехотный полк[1]. Особенности организации, комплектования, оснащения, тактики боевого применения, участия в военных действиях пехотных частей русской армии раскрываются в работах И. Волковой, В. В. Звягинцова, А. Керсновского, О. Г. Леонова, Н. Н. Петрухинцева, И. Э. Ульянова. Многие аспекты боевой деятельности Орловского полка изложены в исследованиях российских военных историков дореволюционного и советского периодов, посвященных войнам, которые вела Россия: А. Б. Баиова, М. Богдановича, Д. Милютина, А. Михайловского-Данилевского, А. Петрова и других. Важные вопросы предыстории появления и служебной деятельности первых регулярных частей, укомплектованных уроженцами Орловского края, изложены в работах А. В. Беспалова, В. Великанова, Н. Зезюлинского, А. А. Малова, М. Д. Рабиновича. Отдельную группу источников составляют исследования Д. И. Багалея, А. Е. Гуковой, В. В. Пенского, посвященные истории ополченческих формирований украинской ландмилициии, в составе которой Орловский полк, будучи преобразован из конного в пеший, а затем в пехотный, формально числился до 1770 г.

Ценными источниками по истории и предыстории Орловского полка выступают мемуары современников, к которым можно отнести воспоминания и записки Ю. В. Долгорукова, Н. Грязева, Х. Манштейна, Б.-Х. Миниха, А. В. Суворова, Г. Штрандмана, П. И. Тизенгаузена.

Для изучения обстоятельств военных действий, в которых принимал участие Орловский полк, привлекались архивные источники, «Журналы боевых действий» русских войск и другие документы, подробно описывающие ход военных кампаний рассматриваемого периода.

Использовались справочники, данные военной статистики и энциклопедическая литература дореволюционного времени: «Военная энциклопедия» 1911 г., «Русский биографический словарь»

---

[1] Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб.: Императорская академия наук, 1885, Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его. М., 1819; Поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева. СПб., 1898; Румянцев П. А. Сборник документов и материалов. М. Изд-во МО СССР, 1953—1959; А. В. Суворов. Документы. М.: Изд-во МО СССР, 1953. Суворов А. В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990 и др.

1896—1918 г., «Хронологический указатель военных действий Российской Армии и Флота» 1908 г., «Списки воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам» и другие справочно-статистические материалы[2].

Структура настоящей монографии отражает исследовательский замысел по освещению истории происхождения и боевой деятельности Орловского полка. На фоне хронологии вооруженных конфликтов и войн XVIII столетия излагается авторское видение процесса преобразования полурегулярного ополченского формирования — Орловского полка ландмилиции — в одну из наиболее прославленных частей регулярной пехоты, выучка и стойкость которой внесли решающий вклад в победы русского оружия.

[2] Военная энциклопедия. Под ред. Сытина. Том 15. М., 1911. Русский биографический словарь под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1896—1918. Хронологический указатель военных действий Российской Армии и Флота. СПб., 1908. Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках на 1776 год. СПб.: При Главной Военной коллегии 1776 и др.

ЧАСТЬ 1.
ИСТОКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И БОЕВОЙ СЛАВЫ

1.1. Исторические корни: «жилые» солдатские полки, однодворцы, ландмилиция

Орловский край с момента своего возникновения как административной единицы и культурно-исторического региона оставался предельно милитаризованной территорией. Его первыми поселенцами с XVI столетия были природные воины, призванные сюда московским правительством для охраны южных рубежей от вторжений крымско-ногайских кочевников. Нельзя забывать и о высокой мобильности отдельных компонентов Вооруженных сил Российского государства и в территориальном, и в профессиональном смыслах. Известно, что поместная конница обладала возможностями к быстрой мобилизации и скорой переброске на тот театр военных действий, угроза на котором была наиболее велика. Так, воины Орловского уезда приняли участие в эпохальной битве при Молодях 1572 г. в составе дворянских сотен Передового полка. С другой стороны, дворяне и дети боярские могли пополнять командный состав других родов войск и служб, например стрельцов, артиллеристов, станичной и засечной стражи.

После ослабления натиска с Юга во второй половине XVII столетия служилые люди различных категорий стали вовлекаться в орбиту активных экспериментов по модернизации вооруженных сил по подобию европейских армий. Исследователями собрано достаточно доказательств о присутствии уроженцев Орла, Ливен, Болхова, Мценска, Новосиля в составе элитных частей, каковыми в допетровское время были 1-й и 2-й Московские выборные полки «нового строя»[3].

В современной научной литературе признается разнонаправленность и противоречивость преобразований военной организации в XVII столетии. Так, в фундаментальном труде В. Пенского «Великая огнестрельная революция» прямо указывается, что в ходе русско-польской войны 1654—1667 гг. в России фактически

[3] Малов А. А. Московские выборные полки нового строя. М.: Древлехранилище, 2006. С. 199.

впервые была создана армия, весьма схожая по своему облику с европейскими аналогами[4]. Однако последовавшие в начале 1680-х гг. перепетиии борьбы за московский престол замедлили прогресс в военном строительстве, что выразилось в эрозии и примитивизации передовых форм ратного ремесла, которые пытались адаптировать в России. Типичным проявлением этого назовем попытки совмещения принципов регулярности и иррегулярности в таких вопросах как комплектование, содержание, снабжение, оснащение и обучение войск.

С. Ивановю. На сторожевой московской границе.

Ратники, проживавшие в пределах современного Орловского края, в конце XVII столетия распределялись между Севским (Болховский, Орловский, Кромской уезды) и Белгородским (Ливенский, Мценский уезды) разрядами—военно-административными округами Российского государства. Принадлежность уезда к конкретному разряду не была устоявшейся. Например, Мценск относился попеременно в разные годы к обоим из них[5]. Наиболее привилегированной частью войск «нового строя» с некоторыми оговорками можно считать рейтар — тяжелую кавалерию, предназначенную для огневого и рукопашного боя. Они имели достойное защитное вооружение, будучи оснащены карабинами, пистолетами, палашами или саблями. Так, в 1698 г. известны Ливенский и Мценский рейтарские полки во главе с Иваном Ивановичем Баровым и Гаврилой Петровичем Мессаливиным[6]. Каждый из полков рейтарского строя включал 10 рот, которыми командовали 33 офицера: полковник, подполковник, майор, 7 ротмистров, капитан-поручик, 9 поручиков, 10 прапорщиков, обозничий, адъютант, квартирмейстер.

---

[4] Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, Яуза, 2010.

[5] Володарский Я. Е. Территория и население Севского разряда во второй половине 17 — начале 18 века//Вопросы истории хозяйства и населения России 17 века. Очерки по исторической географии 17 века. Москва, 1974

[6] Список начальных людей белгородских копейного, рейтарских и солдатских полков, январь 1699//http://archive.today/RwaM

Пехота «нового строя» в южных уездах была представлена так называемыми «жилыми» солдатскими полками, набираемыми из практически всех разрядов воинских людей и тяглых сословий. Командиры, как правило, были представлены служилыми или обрусевшими иноземцами. В конце XVII века существовали Ливенский (Иван Иванович Стенцель) и Мценский (Ефим Григорьевич Верден) «жилые» полки[7]. Они также состояли из 10 рот и имели 33 офицера по полным штатам. Артиллерийское вооружение составляли 5—8 медных 2-фунтовых пищалей. Большинство из «жилых» полков приняли участие в Крымских и Азовских походах. Так, во время взятия Азова 7 солдатских полков Белгородского разряда в количестве 10 500 человек составляли дивизию («генеральство») К. Регимана — одно из трех соединений, на которые была разделена осадная армия.

Генерал-майор К. Региман имел солидный послужной список, включая многолетнее командование солдатским полком в Яблонове. Назначение на один из высших командных постов военачальника, далекого от государева двора и лично не связанного с молодым царем, свидетельствует о высоком доверии к его опыту и заслугам. На боевые качества «жилых» полков указывает то обстоятельство, что именно им было предписано составить авангард русского войска, который выдвинулся в апреле 1696 г. под командой генерал-майора К. Г. Регимана из окрестностей Валуек по степям в сторону Азова. В его составе находился Ливенский солдатский полк Д. Я. Мейна. Одновременно оставшиеся полки Белгородского и Севского разрядов были включены в армию Б. П. Шереметьева, действовавшую в низовьях Днепра.

Под Азов части Ригемана пришли 16 мая, в дальнейшем располагаясь на левом фланге осаждающих вблизи «государева полка» и ведя осадные работы вплоть до капитуляции турецкого гарнизона.

Следует признать: несмотря на несомненные военные заслуги, полноценного регулярного войска из рейтаров и солдат «жилых полков» не получилось. Будучи обучены на европейский манер и получив реальный боевой опыт, в мирный период ратники пребывали вне частей, только дважды в год призываясь на военные сборы.

В 1670—1690 гг., будучи организованы по подобию регулярных, на деле части «нового строя» являлись милиционными формированиями. Число «жилых» полков постоянно возрастало, причем вновь

[7] Список начальных людей белгородских копейного, рейтарских и солдатских полков, январь 1699//http://archive.today/RwaM

создаваемые части, укомплектованные уроженцами южных уездов, направлялись главным образом в Малороссию. Один из них — «жилой» солдатский полк полковника Вилима фон Залена — был образован из брянских, путивльских и орловских служилых людей в конце XVII в. Накануне Северной войны он насчитывал 975 пехотинцев и 46 пушкарей. Уже под командой сына первого командира, Николая фон Залена, полк пребывал до 1709 г. в Киеве, когда его кадры потребовались для доукомплектования действующей армии. Также известен жилой солдатский полк, сформированный в 1703 г. в Белгороде из болховских стрельцов и других служилых людей полковником Б. М. Батуриным [8].

Согласно исследовательским гипотезам, кадры стрелецких и «жилых» полков, дислоцированных в Киеве и ближних к нему крепостях во время первого, неудачного для России периода Северной войны, оказались в составе русского вспомогательного корпуса, посланного Петром I в Польшу.

Летом 1704 года перед началом Польского похода вспомогательный корпус насчитывал более 9 тысяч российских войск и 4 тысячи малороссийских казаков. Причем полк Батурина уже именуется «пехотным», а не «жилым». Это должно означать, что его перевели (пытались перевести) из гарнизонных формирований милиционного типа в разряд полевых частей. В его составе насчитывалось 972 человека.

Во главе с киевским наместником Д. Голицыным корпус в августе 1704 г. близ Львова соединился с армией короля Августа. Командование было передано лифляндцу, генерал-лейтенанту русской службы И. фон Паткулю. Последний сразу приступил к реорганизации отряда, переформировывая полки и отстраняя не пришедшихся ему по нраву командиров. Все присланные части возглавили офицеры-иноземцы — как саксонской службы, так и состоявшие при русской армии. Природных россиян Паткуль, за которым ни до, ни после Польского похода не значилось военных побед, оставил только подполковниками или майорами[9]. При этом два полка, среди которых был и сформированный Борисом Батуриным, оказались раскассированы по другим частям, а их командный состав возвращен обратно в Киев.

---

[8] Рабинович М. Д. Полки петровской армии. 1698—1725. М.: «Советская Россия», 1977, С. 145.

[9] Великанов В. Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе, 1704—1706. Организация и численность//Старый Цейхгауз № 46. М., 2012. — Беспалов А. В. Русский вспомогательный корпус на службе Саксонии в эпоху Великой Северной войны//Северная Европа: проблемы истории. Вып. 5. М., 2005.

Все современники событий подчеркивали высокие качества русских воинов, а после их переобучения на европейский манер оценки их боеготовности еще более возросли. Экспедиционный корпус принял участие во взятии Варшавы и осаде Познани осенью 1704 г. В последующем его снабжение практически прекратилось, и спустя полгода в его рядах оставалось две трети от былого состава — 6 с половиной тысяч человек. После очередных переформирований корпус составил 10 батальонов. Они и вынесли всю тяжесть битвы при Фрауэрштадте в феврале 1706 г. Как показали события, именно обладающие передовыми военными навыками союзники русских, которых высокомерно ставил им в пример И. Паткуль, стали виновниками проигранного сражения.

Его ход подробно освещен в исторических источниках. 13 февраля 1706 г. армия саксонского генерала И. Шуленбурга уступила поле битвы меньшему по численности шведскому корпусу К. Ренншильда. Среди союзных войск находились 9 русских частей во главе с саксонским генерал-лейтенантом Востромирским, которые по численности равнялись батальонам[10]. В их рядах сражались уроженцы Орловского края, когда после первого натиска шведов саксонская армия, значительную часть которой составляли наемники со всей Европы, в течение менее одного часа перестала существовать как полноценная боевая единица. Русские держались стойко и поплатились за это почти полным истреблением и массовыми расправами над пленными по окончании сражения. Только небольшому отряду в количестве более тысячи человек под началом полковника С. Ренцеля удалось пробиться из окружения и после нескольких месяцев похода присоединиться к главным русским силам, стоявшим в Люблине.

Пехотный полк Б. М. Батурина, согласно сведениям Н. Зезюлинского, после Польского похода в 1707 г. оказался расформирован[11]. Некоторые из других частей, участвовавших в кампании 1704—1706 гг., были преобразованы в ландмилицкие полки, впервые учрежденные Петром I в 1713 г.

Именно в составе ландмилиции спустя полтора десятилетия появляется первое воинское формирование в русской армии, носившее наименование «Орловского». Первой из воинских частей, обретших духовную и идейную связь с Орловщиной, стал Орловский

---

[10] Беспалов А. В. Русский вспомогательный корпус на службе Саксонии в эпоху Великой Северной войны//Северная Европа: проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 234—249

[11] Н. Зезюлинский. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Петроград, 1915. С. 9.

конный полк ландмилиции, которая представляла собой разновидность так называемых «поселенных войск». С перерывами она просуществовала с 1713 по 1769 г., будучи обязана своим появлением энергии императора Петра I. Первый неудачный опыт ее создания на северо-западной границе относят еще к 1710 г. Ландмилицкие части являли собой полурегулярные войска, сформированные по территориальному принципу и содержавшиеся за счет налогообложения местного населения.

К тому времени рубежи Малороссии лишились своего передового форпоста — Запорожской Сечи, ранее способной оказать действенный отпор татарам. Однако своевольство и политическая близорукость запорожцев во время Северной войны привели их на путь шведской измены, из-за чего Сечь в 1709 г. оказалась разорена, а ее обитатели нашли прибежище в османских пределах. Реестровое малороссийское казачество уже в правление гетмана И. Мазепы утрачивало свое военное предназначение. Описывая его состояние в 1730—1740 гг., А. Б. Баиов констатировал, что малороссийскими казаками, в отличие от донских, как боевой силой пользовались в ограниченных размерах[12].

Поэтому логичной представлялась передислокация на неспокойный рубеж многочисленных служилых людей из окрестностей Белгородской черты, оказавшихся не у дел в связи с перемещением границы далеко на юг. Уязвимость малороссийских рубежей вполне была доказана во время русско-турецкой войны 1710—1713 гг., известной не только Прутским походом, но и крымскими набегами на Украину.

Еще 2 февраля 1713 г. согласно указу Петра I в Киевской губернии, чья территория простиралась тогда и на великорусские уезды, предписывалось сформировать пять ландмилицких полков. Организующим ядром предлагалось сделать пехотные полки Жданова, Постельникова, Григорова, Воронцова и Буларта, ранее участвовавшие в Польском походе и обороне Малороссии от шведского вторжения и с тех остававшиеся неукомплектованными. Их намеревались пополнить отставными служилыми людьми всех категорий, во множестве обретавшимися на просторах Азовской и Киевской губерний (губернии представляли в то время военно-административный округ). Всего предлагалось призвать 7 тыс. человек, по 3500 из каждой губернии.

---

[12] Баиов А. Б. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. С. 46

Первоначально в составе ландмилиции планировалось иметь четыре милиционных полка и два регулярных, обозначаемых по именам своих командиров. Каждый полк должен был состоять из 10 рот, в которых насчитывалось 150 рядовых и унтер-офицеров, 33 офицера (в иррегулярных частях — 21 офицер)[13]. В итоге за полгода было создано 8 полков, которые уже осенью 1713 г. генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев отправил на зимние квартиры.

После Андрианопольского мира 1713 г. с Османской империей энергия императора Петра Великого вновь обратилась против Швеции, из-за чего ландмилиция оказалась предоставлена сама себе. Однако 3 июня 1719 года в составе канцелярии Военной коллегии было образовано Ландмилицкое повытье, ведавшее ландмилицкими частями, их вооружением, снабжением и денежным довольствованием.

К 1720-м гг. Российская империя существенно расширила свои пределы, оказавшись перед необходимостью держать регулярные войска и на отвоеванных прибалтийских землях, и в недавно оккупированных персидских провинциях. В этих условиях следовало спешно укрепить юго-западную границу, традиционно уязвимую от крымских и ногайских набегов.

Например, Царицынская линия, то есть полоса редких укреплений по притоку Днепра — Царичанке, подверглась угрозе в 1718 г. во время очередного татарского поиска.

Фактически заново формированием ландмилиции согласно Указу Петра I от 4 апреля 1723 г. занимался один из выдающихся русских полководцев того времени, генерал-аншеф М. М. Голицын. 2 мая 1723 г. сенатским указом были определены штаты двух регулярных и четырех иррегулярных ландмилицких полков и оклады их денежного содержания.

Историки выдвигают различные версии по поводу появления ландмилиционных формирований в структуре Вооруженных сил российского государства. Также оспаривается сама их принадлежность к регулярным или же иррегулярным компонентам Вооруженных сил страны. Сходятся в том, что термин был заимствован и буквально означал следующее: «ланд» можно перевести как «земля», а «милиция» — традиционное название народного ополчения. Российская ландмилиция также формировалась по территориальному принципу и пополнялась людьми, проживающими в относи-

[13] Пенской В. В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке//Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147.

тельной близости от места дислокации частей. Воины ландмилиции наделялись пахотной землёй от 22 до 55 десятин, а затем, к середине XVIII века, — по 30 десятин на каждого ополченца. Установленной формы одежды ее полки до 1736 г. не имели.

Наряду с признаками, характерными для милиционных частей, детище Петра отличали и черты несомненной регулярности.

В отличие от ополчения, ландмилиция комплектовалась за счет рекрутских наборов — по 1 рекруту с 16 душ. Вооружением, снаряжением и амуницией ландмилицкие части оснащались государством. Так, еще в 1722 году им было передано бывшее в употреблении вооружение из Военной коллегии и старое обмундирование. Регулярные полки получили карабины и драгунские фузеи, иррегулярные части — копья и по паре пистолетов на человека.

В последующем неоднократно предпринимались попытки укрепить регулярное начало в служебной деятельности ландмилицкого корпуса. В 1730-е гг. ландмилицию перевели на положение драгунских полков, что предполагало ее новое качество — умение вести и конный и пеший бой. В 1741 г. большинство ландмилицких полков оказались кадрированы, лишь изредка собирая рядовой состав на учебные сборы. Однако тогда же оставшиеся части получили усиление в виде гренадерских рот. Последние полагались всем регулярным полкам, играя роль ударной силы в сражении. Разумеется, качество ландмилицких гренадер не стоит преувеличивать, поскольку пока не имеется достоверных сведений об их участии в реальном бою. Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. отмечается наличие в ландмилицких частях собственной артиллерии — по 2—4 орудия в полку. Кроме пушек для ландмилиции планировалось выделить и орудия мелкого калибра — так называемые «мортирцы», правда, до войск они на деле так и не дошли.

Жалование офицерам регулярных полков ландмилиции было приравнено к жалованию офицеров гарнизонных полков, тогда как командный состав иррегулярных получали вполовину меньше.

В соответствии с Указом императора Петра от 6 ноября 1727 г. все ландмилицкие части поменяли свои названия, получив наименования уездов, поставляющих рекрут в их состав[14]. Ими были исключительно однодворцы, которых В. О. Ключевский весьма удачно называет «пролетариатом дворянства», — выделенные Петром I из рядов господствующего сословия бывшие мелкопоместные помещики.

---

[14] Пенской В. В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке//Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147.

Украинская линия XVIII века

Свою историю они ведут со служилых людей разного звания, ставших ядром поместного ополчения приграничных уездов уже с середины XVI века, когда русские форпосты были продвинуты к югу от Большой засечной черты. В середине следующего столетия дворяне и дети боярские Орловского края, большая часть из которых практически не имела сколь-нибудь значимого количества крепостных, были по службе подчинены администрации новой укрепленной линии — Белгородской черты. Собственно и термин «однодворец» впервые упоминается в источниках в 1636 г., то есть когда было положено начало строительству последней.

Численность однодворческого населения в 1730-х гг. современники оценивали в 200 тысяч семейств[15]. Многочисленные мелкопоместные помещики, вынесшие на своих плечах всю тяжесть освоения огромных пространств «Дикого поля», представляли собой чрезвычайно пестрый конгломерат. Он включал в себя и социальные компоненты — выходцев из служилых людей как «по отечеству», так и «по прибору» (стрельцов, пушкарей, городовых казаков, городской стражи, засечных сторожей), и компоненты территориальные — уроженцев различных северных и западнорусских уез-

[15] Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России 1727—1764. СПб.: Тип. С. В. Балашова, 1875. С. 68.

дов. Среди беглых крестьян и разного рода «гулящих людей» также была распространена тяга приписаться к ландмилицким полкам. Современниками однодворцы характеризовались как «отличные люди, очень спокойнаго и гостеприимнаго нрава»[16].

С перемещением российских рубежей далее на юг десятки тысяч воинов-поселенцев нынешнего Черноземья по-прежнему использовали в качестве военной силы, отправляя их на комплектование новых родов и видов войск, создаваемых в периоды реформ Вооруженных сил Российской империи.

1.2. Орловский конный полк в составе украинской ландмилиции. 1727—1763 гг.

Созданные при Петре Великом шесть ландмилицких полков, названные по именам своих командиров полками Карамзина, Львова, Кигича, Иваненкова, Дунина и Бунина, по указу императора Петра II от 6 ноября 1727 г. были переименованы соответственно в Севский, Орловский, Курский, Брянский, Путивльский и Рыльский ландмилицкие полки. Так, конный полк Львова, сформированный 4 апреля 1723 г., теперь получил наименование «Орловского конного полка». Ввиду распространения ландмилиции на юго-восточные окраины России — Оренбургский край, дислоцированные по южному порубежью части с 1727 г. предписывалось именовать «украинской ландмилицией».

На деле возрождение ландмилицких формирований началось лишь в начале 30-х годов XVIII в. и было связано с деятельностью президента Военной коллегии генерал-аншефа (позднее генерал-фельдмаршала) Б.-Х. Миниха. Его место в истории нашей страны, а особенно в событиях истории военной, вызывает диаметрально противоположные оценки. Общим местом стало отрицание полководческих талантов Миниха наряду с признанием за ним авантюристических замашек, безмерного карьеризма и интриганства. В то же время отмечают кипучую энергию и несомненные административные способности главы Военной коллегии. Например, признанный авторитет по военной истории XVIII столетия А. Б. Баиов подчеркивал, что Б.-Х. Миниху вполне удалось сохранить и приумножить достижения петровской эпохи, создав задел для будущих триумфов русского оружия.

В истории Орловского конного полка, равно как и всей ландми-

[16] Штрандман Г. Э. фон. Записки. Пер с нем.//Русская Старина, 1882. Т. 34, № 5. С. 291.

лиции, Б.-Х. Миниху было суждено сыграть заметную роль. По его инициативе конных ополченцев свели в новое объединение — Украинский корпус ландмилиции.

Связующим звеном для корпуса становилась Украинская укрепленная линия, возведенная в начале 1730-х гг. Ее первые планы и чертежи были составлены еще в 1680-х гг. генералом Косоговым. В 1730-е гг. строительством занялась Военная коллегия. Авторство проекта относят киевскому генерал-губернатору Вейсбаху.

Общая протяженность укреплений составила 268,5 версты между реками Днепр и Северский Донец. Ее опорными пунктами стали 16 вновь построенных крепостей и четыре укрепленные слободы. Изначально имея числовую нумерацию, позднее они получили собственные имена, большинство из которых повторяли названия полков конного ополчения. «Столицей» линии, где разместились штаб и канцелярия, стала Белевская крепость. Орловский полк дислоцировался между крепостями св. Прасковеи и Орловской. Укрепления были представлены земляными брустверами, рвами, палисадами, гласисами и контрэскарпами. Помимо крепостей в степи воздвигли 142 номерных редута.

Изначально именуясь «Девятой», полковая крепость в 1738 г. получила название «Орловской». Она была расположена на правом высоком берегу р. Берестовой на территории современной Харьковской области у села Дьячковка, занимая площадь более одного гектара. Ее опорными пунктами стали четыре заполненных землей бастиона, усиленных с юго-запада, со стороны реки, равелином. Остатки валов и сухого рва визуально прослеживаются и в XXI столетии. Местные краеведы характеризуют крепость как «самую мощную из сохранившихся укреплений линии[17]». Орловская крепость была связана с непосредственными соседями — крепостями Прасковеевской и Ивановской — валом и рвом. Внутренней планировки степные цитадели не имели, однако обязательным считалось наличие пороховых погребов, цейхгаузов, казарм, водных колодцев.

Одновременно с возведением линии велась полная реорганизация ландмилицких частей: было в четыре раза увеличено их количество, пересмотрены штаты и собственно военное предназначение. Учрежденные в 1734 г. штаты ландмилицких полков уже в ходе начавшейся войны с Турцией были установлены заново. 19 марта 1736 года был издан именной Указ императрицы Анны Иоанновн-

[17] Орловская крепость Украинской линии.
http://encyclosights.com/object_details.php?ln=2&id=2924

ны «О учреждении Украинского ландмилицкого корпуса, и о правилах, для устройства онаго предположенных».

К шести «старым» полкам (Рыльский, Курский, Севский, Брянский, Орловский, Путивльский) добавлялись 14 вновь обретенных: Белгородский, Старооскольский, Ливенский, Елецкий, Воронежский, Козловский, Тамбовский, Ефремовский, Новооскольский, Валуйский, Ряжский, Борисоглебский, Слободской, Белевский.

Ландмилицкие полки по своему боевому предназначению должны быть приближены к регулярной кавалерии, поскольку переводились на положение драгунских частей. Обновленный штат Орловского ландмилицкого полка предполагал наличие в нем 1077 человек, в том числе 4 штаб- и 29 обер-офицеров, 70 унтер-офицеров и капралов, 880 рядовых и 31 музыканта.

Тогда же ландмилиция получала установленную форму одежды — белые кафтаны с красной отделкой, красные камзолы, козловые штаны, белые галстуки и черные шляпы. В конном строю ландмилиционерам полагались сапоги с клапанами, накладными шпорами и штибель-манжетами, а в пешем — башмаки со штиблетами из грубого холста.

Именуясь «украинской», пограничная линия пребывала в ведении Белгородского генерал-губернатора, а личный состав Украинского ландмилицкого корпуса состоял из выходцев из южных великороссийских уездов. На территории линии образовались 23 однодворческие слободы, где проживало 13 тыс. человек. Помимо ландмилиции к войскам линии были приписаны Полтавский, Сумской, Миргородский малороссийские, Харьковский, Ахтырский, Изюмские слободские казачьи полки.

Необходимо помнить, что помимо Орловской и Ливенской крепостей XVI—XVII столетий в середине XVIII века потомки служивших в них воинов основали на пятьсот верст южнее новые Орловскую и Ливенскую крепости, предназначенные для защиты российских и украинских земель от татарских набегов. Ливенский полк вскоре оказался в числе 11 ландмилицких формирований, распущенных в 1741 г. по месту жительства с условием призыва на ежегодные трех-четырехмесячные военные сборы.

В отличие от него, Орловский полк оставался в строю, постоянно находясь в готовности отразить вторжение кочевников. Обоим полкам довелось участвовать в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. 26 августа 1736 года в ландмилицкие полки были даны знамена с вензелем императрицы. 11 декабря 1741 года в драгунских пол-

Орловская крепость. Украинская укрепленная линия XVIII века, современный вид

ках ландмилиции начали формироваться гренадёрские роты.

К 1742 году Украинская линия имела 18 крепостей, будучи подчинена второму Департаменту крепостей России. Начальником округа являлся генерал-лейтенант Корнило (Корнелий) Бороздин, будущий герой Семилетней войны, командующий русской артиллерией в битвах при Цорндорфе и Кунерсдорфе.

В 1756 году главой украинских ландмилицких полков был назначен Петр Семенович Салтыков. Он приходился двоюродным братом почившей императрице Анне Ионанновне и племянником Прасковье Федоровне Салтыковой, жене царя Ивана V (1682—1696), брата и соправителя Петра Великого. Это и определило его фактическую ссылку на южную границу при Елизавете Петровне. Спустя всего два года во главе русской армии он одержит триумфальную победу над Фридрихом II при Кунесдорфе.

Таким образом, «ландмилиция», буквально «земельное войско» — представляла собой гибридное формирование. Оно сочетало в себе принципы как регулярного, так и иррегулярного военного строительства. В военном отношении ландмилиции отводилась второстепенная роль, выражавшаяся в освобождении регулярных войск от исполнения разного рода вспомогательных функций. Исследователи отмечают, что основным предназначением ландмилиции являлась внутренняя служба, и только возникающая в случае полномасштабного конфликта с Турцией потребность в многочисленной кавалерии заставила русское командование обратить внимание на конных ополченцев как на реальную действующую силу большой войны[18].

[18] Баиов А. Б. Курс истории русского военного искусства. Выпуск 3. Эпоха Миниха (Царствование Императрицы Анны Иоанновны). СПб.: Типография «Гр. Скачков с сыновьями», 1909. — С. 14—15.

Высокое воинское начальство достаточно пренебрежительно расценивало боевые возможности ландмилиции. Это выражалось и в передаче ее подразделением устаревшего вооружения и обмундирования, и в невысоких денежных окладах жалования для начальствующего состава ландмилицких частей.

По признанию современников, офицерские кадры ландмилиции пополняли небогатые помещики, не желавшие нести расходы во время службы в столичных гарнизонах[19]. Пребывание в ландмилиции способствовало более скорому выходу в отставку.

Однако потомки служилых людей Московского государства, находясь и в рядах ландмилицкого корпуса, и в рядах регулярных войск, заслужили высокую боевую репутацию в военных кампаниях XVIII столетия. Современники, упоминая однодворцев, отмечают воспитанный в течение непрерывных войн высокий боевой дух, природную смекалку и физическую выносливость этих прирожденных воинов. Например, адъютант главы Военной коллегии Б.-Х. Миниха Х. Манштейн, чьи воспоминания признаются ценным источником практически всеми военными историками, прямо называет однодворцев «превосходнейшим войском России»[20].

Видимо, приведенное мнение разделяло и высшее командование, поскольку ландмилицкие части на протяжении многих лет служили резервом для пополнения действующей армии и вновь учреждаемых элитных формирований — гвардейского Измайловского и гвардейского Конного полков. То же самое относится и к созданной стараниями Б.-Х. Миниха кирасирской кавалерии, на комплектование частей которой обратили один готовый полк ландмилиции и два формируемых.

В правление Анны Иоанновны украинская ландмилиция в 1731 г. была объединена в Украинский ландмилицкий корпус, число полков которого увеличивалось до 20. Все из них также именовались по названиям городов и уездов, располагавшихся у бывшей Белгородской засечной черты. Ни одного наименования населенных пунктов, находившихся вне южнорусских уездов, в обозначениях ландмилицких формирований не зафиксировано. С этих территорий, как свидетельствуют документы, они в течение почти четырех десятилетий и пополнялись.

---

[19] Берк К. Р. Путевые заметки о России//Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. — С. 111—302.

[20] Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России 1727—1764. СПб.: Тип. С. В. Балашова, 1875. — С. 67.

В середине XVIII столетия для однодворческого населения Киевской и Белгородской губерний, а также Калужской, Рязанской и Тульской провинций вводилось освобождение от рекрутских наборов взамен на содержание ландмилиции.

Причем призыву в ее ряды подлежали исключительно выходцы из однодворческого сословия. В данном случае территориальный принцип комплектования был обусловлен сословной принадлежностью призываемого контингента. Именно оттуда, где размещались корпорации потомков мелкопоместных помещиков Московского государства, и набирались полки Украинского ландмилицкого корпуса. Правительство было готово поддерживать корпоративный статус социальных групп, из которых набиралось и за счет которых содержалось конное ополчение. 18 января 1731 года особым указом исключалась практика причисления однодворцев и «протчих служеб служилых людей, ландмилицию содержащих» к черносошным и государственным крестьянам.

Уже в екатерининский период многие однодворцы добились признания за ними дворянского статуса. Их причислили к потомственному, а не к служилому дворянству, а право «отыскивать» дворянское происхождение сохранилось и за остальными конными ополченцами.

После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. началось строительство Днепровской линии, Украинскую линию упразднили. Однако слободы однодворцев пребывали в прежних местах, исправно посылая рекрутов в состав частей регулярной Украинской дивизии. В 1786 г. однодворцами был укомплектован новый Малороссийский гренадерский полк, позднее переименованный в Конногренадерский. С началом второй екатерининской войны с Турцией последовали экстраординарные меры: все мужское население бывшей Линии в возрасте от 17 до 50 лет было направлено во вновь созданный казачий корпус, позднее именовавшийся Екатеринославским казачьим войском. Во главе его был поставлен откомандированный с Дона бригадир М. И. Платов. Под началом будущего героя наполеоновских войн казаки-однодворцы достойно показали себя в делах при Аккермане и Кили. Особое отличие было проявлено в знаменитом сражении при Измаиле в 1790 г. В 1796 г. Екатеринославское войско было расформировано, а его воины утратили казачье звание. Многие из них вновь вернули его спустя несколько лет, приняв предложение правительства о переселении на Кавказскую линию.

На сегодня достоверно установлено, что именование по конкретному городу или культурно-историческому региону в большинстве случаев не означает формирования воинской части на данной территории или же комплектования ее за счет уроженцев какого-то населенного пункта, губернии или уезда. Представляется, что с ландмилицкими полками дело обстояло иначе. Все они носили названия уездных городов бывших Белгородского и Севского разрядов — военно-территориальных округов, существовавших в XVII — начале XVIII столетия. Из других местностей пополнения в эти формирования практически не поступало. Показательно, что А. В. Суворов еще в 1770-е гг., характеризуя бывшие ландмилицкие полки, подчеркивал, что они — «однодворческие».

В среде населения Черноземья сохранился особый ментальный уклад, сформировавшийся еще в годы непрерывных войн с кочевниками. Наименование подразделений украинской ландмилиции по названиям уездов, откуда призывались воины-однодворцы, таким образом, имело под собой глубокую идеологическую и моральную подоплеку.

Обзор предыстории Орловского пехотного полка первого формирования со всей очевидностью показывает, что залогом его славных свершений в войнах и походах XVIII столетия явилась несомненная духовная и практическая связь с Орловщиной — краем стойких и выносливых воинов. Именно соединение старинных ратных традиций и передовых форм военного дела, достигнутое за счет пополнения Орловского полка потомками служилых людей южнорусского приграничья, дало ошеломительный эффект, приведя к торжеству русского оружия на полях сражений того героического времени.

1.3. Первый боевой опыт. Русско-турецкая война 1735—1739 гг.

Серьезным боевым крещением для Орловского и Ливенского полков ландмилиции стало участие в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Ход военных действий этого конфликта изучен достаточно подробно, из-за чего на страницах настоящего издания представлены преимущественно обстоятельства и факты, раскрывающие роль в нем однодворческого ополчения. Во-первых, ландмилиция составляла весомую часть русского войска, участвуя практически во всех событиях войны. Во-вторых, именно участие в походах и сражениях должно было продемонстрировать качество реформ

предыдущих лет, впервые показав реальные боевые возможности реорганизованного конного ополчения. В-третьих, имея в виду будущее преобразование конных и пеших частей ландмилиции в полки регулярной русской армии, необходимо учитывать фактор преемственности ратных традиций, берущих свое начало на полях русско-турецкой войны 1735—1739 гг.

Военный реванш против Османской империи замышлялся еще Петром I, однако ввиду его неожиданной кончины начатые военные приготовления не получили завершения. На протяжении последующих лет постоянным беспокоящим фактором на юге продолжали оставаться крымско-ногайские орды и укрывавшиеся на турецкой территории сторонники изменника Мазепы. Идея нового наступления на юг поддерживалась и окружением императрицы Анны Иоанновны, ввиду чего уже с 1732 года велась открытая подготовка к столкновению с Блистательной Портой. Воспользовавшись начавшейся персидско-турецкой войной, Россия заключила союз с шахом Персии, стала собирать войска и концентрировать их на крымском и азовском направлениях. Командование всеми силами на намечавшемся театре военных действий было возложено на Б.-Х. Миниха, заслужившего доверие благодаря успешным действиям в только что закончившейся «маленькой победоносной войне» за польское наследство.

Первой пробой сил стал поход генерал-лейтенанта М. Леонтьева на Крым осенью 1735 г., значительную часть войск которого составляли ландмилиционеры. Будучи в родстве с Петром I (двоюродный племянник его матери, Натальи Кирилловны Нарышкиной), драгунскй офицер Михаил Леонтьев прославился на полях сражений Северной войны. При второй Нарве и под Полтавой он был трижды ранен и считался обладателем 7 шведских знамен и знаменитых носилок Карла XII. Вся его служба прошла на неспокойных окраинах России. Судя по мемуарным свидетельствам, Леонтьев выглядит рубакой-кавалеристом, поклонником скаковых лошадей и охоты. Оказавшись под началом Миниха, М. Леонтьев сразу стал объектом интриг последнего, что серьезно подорвало его карьеру.

В походе 1735 г. на Крым приняли участие 11 ландмилицких полков. Остальные 9 были оставлены прикрывать границу. В корпусе Леонтьева помимо других войск насчитывалось 30 эскадронов ополченцев числом 5 тысяч человек и 4 пеших ландмилицких батальона в количестве более 2800 воинов. Всего в корпусе Леонтьева было 39 тысяч конницы и пехоты, представленных преимуществен-

но иррегулярными войсками. 1 октября русские вышли из устья р. Орель, достигнув рек Самара и Московка. Затем на реке Конские Воды были разорены ногайские кочевья. Далее степная местность оказалась выжжена противником. Уже 13 октября русские были застигнуты ранними морозами и студеными ветрами, от которых не было спасения в открытой степи. Постояв трое суток и лишившись за это время 3-х тысяч лошадей, Леонтьев созвал военный совет, принявший решение возвращаться на север. Через три недели, потеряв до 9 тысяч воинов от непогоды и голода, русские части вернулись к исходной точке похода, будучи затем распущены на зимние квартиры. Только в апреле следующего, 1736 г. Османской империи была официально объявлена война.

Учитывая особенности театра предстоящих военных действий и специфику тактики противника, представленного на первых порах конницей крымских татар, большую часть русских сил составляла кавалерия — испытанные драгунские полки, донские, запорожские (вернулись в российское подданство накануне войны, в 1734 г.), слободские и малороссийские казаки, а также ландмилиция[21]. В период выдвижения войск на исходные рубежи весной 1736 г. она вновь была объединена под началом М. Леонтьева. 14 апреля ее авангард двинулся от р. Царицынки к уже известной по прошлому походу р. Самаре на днепровском левобережье. Главная армия под начальством Б.-Х. Миниха собиралась южнее, на левом берегу р. Белозерки. 21 апреля здесь состоялся первый смотр командующим полков ландмилиции. Она составляла порядка 10 000 человек, сведенных под начальством генерала М. Гейна. Половина из них прибыла в лагерь на Белозерку, расположенный напротив Запорожской Сечи, 3 мая, остальные, под началом генерал-майора Тараканова, с 30 апреля совершали марш от р. Самары.

Ландмилицию из полков Тараканова постепенно размещали гарнизонами в редутах и рентраншементах, возводимых вдоль линий снабжения русских войск. Миних, видимо, памятуя о многолетнем пребывании ополченцев на Украинской линии, полагал, что они более подходят именно для обороны в импровизированных степных укреплениях. В каждый редут назначали 30 ландмилиционеров и 70 казаков Стародубовского (Стародубского) малороссийского казачьего полка.

Основные усилия русской армии в том году были приложе-

[21] Звегинцов В. В. Русская армия. Ч. 1. 1700—1763. Париж. 1967. С. 129.

План крепостей Кинборн и Очаков

ны для вторжения в Крым, где, не считая локальных операций времен Ивана IV, по-настоящему еще не ступала нога русского солдата. Военные действия в коренных землях Крымского ханства показали превосходство регулярных войск над кочевниками, однако ресурсов, сил и политического таланта для закрепления полуострова за Империей у Миниха тогда не нашлось. В Крымской кампании приняли участие Валуйский, Рыльский, Курский, Брянский, Новооскольский, Слободской полки ландмилиции.

Орловский и Ливенский полки, вероятно, были включены в отряд генерал-поручика М. Леонтьева, в составе которого в мае 1736 г. действовало пять ландмилицких частей под началом генерал-майора Тараканова. Его задачей являлось обеспечение правого фланга Днепровской армии со стороны крепостей Очаков и Кинбурн. До мест соединения с Леонтьевым Тараканов двигался самостоятельно, чтобы 26 мая встретить два драгунских и два пехотных полка на р. Каланчик. Из-за крайней усталости конского состава отряд двигался очень медленно, 31 мая достигнув урочища Стрелицы в сорока верстах от Кинбурна. 2 июня передовые дозоры вышли к Днепровско-Бугскому лиману, где произошла первая стычка с турками. Пробиваясь через песчаные заносы, спустя два дня Леонтьев подступил к Кинбурну — турецкой крепости на восточном берегу лимана. Здесь развернулись достаточно серьезные события: около 3000 татар атаковали левый фланг русского отряда, будучи с уроном отражены Новгородским драгунским полком и другими частями.

Затем под началом генерала Г. М. Штоффельна были начаты осадные работы. Попытки тысячного турецко-татарского отряда сделать вылазку 6 июня были сорваны с большими потерями для неприятеля и с минимальным уроном русских войск. Положение осаждающих было не вполне безопасным, поскольку на море го-

сподствовал османский флот. Однако после непродолжительной бомбардировки, стоившей туркам в том числе и одного потопленного судна, Кинбурн капитулировал. Русские потери насчитывали 4 погибших, включая 1 ландмилиционера и 12 раненых, из которых 8 были ополченцами. Таким образом, процент потерь, хотя и весьма незначительных, говорит об активном участии ландмилиции в осадных работах при Кинбурне.

2 тысячи воинов турецкого гарнизона выговорили себе право беспрепятственного перехода в Очаков и возможность обмена пленными. Свободу из османской неволи получили 250 бывших пленников, трофеями русских стали 49 орудий, 3000 лошадей и десятки тысяч гуртового скота. В дальнейшем отряд Леонтьева расположился биваками вблизи крепости, прикрывая фланг основных сил со стороны Днепра. Спустя четыре десятилетия под стенами Кинбурна Орловский полк, который тогда уже станет пехотным, под началом А. В. Суворова будет участвовать в одном из самых героических событий российской военной истории — сражении на Кинбурнской косе 1 октября 1787 г.

Понимая опасность своего положения, Леонтьев принялся укреплять занятые позиции и коммуникации, возведя на шляхе Кинбурн-Кизикермень 6 полевых редутов с гарнизонами. При помощи запорожцев велась активная разведка Очакова. Посредством посылок конных разъездов контролировались переправы в низовьях Днепра. Еще три редута построили в непосредственной близости от Кинбурнской крепости. Несмотря на все опасения, турки оставались крайне пассивны и все последующие месяцы ограничивались наблюдением с моря. Основной опасностью для русских стали голод и недостаток кормов для лошадей. По этой причине командованием были отпущены из-под Кинбурна все нестроевые ландмилиционеры в количестве 1700 человек, пришедших ранее с провиантским обозом из Перекопа. 21 июня поисковая партия из 200 запорожцев и 300 добровольцев из драгун и ландмилиции во главе с полковником Кропотовым вброд переправилась на острова Егарлаш и Тентра, расположенные весьма неблизко — в 90 верстах от Кинбурна. Перебив охранение, в русский лагерь перегнали новые гурты скота.

11 августа Леонтьев, предварительно разрушив кинбурнские укрепления, воссоединился с отходившими из Крыма основными силами, существенно поддержав их продовольственный запас сберегаемыми в течение нескольких месяцев многотысячными овечьими отарами. Продвижение армии к российским рубежам и далее

велось по всем правилам военной науки, так как сохранялась возможность нападения татар. Ландмилицию назначили в авангард, в составе которого она и прибыла 19 августа в лагерь на Белозерке. Ландмилицкие части, бывшие до того в прикрытии на степных коммуникациях, направлялись для обеспечения выхода армии Миниха на российскую территорию. 26 августа для наведения переправ через р. Конские воды и Московка были определены Ливенский, Путивльский и Тамбовский полки. Пребывание вне армии Миниха спасло отряд Леонтьева от огромных потерь, которыми оказались оплачены летние походы главнокомандующего по залитым зноем крымским степям.

Сразу по окончании похода войска спешно размещались вдоль южных рубежей для отражения вероятных набегов татар. На Украинскую линию дополнительно были отправлены слободские и малороссийские казаки, вместе с ландмилицией подчиненные генерал-лейтенанту Урусову.

На 1737 г., закрепившись в устье Днепра, Миних избрал своей целью основной оплот Порты в Причерноморье — крепость Очаков, расположенную на противоположном берегу лимана в виду Кинбурна. По всей видимости, от ландмилиции в поход отправлялись наиболее годные к ратному делу люди, поскольку на укреплениях линии предписывалось оставить 9 тысяч человек.

Официальный документ — «Рассуждение генералитета 1736 г. » дает весьма полное представление о роли ополченцев в решающих событиях русско-турецкой войны. Его страницы переполнены сообщениями об усилиях главнокомандующего по приведению конного ополчения в надлежащий порядок. Видимо, Б.-Х. Миних был сильно удручен состоянием ландмилиции, которую он, несомненно, в идеале представлял себе как регулярное воинство. Например, с его стороны не отмечено попыток насадить «регулярство» у казаков, составлявших треть русского войска. По отношению к близким к ним ландмилиционерам Миних, именуемый в солдатском фольклоре «живодером», был совершенно непреклонен. Уже 23 апреля последовал смотр всей ландмилиции в лагере на р. Самаре.

По его итогам последовали решительные меры. Конное ополчение стали спешно перевооружать и пополнять командными кадрами. При этом ландмилиции доставалось отнюдь не новое оружие. Так, годом ранее она получила бывшие в употреблении фузеи из Ярославского и Ростовского драгунских полков. В самарском лагере было велено дооснастить ополчение пиками и лошадь-

ми с амуницией. Одновременно объявлялось о наборе офицеров и унтер-офицеров, готовых добровольно перейти из линейных частей в ландмилицкие; были назначены новые полковые командиры. Дополнительной артиллерии, заказанной на оружейных мануфактурах для пополнения всех частей русской армии, ландмилиция при начале похода так и не получила.

Новые приказы в отношении ландмилицких полков последовали спустя 2 месяца, когда на новых смотрах в них обнаружился некомплект офицерского состава. В соответствии с распоряжениями командиру ополчения генералу Леонтьеву, неявка офицеров в части теперь грозила разжалованием их в рядовые. Тогда же предписывалось обучать ландмилицию отданию воинской чести в конном и пешем строю. Для привлечения в ее ряды опытных командиров приказом от 6 июня 1737 г. разрешалось производство унтер-офицеров в офицерские чины в случае согласия служить в ополчении.

Переправившись через Днепр, армия, не встречая противника, двинулась степями на Очаков. 2 июня войска достигли территории Крымского ханства, 3 суток потратив на форсирование реки Ингул. Отсюда до цели похода оставалась половина пути — 150 верст. Начавшиеся стычки с татарами заставили командование выделить сильный авангард армии под началом генерала Кейта, включавший в том числе Путивльский и Белевский ландмилицкие полки. Во все стороны высылались разведывательные конные партии из иррегулярных войск. Под проливными дождями Днепровская армия 16 июня оказалась на берегу Южного Буга. Переправа заняла три дня, причем иррегулярные части преодолевали реку не по понтонам, а через броды. После этого армию со всеми обозами перестроили в три гигантских каре. На флангах первого из них — дивизии Гессен-Кобургского — двигались 9 полков ландмилиционеров и казаки. Ливни сменились затяжной засухой, приведшей к падежу лошадей и транспортного скота. Из-за жары войска двигались только в утреннее время, имея при себе запас воды.

29 июня войска уже имели стычки с неприятельской конницей вблизи Очакова. Гарнизон крепости после пополнения босняками и арнаутами насчитывал 27 тысяч человек. Накануне штурма цитадели в Орловском полку числилось 774 боеготовых милиционера при трех орудиях[22].

---

[22] Баиов А. Б. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736—1739 гг. Примечания. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. С. 138.

Серьезным упущением Миниха была небрежная разведка укреплений, что не позволило выявить реальное расположение вражеских рвов, бастионов и батарей. Военный совет под напором главнокомандующего принял решение о немедленном штурме. Во время выдвижения войск к намеченным рубежам атаки последовала вылазка 15 000 турок, которая после 2-часового боя была отбита с уроном для неприятеля. После этого спешно начались работы по возведению русских редутов. 1 июля возле них началась ожесточенная перестрелка с турецкими партиями. Подняв армию по тревоге, Миних двинул половину войск в решительную атаку. К ночи противник был вытеснен из садов у форштадта. Сюда спешно перебросили артиллерию (13 пушек, 8 мортир и 4 гаубицы), начавшую бомбардировку внутренней части крепости. К утру значительная часть Очакова оказалась охвачена пожарами, на которых намеренно концентрировался артиллерийский огонь русских. Войска пошли на штурм, но сразу попали под губительный огонь, наткнувшись на глубокий ров перед крепостной стеной, о котором не имелось предварительных сведений. Положение было спасено взрывом турецких пороховых погребов, уничтожившим значительную часть гарнизона. Потери турок, включая обывателей, достигали 17 тысяч человек, русские потеряли безвозвратно более 1 тысячи и имели почти 3 тысячи раненых. Несмотря на разрушения Очакова, Днепровской армией были взяты значительные военные трофеи и три тысячи пленных.

Судя по имеющимся документам, ландмилицкие полки, как и все кавалерийские части, сыграли во взятии Очакова вспомогательную роль. К такому выводу подталкивают данные о павших при штурме крепости. В пехотных полках в сражении насчитывалось по нескольку десятков убитых и раненых. Согласно Хронологическому указателю военных действий Российской Армии и Флота, потери ландмилиции в ожесточенном бою убитыми и пропавшими без вести составляли: в Белевском полку — 5 человек, в Орловском — 1, Новооскольском — 3, Борисоглебском — 4, Белгородском — 2. Путивльском — 4, Курском — 14, Брянском — 10, Севском — 15[23]. В рапортах полковых командиров, приводимых А. Б. Баиовым, называются иные цифры: упоминается о 5 убитых в Брянском, 1 в Курском, 3 в Белевском полках. Раненых насчитывалось: 1 в Орловском, 2 в Белевском, 14 в Курском, 3 в Брянском,

[23] Хронологический указатель военных действий Российской Армии и Флота. Том 1. Типо-Литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1908

3 в Новооскольском, 2 в Борисоглебском и 2 в Белгородском. Без вести пропало 2 человека в Борисоглебском полку [24].

Наградой войскам стали выплата месячного жалования и освобождение провинившихся от наложенных ранее взысканий. Оставив в крепости гарнизон, в составе которого была и ландмилицкая команда, Миних вновь переправился через Буг, став лагерем в 40 км от Очакова. Демонстрируя намерение продвижения к другому опорному пункту османов — Бендерам, войска выигрывали время для укрепления занятой крепости. Весь июль и август продолжались непрерывные стычки и бои с татарами, войска страдали от бескормицы, зноя и жажды. 1 августа под началом генерал-лейтенанта Александра Румянцева, отца будущего выдающегося полководца П. А. Румянцева, от армии отделился отряд, прикрывший движение на север огромного обоза и плененных татар и турок. В него входили ландмилицкие части, включая Орловский полк. При этом наиболее здоровыми и выносливыми ополченцами пополнили Белевский и Борисоглебский полки, оставленные при Днепровской армии. Они вновь были включены в состав первой дивизии, оперировавшей в районе Буга. 27 августа армия, оставив замысел по захвату Бендер, двинулась в обратный путь. При марше к российским границам сводные ландмилицкие части были назначены в состав колонны генерала Леванделя. В каждой из них числилось более тысячи человек, среди которых не менее сотни оказались больными или ранеными. 10 сентября в параде, устроенном Минихом в честь побед армии Ласси в Крыму, могли принять участие по три с половиной сотни воинов от каждого из двух ландмилицких полков [25]. 26 сентября в районе знаменитой Переволочны войска были распущены на зимние квартиры.

Осенью того же года ландмилиция совместно с малороссийскими казаками отражала набег крымских татар, прорвавших Украинскую укрепленную линию. Местом сбора весьма ограниченных русских сил во время набега 26 октября 1737 г. стала крепость св. Прасковеи, находящаяся в пределах дислокации Орловского конного полка [26].

Накануне кампании следующего, 1738 г. Орловский и Ливенский полки прикрывали свои участки на Украинской линии. Ли-

---

[24] Баиов А. Б. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736—1739 гг. Примечания. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. С. 145

[25] Баиов А. Б. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736—1739 гг. Примечания. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. С. 153.

[26] Звегинцов В. В. Русская армия. Ч. 1. 1700—1763. Париж,. 1967. С. 129.

венцы подчинялись бригадиру Колокольцеву, орловцы — генерал-майору Девицу. Для усиления в крепости св. Прасковеи разместили две с половиной сотни кирасир Бевернского полка. В мае 1738 г. 9 ландмилицких полков назначались в состав Днепровской армии главнокомандующего, на этот раз двигавшейся в Молдавию. В каждом из них насчитывалось немногим более тысячи человек при двух орудиях. Еще шесть ландмилицких частей вошли в Донскую армию фельдмаршала Ласси.

К 4 мая закончилась переправа большей части армии Миниха через Днепр у Мишарина Рога. На правом берегу ландмилицию включили в 1-ю дивизию, которая, не дожидаясь остальных войск, двинулась маршем на реку Омельник, где намечался сбор всех сил русских. Впрочем, ландмилицкие полки совершали переход самостоятельно, прибыв в назначенное место 15 мая. Обнаружилось отступление от намеченных планов кампании, поскольку выйти к Омельнику русские войска должны были еще месяц назад. Выступление объединенных сил на юго-запад началось спустя неделю. Целью похода сначала являлся Южный Буг, протекавший в 300 верстах от Омельника.

Места были хорошо знакомы войскам по прошлогоднему походу — 4 июня передовые отряды были уже на реке Ингул. Три дня простояв на бугских переправах, 29 июня Миних двинулся вверх по течению по правому берегу реки. При ее притоке Кодым состоялся продолжительный бой с 10-тысячным татарским отрядом, в нескольких местах пытавшимся атаковать лагерь русской армии. Спустя 5 часов стороны разошлись с незначительными потерями, после чего русские продолжили поход. Новое столкновение стало намечаться 8 июля у речки Соврани, где попытки противника атаковать были пресечены артиллерийским и ружейным огнем. Спустя две недели в двадцати верстах от Днестра турецкие войска в очередной раз ограничились демонстрациями нападений, так и не вступив в генеральное сражение. 26 июля ситуация вновь повторилась — вражеская конница тревожила боевые порядки русских, после чего спешно отходила от их позиций.

Вечером Миних вновь укрепился лагерем напротив Днестра, фронт которого на ночь был прикрыт ландмилицией и всеми казачьими полками. На другом берегу расположились 60 тысяч турок, которых на русской стороне поддерживала орда буджакских татар. Всю ночь охранение вело перестрелку с янычарами, на лодках переправлявшимися через Днестр. Наутро начались и стычки конных

разъездов. Проведя двое суток в артиллерийских дуэлях, Миних созвал военный совет, на котором военачальники сошлись во мнении о невозможности удачной переправы на противоположный берег ввиду наличия сильного неприятеля напротив себя и пребывания крупного вражеского отряда в русском тылу. Как только началось отступление, турки переправились на левую сторону Днестра и двинулись вслед за Минихом.

Русским целыми днями в жаркий зной приходилось отражать мелкие наскоки вражеской конницы и янычарских стрелков, ведя при этом постоянное движение через овражистую местность, на ночь окапываясь в лагерях. Большой угрозой становился недостаток фуража и питьевой воды. В августе пришлось отказаться от значительной части амуниции, лафетов орудий и повозок, преданных огню. Положение отчасти спасло прибытие 6 августа обоза с водой, для встречи которого Миних лично организовал боевую операцию. 20 августа армия вышла к Бугу, где отразила последнее нападение татар. Уже при отходе к войскам пришел приказа из Петербурга о возвращении на Днестр с целью захвата османских крепостей, но фельдмаршал с соратниками отказались выполнять запоздалые указания императорского двора. 17—18 сентября ландмилицкие полки уже переправлялись на российское днепровское Левобережье.

Неудачный поход на Днестр дорого обошелся российским войскам. Людские потери, невзирая на отсутствие генерального сражения, достигали трети изначального состава Днепровской армии, фактически оказался утрачен армейский обоз, серьезно пострадали лошади и тягловый скот. Для восполнения материальных потерь ландмилицких частей было запрошено 437 тысяч аршин сукна, 20 700 пар сапог и башмаков, более 1200 седел[27]. Основным пунктом сбора средств стала крепость св. Прасковеи. Наряду с восстановлением боеспособности войск требовались срочные меры по охране границы. Ландмилицию вновь вернули на Украинскую линию, где она пребывала в составе второй дивизии под началом генерал-аншефа Кейта, а затем генерал-майора Бутурлина. Укрепления предполагалось занимать ополченцами нерегулярной службы.

Зимой 1739 г. состоялся последний набег крымцев в русские пределы в стороне от линии, вблизи Днепра, никак не повлиявший на течение войны. Весной 15 ландмилицких полков вновь назначались для действий в составе Днепровской армии, остальные пять

[27] Баиов А. Б. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736—1739 гг. Примечания. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906.

оставались нести гарнизонную службу. Кроме того, уходящие в поход полки оставляли на месте дислокации отдельные команды общей численностью в две тысячи человек. Помимо них насчитывали около 17 тысяч нестроевых ополченцев, назначенных вести фортификационные работы.

Из них же комплектовали пополнение для боевых частей, весьма расстроенных предыдущим походом. На четвертый год войны людские резервы стали заметно истощаться, ввиду чего все ландмилицкие полки весной прибыли к армии в изрядном некомплекте. Их снабжение и оснащение никак не отвечали потребностям войск, ополченцы не имели прочной одежды и обуви, были вынуждены одеваться в парусиновые кафтаны. Как и два года назад, главнокомандующий побуждал к переходу в ландмилицию офицеров из полевых частей, но особенного успеха не имел.

В 1739 году ландмилиция по традиции составляла значительную часть русской армии Миниха, состоя из Валуйского, Орловского, Белевского, Курского, Козловского, Путивльского, Севского, Новооскольского, Борисоглебского полков. Как и раньше, при каждом полку имелось по два артиллерийских орудия. Орловский полк под началом бригадира Штокмана 3 мая пребывал в Лубнах. С большим запозданием войска переправились к 13 мая через Днепр, после чего ландмилицкое ополчение включили в третью дивизию генерал-аншефа А. Румянцева.

Цель похода в последнюю кампанию войны была иной — теперь предстояло двигаться не на юг, а на запад, в польские пределы. Требовалась поддержка вновь обретенного союзника — Австрийской империи, войска которой сражались с османами в южных пределах Речи Посполитой.

На военном совете 22 мая генералитет узнал, что основной задачей армии является взятие крепости Хотин в верхнем течении Днестра, вслед за чем, спустившись на юг, планировалось очистить от турок Молдавию и Валахию. 28 августа войска перешли польскую границу и двинулись к бугским берегам по местности, гораздо более благоприятной для похода, нежели засушливые причерноморские степи. Польские войска держались в отдалении, вдали от маршрута русских, ограничиваясь внешним наблюдением.

Прибыв к Бугу, Миних организовал отвлекающий маневр отряда малороссийского полковника Капниста, переправив армию на западный берег. Навстречу из-под крепости Хотин уже двигались от 60 до 80 тысяч турок и татар. Первые стычки начались

9 июля вблизи реки Збруч, после чего армия выстроилась в огромное и неповоротливое каре. 19 июля у Синьковиц войска перешли через Днестр, который турки не позволили форсировать в минувшем году. Еще спустя 10 дней в этот район подошла дивизия Румянцева, прикрывавшая внушительный армейский обоз и осадную артиллерию. Ее Миних вновь выделил в отдельный отряд, в котором состояли и 9 полков ландмилиционеров. Один из них позднее передали в авангард генерала Фермора.

Противоборствующие армии в постоянных стычках приближались к селению Ставучаны. Переходя через многочисленные речки, русские продвигались не в походном, а в боевом порядке. Генеральное сражение всей войны состоялось 16 августа на берегах ручья Шуланец. Турки заблаговременно окопались на его высоких берегах, расположив здесь 70 орудий. Однако всю татарскую конницу их командующий Вели-паша направил в тыл русским, определив османских кавалеристов для прикрытия флангов. На 5-верстном фронте предстоящего сражения у неприятеля осталось не более 20 тысяч войск. У русских, активно участвовавших в бою, насчитывалось около 48 тысяч штыков и сабель.

План Миниха заключался в отвлекающей демонстрации на правом фланге и нанесении главного удара на левом. Замысел вполне удался, и уже к 16 часам русская армия, отбивая турецкую конницу Колчак-паши (предка «верховного правителя России» 1918—1919 гг.), форсировала ручей и преодолели крутой берег. Здесь, у деревни Ставучаны, последовала решительная атака янычар, отбитая густым ружейно-пушечным огнем. К 19 часам османский лагерь был захвачен, а неприятель в панике бежал к Хотину. Потери русских не достигали и нескольких десятков человек, в основном донских казаков. Турки потеряли около тысячи воинов, обоз и все пушки и мортиры. На деле неприятель был не разгромлен, а рассеян по окрестностям, следствием чего стало немедленное падение Хотина. 17 августа семьсот человек гарнизона во главе с Колчак-пашой сложили оружие.

Помимо других войск в занятии крепости участвовали батальоны от шести ландмилицких полков. Дальнейшей целью Днепровской армии стало вторжение в Молдавию вдоль реки Прут. В продолжении похода приняли участие 5 однодворческих полков, еще один был оставлен в гарнизоне вновь возведенного укрепления св. Иоанна, контролировавшего переправу через Прут. 5 сентября войска Миниха вступили в молдавскую столицу Яссы.

Однако уже через неделю было получено известие о выходе из войны союзной Австрии, заключившей сепаратный мир с Турцией. В октябре начался отвод русской армии в российские пределы. Орловский, Путивльский и Валуйский полки под командой генерал-майора Философова прикрывали тылы уходившей ранее драгунской кавалерии и шли параллельным маршрутом на г. Васильков. Курский полк, предназначенный остаться в Молдавии, осенью вышел с другими войсками на Белгородку.

Каковы же итоги участия ландмилиции в кампаниях войны 1735—1739 гг.? На поверхностный взгляд ее формирования имели необходимые ресурсы для участия в полноценном бою. Каждый полк обладал артиллерией, хотя и в малом количестве, к началу войны считалось, что ландмилицкие части переведены на положение драгунских. В теории это означало, что ополченцы обладают навыками участия как в конном, так и в пешем строю. Кроме того, все современники указывали на превосходные качества рядовых ландмилиционеров как прирожденных воинов. Полки ландмилиции участвовали во всех решающих событиях — Крымских походах, взятии Кинбурна, штурме Очакова, Ставучанской битве. Не менее 12—15 тысяч ополченцев ежегодно распределялись как в Днепровскую, так и в Донскую армии, остальные охраняли Украинскую линию. Воинам-однодворцам довелось пройти многие сотни верст по засушливым степям, переправляясь через многочисленные реки. На их долю выпали многодневные конные переходы, лишения и голод, постоянные стычки с конницей неприятеля.

Однако реалии войны показали достаточно скромные возможности ландмилиции на поле боя. За четыре года ландмилицкие полки фактически ни разу не действовали самостоятельно, главным образом выполняя различные вспомогательные задачи — охранение, фуражировки, ближняя разведка, фортификационные работы. Впрочем, и другие иррегулярные войска, исключая донских казаков, всегда включались в состав смешанных формирований. Регулярной армией, к которой их формально относили, ландмилиционеры так и не стали, а «драгунский строй», видимо, существовал только на бумаге. Снабжение и оснащение ландмилиционеров никоим образом не отвечало задачам войны. Самой серьезной проблемой являлось неудовлетворительное состояние офицерского состава, который совершенно не годился для военного времени. Очевидно, что пребывание в ландмилиции признавалось лишь временной вынужденным мерой для тех из небогатых дворян, кто оказался

зачислен в ее ряды или же сознательно укрылся там от придирок начальства и муштры в строевых частях. С момента своего фактического создания — 1723 г., ландмилиция не участвовала в серьезных сражениях, что не могло не сказаться на ее выучке и воинском духе. Четырнадцать ландмилицких полков из двадцати, в том числе Ливенский, были сформированы незадолго до начала военных действий с Крымом и Турцией.

Когда началась настоящая война, командование принялось предпринимать экстренные меры по повышению боеготовности ландмилиции. Несмотря на все усилия, в военных действиях она участвовала в составе смешанных подразделений, как правило, вместе с драгунами и малороссийскими, запорожскими или слободскими казаками. Следует предположить, что во время походов фельдмаршал Миних произвел оценку возможностей ландмилицких частей. Интересен состав полков, участвовавших в последнем событии войны — Ставучанском походе 1739 г. Кроме одного, все они принимали участие в состоявшемся двумя годами ранее штурме Очакова. Четыре полка, штурмовавших Очаков — Курский, Орловский, Путивльский и Севский, относились к «старым» ландмилицким формированиям и вели свою историю с 1723 г. Валуйский, Курский, Новооскольский состояли при Днепровской армии в Крымском походе 1736 г. Белевский и Борисоглебский полки при отходе от Очакова осенью 1737 г. остались наиболее боеготовыми сводными соединениями всей ландмилиции. Таким образом, есть основания полагать, что, при всех издержках, отдельные ландмилицкие части, включая Орловский конный полк, через два-три года войны пользовались определенным доверием командования и включались в состав армии, предназначенной для генеральных сражений.

ЧАСТЬ 2.
ОРЛОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768—1774 гг.

2.1. Орловский полк накануне и в начале войны

Российское государство, стремившееся к утверждению на ключевых геополитических рубежах Евразии, нуждалось в военной организации, способной противостоять вооруженным силам ее традиционных противников в борьбе за господство в Восточной Европе. На протяжении XVI—XVIII столетий одним из основных конкурентов России в этом регионе выступала Османская империя, опекавшая тюркские орды, благодаря сохранению военно-набеговой системы столетиями живущие за счет систематического ограбления сопредельных земель.

Судьбоносным временем для Орловского полка стали годы, предшествующие екатерининским войнам с Турцией. Именно в период подготовки к стратегическому наступлению на Северное Причерноморье произошло кардинальное преобразование вооруженных сил, в ходе которого была значительно укреплена регулярная армия. В числе инициаторов изменений выступил один из самых известных полководцев той эпохи — генерал-аншеф (будущий фельдмаршал) Петр Александрович Румянцев. Начиная с 1764 г. он занимал пост президента Малороссийской коллегии, имея полную военную и гражданскую власть на огромной территории Украины и Новороссии. Именно он стал последовательно проводить мероприятия по подготовке к наступательной войне за выход к черноморским берегам и устью Южного Буга и Днепра.

Одним из начинаний Румянцева была реорганизация многочисленных иррегулярных формирований и «поселенных войск», в течение многих лет несших службу по южному порубежью. Опыт предшествующих войн показал невысокую боеспособность слободских и малороссийских казаков, ландмилиции, «компанейских» и «охочеконных» полков.

У казаков Малороссии и Слободской Украины совершенно упразднили остатки былых вольностей, а затем преобразовали в ре-

гулярные легкоконные части. Что касается ландмилиции, то еще до назначения Румянцева почти все из ее полков были переведены из конницы в пехоту. Для рекрутов пехотных полков из бывшей ландмилиции впервые в русской армии было установлено временное ограничение срока службы — 15 лет[28].

Указ от 15 декабря 1763 г. следует считать судьбоносным для истории Орловского полка. Двадцать ландмилицких частей были переформированы в десять пеших полков двухбатальонного состава: Севский Орловский, Брянский, Курский, Старооскольский, Белевский, Ряжский, Елецкий, Тамбовский, Козловский. Кроме них оставался и один конный пятиэскадронный Борисоглебский полк, позднее ставший драгунским. Характерно, что первые четыре из перечисленных частей могли являться наследниками старейших формирований ландмилиции, известных под такими наименованиями еще с 1727 г. Все они принимали участие и в предыдущей русско-турецкой войне. Вновь образованные полки сводились в Украинскую дивизию, подчиненную генерал-губернатору Малороссии генерал-аншефу П. А. Румянцеву. Дивизию предписывалось комплектовать южнорусскими однодворцами, что и соблюдалось на протяжении следующих трех десятилетий. Только во время русско-турецкой войны, по Указу 16 января 1769 г. ландмилицкие полки стали именоваться не «пешими», а «пехотными», что свидетельствовало об усилении регулярного начала в их военном предназначении.

Части Украинской дивизии вплоть до начала русско-турецкой войны оставались единственными пехотными полками в Малороссии. Имеющие боевой опыт соединения подошли на театр военных действий из центральных губерний только весной 1769 года. Украинская дивизия осталась административно-военным образованием, не применяясь в ходе войны в качестве самостоятельного армейского формирования.

Двумя годами ранее на Украину была распространена рекрутская повинность, однако бывшие ландмилицкие полки еще на протяжении двух десятилетий продолжали комплектоваться не малороссиянами, а выходцами из южнорусских уездов. Как отмечают исследователи, уроженцы Украины направлялись главным образом в кавалерию.[29] Один из известных мемуаристов екатерининской эпохи, Г. Штрандман, описывая свой путь в армию через Елец и Во-

[28] Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698—1801. М., 1995. С. 127.
[29] Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698—1801. М., 1995. С. 127.

ронеж в 1769 г., отмечал, что последний рекрутский набор состоял только из крестьян этих местностей и из однодворцев[30].

Другим доказательством в пользу вывода о великоросском национальном составе Орловского полка служат тексты донесений А. В. Суворова о боях в районе Кинбурнской косы 21 августа — 1 октября 1787 г. Среди отличившихся в боевых действиях он называет военнослужащих полка: сержанта (затем прапорщика) Федота Клюшникова, капрала Никифора Жарикова, сержанта Акима Лисицына, рядовых Парфена Лукутина, Михаила Жданова и Василия Мещерякова, причем относительно двух последних прямо подчеркивается, что они происходят «из однодворцев» [31].

Орловский пехотный полк состоял из двух батальонов по шесть рот в каждом. Одна из рот батальона была ударной — гренадерской, ведшей штыковой бой, остальные — мушкетерскими, чьим предназначением была огневая поддержка гренадер. Позднее, уже во время войны, были созданы команды полковых егерей — по 60 стрелков в каждом полку. Учитывая опыт военных действий, русское командование с 1770 г. стало выделять сводные гренадерские и егерские батальоны, фактически ставшие самостоятельными частями. В военное время две роты каждого полка оставлялись в месте его дислокации. Согласно штатам 1756 г., пехотным полкам полагалось 4 медных трехфунтовых орудия и 8 так называемых «мортирок».

Русско-турецкие войны екатерининской эпохи воспринимаются общественным мнением, да и значительной частью ученого сообщества достаточно упрощенно: их главной целью со стороны России признается достижение ключевых геополитических рубежей, овладение которыми устраняло бы угрозу многовековых вторжений кочевников в пределы России.

В этой связи необходимо вспомнить о планах Блистательной Порты, которыми она руководствовалась, вступая в войну 1768—1774 гг. Предполагалось наступление силами трех турецких армий: на Астрахань, на южнорусские провинции, а также на Варшаву и далее совместно с поляками, предводители которых обещали выставить 80 тысяч конницы, на Смоленск и Киев.

Османская армия должна была в совокупности составить около 600 000 человек — примерно столько, сколько привел спустя полстолетия в Россию Наполеон Бонапарт. В качественном отношении турецкие части уступали европейским армиям, однако на их сто-

[30] Штрандман Г. Э. фон. Записки. Пер с нем. — Российская Старина, 1882, т. 34, № 5. — С. 291.
[31] Суворов А. В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. — С. 246.

роне (как потом в 1812 г.) вполне могли выступить польские инсургенты.

В случае успеха стратегические замыслы турок вели к утрате Российской империей своего суверенитета. Военный совет, созванный императрицей 4 ноября, постановил образовать три армии. 1-я, наступательная, насчитывавшая 80 тысяч, сосредоточивалась в окрестностях Киева; вторая, оборонительная или украинская, в количестве 40 тысяч размещалась юго-западнее, у местечка Усть-Самара и Бахмута; третья, обсервационная, размещалась у Луцка. Также было принято историческое решение о посылке в Средиземноморье русской эскадры и направлении экспедиционного корпуса в Закавказье.

Согласно утверждённым 14 января 1763 года штатам, в каждом пехотном полку в военное время полагалось иметь под ружьем 2154 военнослужащих, в том числе 56 офицеров, 122 унтер-офицеров и капралов, 1769 нижних чинов и 243 нестроевых.

Орловский полк в составе Украинской дивизии оказался во Второй армии под командованием набиравшего авторитет и признание П. А. Румянцева. Последний имел право самостоятельно планировать действия вверенных ему войск в предстоящей кампании. Пехотные полки в рассматриваемый период насчитывали два батальона со штатом 575 мушкетеров и две гренадерские роты, в каждой из которых предписывалось иметь 200 солдат. Именно последние должны были играть решающую роль в сражении, нанося атакующий штыковой удар по неприятелю. В ходе войны гренадеры постепенно стали выводиться из состава своих частей и воевали в рядах сводных батальонов. Видимо, по этой причине в документах периода военных действий 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. пехотные части, временно не имевшие в своих рядах гренадерских рот, часто именовались «мушкетерскими полками».

На пополнение русской армии был рассчитан рекрутский набор в числе 19 с половиной тысяч новобранцев, из них около 600 были призваны непосредственно в Орловской провинции. Большинству из них едва ли пришлось попасть в Орловский полк — в русской армии уже прочно укрепился принцип экстерриториальности при комплектовании войск. Однако бывшие ландмилицкие полки вплоть до конца 1780-х гг. продолжали пополняться южнорусскими однодворцами — выходцами из Орловского, Ливенского, Елецкого и иных сопредельных уездов. Помимо рекрутов в каждую часть действующей армии переводилось по 200 мушкетеров и 100 грена-

П.А. Румянцев

деров из полков, оставленных в коренной России.

Вторая армия должна была быть развернута по р. Южный Буг с целью поддержки армии А. Голицына со стороны Польши и обороны Новороссии от татарского вторжения. Орловский полк в сентябре 1768 г. располагался в селе Власовка на Левобережной Украине, которая имела репутацию «опаснейшего поста» всего русско-турецкого порубежья. Накануне кампании войска проходили интенсивное обучение, которое завершилось проверкой их состояния командующим армией. В начале октября П. А. Румянцев посетил Полтавский лагерь и составил рапорт в Военную коллегию по поводу состояния обучавшихся там частей Украинской дивизии. Они лично были проинспектированы командующим порознь во всех «экзерциициях и эволюциях». Лучшими были признаны Старооскольский и Севский полки, относительно Орловского, Брянского, Ряжского и Белевского Румянцев также отозвался с одобрением, указав, что их «можно предпочесть другим своей исправностью». Упущением для войск полководец признал полную негодность стрелкового оружия[32].

В ноябре по указанию киевского генерал-губернатора Войкова части Украинской дивизии — Орловский, Брянский и Козловский полки — ввиду вероятного вражеского вторжения были передислоцированы в приграничную Елизаветградскую провинцию — на правый берег Днепра. В связи с этим возник острый конфликт между киевским наместником и П. А. Румянцевым, обращавшим внимание на фактическое оголение более важного участка границы, до того прикрываемого ландмилицкой пехотой. В начале зимы полки расположились от Архангельского шанца до слободы Добрянка.

К февралю 1769 г., когда после вступления 1-й русской армии в польские пределы угроза внешнего нападения для Елизаветградской провинции стала призрачной, Румянцеву удалось добиться возвращения частей Украинской дивизии на левый берег Днепра,

[32] П. А. Румянцев. Документы. Т. 2. М.: Военное изд-во МО СССР, 1953. С. 15.

причем Орловский полк оказался расквартирован в Китай-городке.

В начале мая армия Румянцева спешно на понтонах и подручных средствах переправилась через Днепр у Кременчуга и Переволочны. Целью похода было отвлечение от отступающего из Молдавии Голицына способных преследовать его османов, ввиду чего дальнейший маршрут армии лежал в сторону реки Южный Буг. Вся кампания 1769 г. прошла для Орловского полка в беспрерывных маневрах. 12 июня все части 2-й армии объединились у г. Самбор. Активно действовали кавалерия и казаки, постоянно ведшие поиски против неприятеля. Уделом пехоты в этом году оставались многодневные марши и переходы в бескрайней степи. Турецкая армия не проявляла активности, все лето простояв в Бендерах.

Спустя месяц русские войска сосредоточились в окрестностях Елизаветграда. 19 августа, получив известие о выступлении противника из Бендер к осажденному 1-й армией Хотину, Румянцев двинул войска к селению Высь, намереваясь отразить возможное вторжение османов на российскую территорию. Армия Голицына отошла от Хотина, ввиду чего войска Румянцева оставались в окрестностях Выси в готовности парировать наступление турок на нескольких операционных линиях. 24 августа было объявлено о назначении генерал-аншефа П. А. Румянцева командующим 1-й армией.

В начале сентября Орловский полк прибыл в слободу Добрянка на притоке Южного Буга р. Синюхе — новому месту дислокации, назначенному Румянцевым перед отъездом в 1-ю армию. 17 сентября к войскам прибыл новый командующий — генерал-аншеф П. И. Панин, по приказу которого армия перешла пограничную Синюху и вступила на территорию Речи Посполитой. Из Петербурга Паниным был получен приказ о наступлении на крепость Бендеры, однако из-за недостатка сил выполнить его командующий возможности не имел. Осенью русские ограничились набегами и поисками против неприятеля. Передовые отряды конницы 2-й армии появлялись в окрестностях Бендер, постоянно тревожа противника. После получения известий о поражении турок при Хотине войска предполагалось оставить на зимовку в окрестностях местечек Покатилово и Лебединка. Однако из-за наступивших морозов в октябре армия ушла на зимние квартиры к Днепру.

Все зимние месяцы войска энергично готовились к походу на крепость Бендеры — главную цель в предстоящей кампании

1770 г. Орловский полк, квартировавший в Елизаветградской провинции, был включен в авангард генерал-майора И. К. Элемпта, в составе 4 пехотных, 4 кавалерийских и 2 казачьих полков назначенный прикрывать Ладыжин[33]. Благодаря наличию у этого местечка моста через Южный Буг здесь предполагалось переправить войска на неприятельский берег. Две роты не приняли участия в походе, будучи оставлены в крепости Белевская на Украинской линии.

16 апреля полк вновь вышел на правый берег Синюхи, спустя две недели достигнув Ладыжина, где впервые за войну оказался в боевой обстановке, — передовой отряд татар был рассеян силами русской конницы. Отсюда небольшие партии русских были высланы к обоим берегам Днестра, имея задачу прикрытия левого фланга соседней 1-й армии и обустройства опорных пунктов для продвижения войск армии Панина в бугско-днестровском междуречье.

2.2. Бендерское взятие 1770 г.

В течение двух месяцев отряд генерал-майора И. К. Элемпта (Елемпта) при 17 двенадцатифунтовых орудиях находился в отрыве от главных сил, обеспечивая их безопасное продвижение по вражеской территории. Показательно, что из четырех пехотных полков, бывших под началом генерала, годом ранее три заслужили весьма высокую оценку тогдашнего командующего 2-й армией П. А. Румянцева. Белевский и Старооскольский полки на смотре в Полтавском лагере были названы в числе лучших частей Украинской дивизии, а состояние Орловского полка не вызвало нареканий командования.

На 7 июня в Орловском полку при списочном составе в 1321 человек в наличии имелось: 250 гренадеров, 751 мушкетеров и егерей, 78 унтер-офицеров, 74 нижних чина при штабе, 25 обер-офицеров, 7 штабных чинов и только 2 штаб-офицера из полагавшихся 4-х — полковник и премьер-майор[34]. Во главе полка, судя по «Списку воинскому департамента...», должен был находиться полковник Викентий фон Рейер[35]. Уже во время осады Бендер к полку присоединился подполковник Терентий Сазонов. По спискам премьер-

---

[33] Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1768—1774 гг., СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. Т. 2. С. 284.

[34] Ведомости к описанию действий 2-й армии в 1770 г. Цит. по: Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1768—1774 гг. Т. 2. С. 561—563.

[35] Список воинскому регламенту..., СПб., 1770. С. 67.

Бендерская крепость. Современный вид

майором полка, то есть заместителем полкового командира и командиром 1-го батальона, являлся Иоганн Крындер. Секунд-майором — командиром 2-го батальона — числился Василий Козлов. Однако в период решающих боев все источники однозначно называют главным действующим лицом премьер-майора Орловского полка Алексея Шипилова.

Орловский полк во время 300-верстного перехода, проходившего при еще не завершившемся разливе рек, также охранял осадную артиллерию и подвижные обозы. В начавшемся походе помимо постоянной опасности нападения татарской конницы русским также угрожала эпидемия чумы, ввиду чего имелся строгий приказ не пользоваться местной провизией и припасами и не посещать обывательские жилища.

Соединение отряда И. К. Элемпта с Паниным произошло только 22 июня возле Балты. Спустя неделю русские переправились через Днестр в 15—20 верстах от Бендер. Армия Панина по численности превосходила защитников крепости, однако собственно пехоты, которой предстояло сыграть решающую роль в предстоящих боях, насчитывалось не более 11 тысяч человек.

В виду крепости осадная армия развернулась по обоим берегам Днестра, имея основной лагерь на правом и вспомогательный, возглавляемый генерал-майором М. Каменским, на левом его берегах. Орловский полк оказался в составе главных сил, перекрывших коммуникации, ведущие по днестровскому правобережью к Бендерам из османских владений. Таким образом,

П.И. Панин

гарнизон крепости оказался отрезан от главных сил османского войска. Кавалерийский отряд генерала Прозоровского, подкрепленный запорожским войском, беспокоил турок и крымских татар вблизи Очакова, пресекая возможную помощь с его стороны бендерскому гарнизону.

Выдвижение русских отрядов на назначенные им позиции имело место 15-го июля, когда осаждающие пятью колоннами приблизились к крепостным стенам на пушечный выстрел. Турки решительно атаковали передовые кавалерийские разъезды армии Панина, но после полуторачасового боя были оттеснены в крепость.

По решению командования позиция орловцев располагалась примерно в середине боевых порядков 2-й армии, вместе с Козловским полком занимая возведенный своими силами земляной редут. Осада Турецкой крепости продолжалась три месяца, сопровождаясь непрерывными артиллерийскими дуэлями, минной войной и кровопролитными вылазками турок. Большим успехом стала дипломатическая победа П. И. Панина, сумевшего лишить осажденных поддержки извне: за две недели переговоров ему удалось склонить едисанскую, буджакскую и ногайскую орды к принятию российского подданства.

По воспоминаниям современников, войска были охвачены всеобщим воодушевлением и всеми силами стремились принять участие в сражении. Офицеры при всяком случае старались подвергнуться опасности, состязаясь в удали и геройстве. Не случайно, что за три месяца осады армия потеряла погибшими или ранеными 254 штаб- и обер-офицера. Рядовые, также охваченные боевым порывом, обращались к командованию с просьбами направлять их в передовые траншеи.

Несомненно, именно царивший в армии Панина моральный подъем сыграл решающую роль в духовном становлении Орловского полка как полноценного боевого коллектива. За три месяца

интенсивных военных действий его солдаты и офицеры не только приобрели необходимые воинские навыки, но и прониклись чувством войскового товарищества, в конечном итоге в полной мере ощутив вкус победы.

Осадные работы, спланированные инженером генерал-майором Гербелем, были начаты 18 июля, 21-го началась бомбардировка крепости, заставившая турок отступить из предместья. Однако в течение следующих трех суток неприятель непрерывно совершал вылазки, в ходе одной из которых впервые было суждено отличиться воинам Орловского пехотного полка. Как сообщает участник осады Г. Г. Штрандман, за отражение одной из атак неприятеля, стоившей ему порядка 50-ти погибших, не названный в воспоминаниях поручик орловцев был произведен в капитаны, а солдаты получили от командующего по 25 копеек[36].

Особенно ожесточенная вылазка турок произошла в ночь на 2 августа, когда около двух тысяч неприятельских воинов попытались прорваться на оба фланга возведенной накануне третьей осадной параллели. Отражая вражеский натиск, русские потеряли генерал-майора Лебеля, 5 офицеров и около 200 солдат. Начиная с 14 августа зачастили проливные дожди, превратившие траншеи в труднопроходимую трясину. Спустя три недели из крепости на вылазку вышел практически весь гарнизон, однако осаждающие с малыми потерями вновь заставили его отступить.

Вскоре осадные работы фактически возглавил М. Е. Каменский, добровольно вызвавшийся быть траншейным генералом. По его приказанию войска при возведении укреплений и подкопов действовали вахтовым способом: ежедневное прикрытие работников состояло из 10 гренадерских и 12 мушкетерских рот. Прибывшая из лагеря смена проводила первую ночь во второй, а вторую — в третьей осадной параллели. Командовать подразделениями на передовых позициях поочередно назначались офицеры всех частей, находящихся при Бендерах. Эту традицию нарушил М. Е. Каменский, добившийся разрешения в течение недели бессменно возглавлять ведение осадных работ. Вместе с ним все это время несла службу импровизированная группа управления, состоявшая из четырех офицеров-добровольцев[37]. Среди них упоминается и премьер-майор Орловского полка

[36] Штрандман Г. Э. фон. Записки. Пер с нем.//Русская старина, 1882, т. 34, № 5, С. 289—318; 1884, т. 43, № 7. С. 55—86; № 8. С. 271—288

[37] Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1768—1774 гг. Т. 2., С. 314.

А. Н. Шипилов, впоследствии ставший одним из героев русско-турецкой войны. С 3 по 11 сентября были произведены подрывы минных зарядов, после чего войска, отражая постоянные контратаки неприятеля, вплотную приблизились к крепостным бастионам.

Решающий штурм, намеченный на 15 сентября, Панин намеревался провести силами гренадерских рот, выделенных от всех пехотных полков. Атакующие войска разделялись на три колонны: правая — генерал-майора Каменского, средняя — генерал-майора Сент-Марка, левая — генерал-майора Мусина-Пушкина. Указанные военачальники, судя по всему, должны были осуществлять общее руководство вверенными войсками, тогда как решение тактических задач возлагалось на офицеров рангом ниже. В правой колонне отрядом из 8 гренадерских рот командовал полковник Вассерман; в средней, состоявшей из 6 рот, начальствовал полковник Миллер; в левой, насчитывавшей 8 рот, старшим начальником был назначен полковник Корф. Из них в ходе штурма Миллер был убит, а Вассерман и Корф получили ранения. К каждой колонне присоединились по две волонтерские команды. В резерве находились отряды полковников Панина и Протасова с 8 ротами мушкетеров каждый, а также команды из 260 егерей на флангах атакующих колонн.

Орловские гренадеры под началом премьер-майора А. Н. Шипилова были назначены в колонну полковника Корфа, которой после произведения подрыва 400-пудовой мины предписывалось атаковать крепостные укрепления Бендер с левого фланга.

Замысел боя предполагал переход через сухой крепостной ров и овладение стеной при помощи штурмовых лестниц. Подрыв заряда был произведен в 10 часов вечера, что стало сигналом для стремительной атаки ожидавших во второй линии траншей гренадер. В кромешной темноте, под огнем осажденных атакующие, за три месяца хорошо изучившие местность, преодолели передовые укрепления — двойные рвы и палисады, переправились через главный ров и по лестницам устремились на неприятеля. Русская артиллерия продолжала громить укрепления противника, перенося огонь в глубь города.

Современники отмечают, что бой носил ожесточенный характер, причем русские проявили высокое умение в рукопашных схватках, с искусством владея штыками и применяя против османов захваченные у них же артиллерийские орудия. Около часа ночи штурмующие, сбросив турок со стен, наводнили кварталы Бендер, где были

встречены ожесточенными контратаками противника. В «Журнале боевых действий» 2-й армии прямо указывается, что войска пробились в город «по трупам неприятельским»[38].

Очищая от неприятеля здания и постройки, русские стали поджигать строения. Панин, следя за развитием сражения, направил для поддержки атакующих резервы — 4 гренадерские и 4 мушкетерские роты майора Бухвостова. Ближе к крепостным бастионам около 8 утра из лагеря были придвинуты отряды под началом генерал-лейтенантов Ренненкампфа и Элемпта.

Последним оплотом турок стал крепостной замок, где укрылись командующий — сераскир и уцелевшие военачальники; в 9 часов утра 16 сентября после непродолжительных переговоров осажденные выбросили белый флаг. К этому времени весь город был охвачен морем огня, вызванным поджогами солдат и бомбардировкой артиллерии. Русское командование, добившись очевидного успеха в бою, не проявило способностей для наведения порядка в покоренном городе. После взрыва пороховых погребов Бендеры пылали целые сутки, вслед за чем занялось и предместье. В результате, исключая уцелевшую от огня цитадель, русским досталось голое пепелище. После взятия крепости Бендер войскам было приказано снести основные крепостные укрепления.

Теме не менее армии Панина достались весьма значительные трофеи. Солдаты, по обычаю войны того времени, довольствовались имуществом и пожитками обывателей. Арсенал российских войск пополнился 250 пушками и 25 мортирами, колоссальными запасами пороха, амуниции и продовольствия. В плену оказались 8000 османских воинов и столько же некомбатантов. Невосполнимые потери турок во время штурма оценивались в 4000 человек, тогда как русские лишились более тысячи погибшими и умершими от ран. Всего же за время осады армия Панина потеряла около 4 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, османы лишились вдвое-втрое больше бойцов гарнизона. Потери Орловского полка также были значительны. Только во время ночного штурма 15—16 сентября погибли капитан Райдеков и подпоручик Хадыревский, ранения получили подполковник Сазонов, поручики Мячков и Лутовинов, аудитор/адъютант Бабин.

Представление об участии Орловского полка в бендерском взятии проясняется из оценки факта награждения командира штурмового отряда этой воинской части А. Н. Шипилова (1735—1820)

[38] Журнал боевых действий 2-й русской армии за 1770 г. С. 125

только что учрежденным орденом Святого Георгия 4-й степени. В «Журнале боевых действий» 2-й армии отмечается, что отряд Шипилова захватил вражескую батарею, после чего этот офицер восстановил порядок в других подразделениях, утративших управление в суматохе ночного боя, и возглавил дальнейшие атаки на позиции османов на городских улицах.

Достаточно давно опубликован поименный список офицеров, удостоенных наград за покорение Бендер. В нем также указываются обстоятельства, выступавшие основанием для получения наиболее почитаемого российского ордена. Только относительно двух командиров описание их вклада в победу позволяет судить о пребывании возглавляемых ими подразделений на самом острие атаки в начале сражения. В формулярах премьер-майора Воронежского полка Г. Г. Штрандмана и премьер-майора Орловского полка А. Н. Шипилова (Шепилова) указывается, что награда вручается «За отличное мужество при штурмовании Бендерской крепости, на которую был первым вступившим по лестницам, с храбростию предводительствовал своею командою, отнимая у неприятеля бастионы, батареи и улицы»[39].

При этом гренадерские роты орловцев и воронежцев действовали в составе разных штурмовых колонн. Следовательно, именно ударному отряду Орловского полка во главе с А. Н. Шипиловым (в некоторых документах — Шепиловым) принадлежит главная заслуга в успехе, достигнутом колонной полковника Корфа. Если Воронежский полк существовал уже несколько десятилетий и давно имел высокую репутацию, то Орловский формально считался еще полурегулярным формированием, практически не имевшим реального боевого опыта. Тем ценней его доблесть и выучка, буквально за считанные месяцы превратившие орловцев в боеспособную часть, отличившихся во время штурма одной из сильнейших турецких крепостей.

Алексей Никитич Шипилов (1731—1820) всю свою жизнь посвятил военной службе, начав ее в 1752 году. За проявленную храбрость он был награжден 1 ноября 1770 года орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени[40].

Дворянский род потомственных воинов Шипиловых известен

---

[39] Судравский В. К. Кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за 140 лет (1769—1909 гг.)»//Военный сборник. 1909. № 3—12; 1910. № 1—12.

[40] Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках. На 1776 год. СПб. С. 282.

с XVI столетия, происходя из Владимирского уезда. В петровское правление упоминается Трофим Шипилов после обучения за границей четыре десятка лет прослуживший офицером Балтийского флота. Его двоюродный брат Никита Шипилов имел чин сержанта лейб-гвардии Преображенского полка в эпоху дворцовых переворотов. До офицерских званий дослужились все трое его сыновей — Александр (секунд-майор), Алексей (полковник) и Иона (полковник)[41].

Под 1774 г. имеются сведения об участии секунд-майора Ионы Шипилова в ожесточенных боях в Крыму. 24 июля этого года русские войска отражали турецкий десант под Ялтой[42]. Фамилия офицера упоминается в качестве командира второго мушкетерского батальона Московского легиона. Будучи в отряде генерала Мусина-Пушкина, батальон Шипилова был включен в состав колонны генерал-майора И. В. Якоби. Гренадерским батальоном Московского легиона в том деле командовал подполковник М. И. Голенищев-Кутузов. Русским предстоял штурм вражеских укреплений близ деревни Шумы. Пройдя за ночь 30 верст, отряд Мусина-Пушкина занял господствующую высоту. Затем гренадеры Кутузова атаковали неприятеля, тогда как батальон Шипилова в составе каре под началом подполковника А. Либгольда поддерживал их ружейным огнем. Когда гренадеры попали под огневой удар неприятеля, Якоби был контужен, а Кутузов получил тяжелейшее ранение, мушкетеры Шипилова пошли в решительную атаку. Преодолев глубокий овраг, русские стремительно ворвались на вражескую батарею, отбив 8 вражеских пушек и решив исход сражения[43]. В последующем Иона Шипилов состоял в Тульском пехотном полку (1776), получив чин премьер-майора 12 декабря 1778 г. Спустя два года он перевелся во Владимирский пехотный полк. Закончил военную службу полковником в 1790 г.

Сын секунд-майора Александра Никитича Шипилова Николай в чине штабс-капитана Московского гренадерского полка в 1799 году сражался бок о бок с Орловским (Мансурова) мушкетерским полком в Швейцарском и Итальянском походах А. В. Су-

---

[41] Фролов. Н. Возвращение лика, скрытого временем (вологодские Батюшковы и владимирские Шипиловы). http://www.vladregion.info/articles/vozvrashchenie-lika-skrytogo-vremenem-vologodskie-batyushkovy-i-vladimirskie-shipilovy

[42] Ткаченко В. Об уточнении некоторых вопросов по сражению при д. Шума//Military Крым, № 10. 2009. С. 39—56

[43] Мальгин А. В., Кротов А. И. Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768—1774 годов//Историческое наследие Крыма. 2009. № 24.

ворова, был удостоен ордена Св. Анны III степени. Во время Отечественной войны 1812 г., вернувшись из отставки, он служил в 5-м полку Владимирского ополчения.

Герой Орловского полка А. Н. Шипилов (Шепилов) в 1773 г. получил чин подполковника и был направлен на свободную вакансию в Архангелогородском полку. Спустя восемь лет уже полковника Шипилова перевели из Полоцка в Вологду на должность городского коменданта[44]. Там он вышел в отставку и поселился в своем вологодском имении Маклакове. «Военный мундир Екатерининского времени светло-зелёного сукна, с отворотами красного сукна» хранился в семье его потомков Шипиловых вплоть до начала XX века.

Большая роль в становлении Орловского полка принадлежит командующему армией графу Петру Панину. К выдающимся полководцам его не относили, но признавали опыт и заслуги генерала в военном деле. Вместе с братом, возглавлявшим Иностранную коллегию, Н. Паниным он в свое время был стойким сторонником передачи власти Екатериной II законному наследнику — сыну императрицы Павлу Петровичу. Поэтому его несомненный успех в Бендерах не был по достоинству оценен и властями, и придворными историками.

Поводом для критики в адрес Панина были названы высокие потери осаждающих и разрушение города в ходе штурма. Однако следует помнить, что две трети потерь русских войск приходились не на сам штурм, а на предшествовавшие ему три месяца боев во время осады. В ходе решающего сражения атакующие, вопреки традиционным правилам войны, потеряли в два-три раза меньше, нежели оборонявшиеся. Например, во время взятия Измаила А. В. Суворовым в 1790 г. русские войска понесли более тяжкие потери (хотя и противник был многочисленнее и сильнее), однако полководец был осыпан милостями и наградами.

Против признания заслуг Панина играли минимальные потери, понесенные в состоявшихся в то же время сражениях 1-й армии П. Румянцева при Ларге и Кагуле. Но там происходили встречные бои, когда неприятель не имел в распоряжении мощных укреплений наподобие бендерских.

Бендеры оказались практически уничтожены, однако штурм

---

[44] Чекалова И. В. Новые материалы к биографии родственников К. Н. Батюшкова (по документам Государственного архива Вологодской области)//Батюшков: Исследования и материалы: Сб. науч. трудов. — Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2002. С. 366.

15—16 сентября был для русской армии первым за многие годы сражением за столь сильную крепость. Ближайший аналог — это взятие Очакова армией Б. Миниха в 1737 г., участников которого к тому времени в армии уже не осталось. В ходе недавней Семилетней войны русская армия с разным успехом провела несколько длительных осад прусских крепостей, самая известная из которых привела к капитуляции Кольберга перед корпусом П. Румянцева. Однако до решающего штурма дело тогда ни разу не доходило.

Успех бендерской осады помимо доблести русских солдат обеспечило и использование передовых военных технологий. Командование 2-й армии удачно применило метод «усиленных подкопов» под крепостные бастионы, принадлежащий авторству европейского инженера Бернара де Белидора[45], который во время Семилетней войны безуспешно пытался внедрять прусский король Фридрих.

Не приходится сомневаться, что, будь во главе осаждающих Бендеры кто-либо близкий императрице, а не ее политический оппонент П. Панин, оценка его ратных трудов была бы принципиально иной.

Военачальник не дождался присвоения ему фельдмаршальского звания, которое получил П. Румянцев. Предложенный им перечень поощрения героев взятия Бендер, которых П. И. Панин представлял к наградам и повышениям в чине, также был сокращен втрое: со ста до тридцати пяти человек. Последовала отставка генерала, а его бывшая армия на будущий год назначалась к переброске на крымское направление.

8 декабря 1770 г. все бывшие ландмилицкие полки были уравнены в составе и содержании с регулярными линейными частями. На зимние квартиры Орловский пехотный полк в составе бригады генерала Мусина-Пушкина расположился в укреплениях пограничной Елизаветградской провинции, имея штаб в Архангельском шанце.

2.3. Военные действия на Дунае 1773—1774 гг.

Весной 1771 г. Орловский полк вместе с несколькими другими частями был переведен под командование П. Румянцева, хорошо знакомого с его офицерами и солдатами по довоенному времени и первым годам войны. В 1771 г. задачей 1-й армии Румянцева, к тому времени закрепившейся на левом берегу Дуная, являлось

[45] Белидор Б. Теория о делании подкопов/Пер. С. Болотников. С.-Петербург, 1765.

прикрытие занятых Валахии и Молдавии, а также отвлечение внимания османов от Крыма, куда вторглась 2-я армия Долгорукова. В мае 1771 г. в лагерь 1-й армии в Яссах прибыли из 2-й армии Старооскольский, Севский, Орловский пехотные, а также Днепровский и Елизаветградский пикинерные полки. В это время в Орловском полку, приписанном к 1-й дивизии, насчитывалось 985 солдат и офицеров пехоты, 33 артиллериста и 27 погонщиков тяглого скота. В последующем полк был включен в состав резервного корпуса генерал-майора, будущего фаворита императрицы Г. А. Потемкина. Зимние квартиры ему были отведены между реками Рымником и Серетом. Сводный гренадерский батальон подполковника Потапова, включавший воинов Орловского и Козловского полков, расположился в Слободзее.

В кампанию 1772 г. подразделения Орловского полка оказались разбросаны по обширной территории, будучи подчинены различным временным формированиям. Так, егерская команда полка вошла в состав егерского батальона подполковника Мещерского, состоявшего в правом крыле армии под началом генерал-поручика И. П. Салтыкова. Гренадерские роты, переданные в сводный батальон подполковника Потапова, как и весь Орловский полк, пребывали в резервном корпусе, которым в том году командовал генерал-поручик Эссен.

Широкомасштабных военных действий на протяжении двух лет на дунайском театре фактически не велось. Воюющие стороны, прервав заключенное в мае 1772 г. перемирие, обменивались взаимными налетами небольших партий на противоположные берега.

Изгнание османских войск из Крыма 2-й армией позволило Румянцеву в кампанию 1773 г. перехватить стратегическую инициативу. Начав с активных поисковых операций, к июню ему удалось успешно форсировать Дунай главными силами в районе Силистрии. Целью кампании 1773 г. было получение плацдарма за Дунаем для организации наступления на Балканский полуостров. Главным опорным пунктом османов считалась крепость, а вернее, укрепленный район, возведенный близи Силистрии. Город, некогда именуемый Доростолом, за 800 лет до этого был прославлен героической обороной князя Святослава Игоревича от войска Византийской империи. Именно в его окрестностях, вблизи стратегической переправы через реку у селения Гуробалы, в конце марта развернулась серия боев и стычек между русскими и турецкими войсками.

Орловский полк продолжал оставаться в резервном корпусе

Г. Потемкина, исключая егерей по-прежнему подчиненных батальону Мещерского в войсках генерала Салтыкова. 21 марта 1773 г. по приказанию Потемкина состоялся поиск во вражеском тылу русского отряда во главе с подполковником Ферзеном. Подчиненные ему незначительные силы гренадеров и запорожских казаков разделились на три группы. Одной из них в составе 100 человек командовал премьер-майор Орловского полка А. Н. Шипилов, другой — майор Волков, третьей, включавшей запорожцев полковника Дуплича, — сам Ферзен. Орловцы, выполняя самостоятельную задачу, участвовали в ночном бою за шанцы на берегу Дуная, вблизи деревни Еникюль, переправившись туда на запорожских лодках.

Русским противостояло более тысячи турок во главе с Мустафой-пашой, которые были застигнуты врасплох внезапным нападением и рассеяны по окрестностям. К утру все группы отряда Ферзена, отразив атаки подошедшей османской конницы, с минимальными потерями вернулись обратно, на русскую сторону Дуная, выведя с собой христианское население нескольких поселений. Шипилов был отмечен генералом Потемкиным как один из отличившихся в бою у переправы[46]. Вероятно, произведенное отличие, имевшее место фактически на виду у набиравшего влияние при дворе Г. Потемкина, послужило поводом для продвижения 42-летнего Алексея Никитича Шипилова по службе. Начиная с 1773 г., согласно «Списку воинскому департаменту...», он состоял подполковником Архангелогородского пехотного полка[47].

В июне имел место набег отряда полковника Уварова из корпуса Салтыкова на местечко Орсова. В подчинение Уварова входил и егерский батальон подполковника Мещерского, укомплектованный солдатами Орловского полка. Переправившись в три часа ночи через Дунай, отряд захватил вражеские батареи и речные суда, при приближении турецких подкреплений заклепав трофейные орудия и подпалив город. Бой стоил русским 25 погибших при 91 раненом. У неприятеля насчитывалось около 200 убитыми.

При решающем наступлении на Силистрию в июне 1773 г. корпус ставшего к тому времени генерал-поручиком Потемкина составил левое крыло русской группировки. Задачей Румянцева было очистить правый берег реки у местечка Гуробалы, что в 30 верстах

---

[46] П. А. Румянцев. Сборник документов и материалов. — М.: Воениздат, 1953—1959. С. 585

[47] Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках. СПб. При Государственной Военной коллегии, 1776. С. 282.

от Силистрии. Основную роль в этом сыграли действия отряда генерал-майора Вейсмана, уже находившегося на турецкой стороне реки. Орловцы утром 7 июня в составе резервного корпуса на речных судах скрытно устремились через Дунай. Османы, стоявшие тремя отрядами вблизи Гуробал, не приняли боя с Вейсманом и спешно покинули позиции. 9-го числа началась беспрепятственная переправа армии П. Румянцева на правый берег Дуная. Таким образом, войска Потемкина выполнили весьма важную и ответственную задачу, осуществив форсирование крупнейшей водной преграды Европы в виду многочисленных неприятельских войск. Успеху операции способствовали решительные действия отряда генерал-майора О. Вейсмана, 7 июня фланговым маневром оттеснившего турок от береговых укреплений.

Пока основные силы переправлялись через Дунай, дивизии Ступишина и Потемкина 12 июня двинулись от Гуробал к Силистрии. Войска Потемкина шли во втором эшелоне по узкой долине, весьма уязвимой для вражеских атак. Перейдя по наведенным понтонам речку Галицу, русские оказались в виду неприятельского лагеря. Нападение турок было отражено авангардом Вейсмана и кавалеристами Потемкина, после чего армия 14 июня достигла окрестностей Силистрии. Крепость была сильно укреплена, в ее стенах и окрестностях насчитывалось более 30 тысяч османских воинов.

Войска под начальством Потемкина составили левый фланг русской позиции, закрыв путь из селения Кучук-Кайнарджи в крепость. Первой целью наступления должны были стать господствующие высоты, окружающие цитадель. Именно здесь располагался Нагорный редут — ключевой передовой опорный пункт турок. Дивизии Потемкина отводилась трудная роль в предстоящем бою, войска готовились к лобовой атаке на мощное укрепление противника. Поддержать ее ударом во фланг и тыл неприятеля должен был отряд неутомимого Вейсмана, а также колонна под командой генерал-майора Игельстрома.

Утром 18 июня полки Потемкина разделились по четырем колоннам. Их возглавили полковник Ярославского полка Лунин, полковник Орловского полка Языков, премьер-майор Фаминцын, подполковник Розенберг (резерв)[48]. Пехота была оснащена шанцевым инструментом, фашинами и рогатками. По общему сигналу выпущенной ракетой на рассвете войска при поддержке артиллерии пошли на штурм, преодолевая крутые склоны и глубокие овраги.

[48] П. А. Румянцев. Сборник документов и материалов. — М.: Воениздат, 1953—1959. С. 585, 644.

Атака не была неожиданной для турок. На самых подступах к редуту вражеским огнем был сражен командир ярославцев полковник Лунин. На смешавшихся русских ударили турецкие пехота и конница — войска 1-й и 2-й колонн откатились назад.

Однако, воспользовавшись отвлечением османского гарнизона Нагорного редута на контратаку, в его расположение с флангов ворвались кавалеристы полковника Клички из отряда Вейсмана, Кабардинский полк, а также часть третьей колонны премьер-майора Фаминицына. Остававшиеся здесь турки были перебиты, а 10 захваченных орудий были развернуты против неприятеля. Попав под огонь с тыла, турки одновременно навлекли на себя удар Рижского полка полковника Леонтьева. Командиры противника остановили бегущих, после чего османы несколько раз атаковали занятый русскими редут, но понесли серьезные потери и бежали в крепость.

Пока главные события разворачивались возле Нагорного редута, в тылу армии Румянцева появился 7-тысячный отряд неприятельской конницы во главе с Черкес-пашой, налетевший на русский вагенбург. Главнокомандующему пришлось спешно организовывать контрудар всей русской кавалерией.

К исходу дня было получено известие о появлении вблизи Силистрии нового турецкого корпуса, по численности равного всей армии Румянцева. Ввиду очевидного превосходства противника и недостаточности сил для штурма крепости командующий принял решение об отходе. Потеряв за 19 июня до 300 человек, русские войска уничтожили вдвое больше турок и захватили 14 орудий. Потери Орловского полка, оказавшегося на самом опасном участке боя, достигли 48 воинов. По количеству выбывших из строя он оказался третьим среди 23 полков и 4 отдельных батальонов, участвовавших в сражении, следуя за Харьковским гусарским (74 человека) и Ярославским пехотным (69 человек) полками[49].

19 июня разразился проливной дождь, полностью сковавший передвижения войск. Днем позже армия Румянцева прошла 6 верст к переправе через реку Галицу, отступая к Гуробалам. 22 июня возле селения Кучук-Кайнарджи ценой собственной жизни генерал-майор, кавалер ордена Св. Георгия 2-го и 3-го классов О. Вейсман фон Виссенштейн добился победы над турками, пытавшимися пресечь движение русских.

---

[49] Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т1. 1695—800 гг. СПб.: Лито-Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1908. С. 147.

Несмотря на полную победу, вызвавшую панику и отступление основных османских сил, созванный Румянцевым 24 июня военный совет постановил отступать за Дунай.

Неудача атаки Орловского и Ярославского полков на Нагорный редут носила частный характер. Воины этих частей честно выполнили свой долг, сражаясь на самом трудном участке. Свидетельством тому служат высокие потери орловцев и ярославцев, оказавшихся на острие удара турецкой контратаки. В тот день имелись и иные примеры поведения русских частей, когда назначенная для обходного маневра колонна генерал-майора Игельстрома никак не проявила себя, ограничившись лишь демонстрацией в виду крепостных стен, потеряв при этом три артиллерийских орудия.

Практически одновременно егеря Орловского полка, состоявшие в егерском батальоне Мещерского, могли принимать участие в известном поиске на Туртукай, предпринятом под командованием генерал-майора Суворова 17 июня 1773 г.

Военные историки сходятся во мнении, что командующий 1-й армией весьма скептически относился к успеху похода за Дунай. Выиграв 18 июня первый бой за передовое укрепление, а затем добившись благодаря доблести отряда генерал-майора Вейсмана полной победы под Кучук-Кайнарджи, Румянцев из-за малочисленности своих войск покинул Дунайское Правобережье. Исследователи в оценках весьма скромных итогов кампании 1773 г. помимо объективных условий обращают внимание еще и на человеческий фактор. Так, в фундаментальном труде А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами» неудача осады Силистрии летом 1773 г. связывается с пассивной позицией корпуса генерал-поручика И. П. Салтыкова, который не смог предотвратить переброску турецких подкреплений для крепости с других участков театра военных действий[50]. В свою очередь современник событий генерал-поручик Ю. В. Долгоруков прямо связывал отражение русского наступления с действиями корпуса Г. А. Потемкина. Известный своей критической оценкой полководческих качеств всего русского генералитета, Долгоруков был особенно нелицеприятен по отношению к воинским талантам фаворита императрицы. Состояние дел в его соединении мемуарист описывает в следующих выражениях: «корпус его был до крайности расстроен», «... у Потемкина никогда ни в чем по-

[50] Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1768 по 1774 г. Т. 4. СПб.: Тип. К. В. Трубникова и В. А. Полетики, 1874, С. 62

рядку не было, а граф Румянцев его весьма уважал по его связям у «Двора»[51].

Г.А. Потёмкин

Командиром Орловского полка в сражении при Силистрии являлся полковник Николай Данилович Языков, родившийся в 1740 году. Принадлежа к известной дворянской фамилии, в 12 лет он был записан в солдаты. Совсем молодым человеком в чине сержанта Н.Д. Языков принял участие в Семилетней войне. В русско-турецкой войне он участвовал уже полковником, будучи в 1770—1772 гг. командирован на грузинский театр под Поти. Орловский полк Языков возглавил накануне похода за Дунай, командуя им до 1777 г., когда по получении звания генерал-майора ему достался высокий пост новороссийского генерал-губернатора.

Резервный корпус Потемкина в течение лета 1773 г. должен был защищать Нижнюю Валахию от устья р. Аржиса и Негоешт, пространство между р.р. Дембовица и Яломица и течение Дуная до постов главной армии. Наступившее временное затишье изредка прерывалось незначительными стычками и перестрелками с неприятелем на берегах и островах Дуная.

Очередным видным делом Орловского полка стало участие в новой операции против Силистрии, предпринятой по предписанию Румянцева в октябре 1773 г. Отряд Потемкина намеревался вновь форсировать Дунай у Гуробал и вести поиск на Тартукай. Одновременно намечалось установить вблизи Силистрии батарею осадных орудий для бомбардировки крепости. Местом ее дислокации стал остров Нечай (Кегай), где в ночь на 24 октября под общим командованием бригадира Павла Сергеевича Потемкина, троюродного брата Григория Потемкина, были расположены орудия и возведены траншеи. В них разместились два батальона пехоты при-

[51] Долгоруков Ю.В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. 1740—1830/Сообщ. В. Безносов//Русская старина, 1889, Т. 63. № 9, С. 481—517.

крытия, из которых, как минимум, один принадлежал Орловскому полку. Отмеченный вывод следует из сведений о послужной карьере Н. Д. Языкова, согласно которым осенью 1773 г. он находился с полком на острове напротив Силистрии, обороняя осадную батарею от нападений османов[52].

Уже утром 24 октября началась бомбардировка крепости, вызвавшая не только многочисленные пожары в Силистрии, но и вражеский десант на остров. Противник атаковал с двух направлений — на 150 речных лодках и 6 больших судах. С половины из них высадили десант, который был немедленно уничтожен в яростной штыковой атаке русских воинов. Лишившись нескольких лодок и одного канчебаса, уцелевшие османы спешно ретировались в Силистрию. Русские потеряли 24 солдата погибшими, ранения получили 3 обер-офицера и 27 рядовых.

За дело при Кигае П. С. Потемкин был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. Для назначения во главе группировки на острове именно его, а не командира орловцев Н. Д. Языкова имелись объективные причины. Кроме того, что П. С. Потемкин служил под началом своего троюродного брата, бывшего его корпусным командиром, он всю войну находился на глазах П. А. Румянцева и показал себя отличным офицером. Еще за сражение при Кагуле он получил орден Св. Георгия 4-го класса, когда до «случая» Григория Потемкина было еще очень далеко. Н. Языков начал войну на кавказском театре, прибыв в 1-ю армию незадолго до боев за Силистрию. После войны он занимался государственным администрированием, тогда как П. С. Потемкин всю жизнь не выходил из сражений — командовал колоннами при штурмах Измаила и Варшавы, боролся с мятежом шейха Мансура на Кавказе.

Бомбардировка весьма успешно продолжалась несколько суток, несмотря на наличие у осаждающих только одной тяжелой осадной мортиры. Через продолжительное время Г. Потемкину удалось вытребовать еще два таких же мощных орудия. Силы турок в крепости оказались скованы, что позволило другим русским отрядам провести операции против Варны и Шумлы. Тогда же корпус генерала Глебова переправился через реку у Гуробал и вновь создал опасность для Силистрии.

Серьезных результатов операции русских войск осенью 1773 г. за Дунаем не принесли, ввиду чего в начале ноября Румянцев вновь

[52] Российский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1913, Том 25, С. 41.

вывел их на левый берег. Орловский полк продолжал прикрывать батарею на Нечае, которая безостановочно громила силистрийские укрепления. Только после перехода на русскую сторону реки всех отрядов армии Румянцева гарнизон острова, будучи не замечен неприятелем, без потерь покинул свои укрепления. Зимние квартиры корпусу генерал-поручика Потемкина вновь достались в Валахии со штаб-квартирой в Фокшанах.

В кампанию последнего года войны Орловский полк был включен во 2-ю дивизию, которой некоторое время, до прибытия командира — генерал-поручика Репнина, возглавлял генерал-майор А. В. Суворов. Сбор войск состоялся в Слободзее. В начале года состоялись мирные русско-турецкие переговоры, не приведшие к значительным результатам. В мае 2-я дивизия Репнина находилась у Яломиц, готовясь к действиям против Силистрии или Гирсова. Замысел Румянцева состоял в последовательном окружении и блокаде всех основных опорных пунктов турок за Дунаем — Шумлы, Варны и Силистрии. Для действий против последней предназначалась главная армия, где находились и пехотинцы Орловского полка. Свои весьма скромные силы Румянцев распределил на три корпуса — генерал-поручиков Глебова, Долгорукова и Репнина, в каждом из которых, не считая кавалерии и казаков, было по два пехотных полка, а в первом дополнительно четыре пехотных батальона.

14 июня основные силы вновь перешли Дунай у Гуробал, пройдя 4 версты до селения Кольнея. Здесь сутки Румянцев безуспешно ожидал выхода неприятеля из крепости, намереваясь дать ему генеральное сражение. Затем вперед были высланы корпус Долгорукова и флотилия запорожцев на речных судах, оттеснившие турок от брода через реку Галица и наведшие через нее переправу. 19 июня основные силы Румянцева подошли к деревне Куюжун, оказавшись в 11 верстах от своего авангарда. На следующий день русские незаметно для противника обошли озеро Галица и корпусом Глебова заняли господствующие над ним высоты. К 26 июня все окрестности Силистрии были блокированы русскими войсками. 150-тысячная группировка турок оказалась отрезана от линий снабжения 50 тысячами русских воинов. Такая же участь постигла и другие главные турецкие крепости, ввиду чего неприятель в начале июля запросил мирных переговоров. 3 июля Румянцев с двумя пехотными полками и несколькими эскадронами кавалерии прибыл к селению Кучук-Кайнарджи для встречи с уполномоченными турецкой сто-

роны. Заключенный спустя неделю мир закрепил победы русского оружия в первой «екатерининской» войне с Османской империей.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. сыграла решающую роль в судьбе Орловского пехотного полка. Вступив в нее необстрелянным и не имеющим боевого опыта, по окончании войны полк представлял собой стойкий и сплоченный воинский коллектив, познавший триумф побед над неприятелем. Большое значение для этого имели меры по преобразованию ландмилицких полков из конных в пешие, а затем в пехотные, сопровождавшиеся интенсивным обучением войск в полевом лагере под Полтавой накануне войны. Оправданным шагом было пополнение частей Украинской дивизии тремя сотнями обученных мушкетеров и гренадеров из полков регулярной армии. Профессиональный подход русского командования к подготовке Вооруженных сил позволил в полной мере раскрыться военным талантам потомков однодворцев, составлявших рядовой состав бывшей ландмилиции.

За шесть лет военных кампаний Орловский полк прошел тысячи верст по причерноморским степям и придунайским долинам. Встретив войну на Днепровском Левобережье, орловцы закончили ее на берегах Дуная, трижды форсировав его в 1773—1774 гг. в период блокады Силистрии. На долю орловцев выпали многодневные марши, осадные и фортификационные работы, разведка и поиски против турецких позиций на дунайском театре, штурмовые атаки на Бендерскую крепость и Нагорный редут Силистрии, отражение вражеского десанта на острове Нечай.

Победоносная русско-турецкая война принесла боевое крещение Орловскому пехотному полку, закалив воинов и укрепив их ратный дух и стремление к новым победам.

ЧАСТЬ 3.
ОРЛОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК В СРАЖЕНИЯХ И ПОХОДАХ 1770—1790-х гг.

3.1. Запорожская и крымская экспедиции 1775—1779 гг.

После признания Османской империей своего поражения в войне 1768—1774 гг. значительная часть русской армии еще несколько лет принимала участие в боевых операциях, развернувшихся на огромном пространстве Черноморско-Кавказского региона. Вытеснив из Причерноморья Турцию, Россия оказалась перед необходимостью утверждения своего влияния среди ее бывших вассалов и союзников, отличавшихся воинственным духом и традицией паразитического существования за счет более экономически развитых соседних земель. Орловскому полку было суждено принять участие в умиротворении двух архаичных военно-политических организаций, существование которых в складывающихся условиях не отвечало интересам Российской империи.

В XVI—XVIII веках заметную роль в Восточной Европе играли вольное казачество и Крымское ханство. Будучи формально под патронатом великих держав, на деле они сохраняли широкую внутреннюю автономию и имели возможность лавировать между интересами государств, доминирующих в Восточной Европе. Общины днепровских и донских казаков и Крымское ханство с подчиненными последнему ногайскими племенами на обывательском уровне обычно воспринимаются как принципиальные противники, разделенные непримиримыми религиозными противоречиями. На деле отношения между ними складывались не столь однозначно; степные кочевники и ватаги казаков были связаны определенным духовным родством, возникшим благодаря схожести образа жизни и бытовой культуры. Помимо нескончаемых войн между казачьими обществами и татарскими ордами могли заключаться и союзные соглашения. При этом вожди казачества нередко апеллировали к главному патрону кочевых народностей — Османской империи, видя в ней противовес как своим непосредственным соседям, так и последовательно наступавшему на права вольных сообществ Российскому государству.

Подчинив после восстания К. Булавина донских казаков, в последней четверти XVIII столетия имперская власть приложила немало усилий, чтобы покончить с политической автономией малороссийского и яицкого казачества. На этом фоне анахронизмом выглядело сохранение Запорожской Сечи, владения которой оказались в центре отвоеванных у турок и интенсивно осваиваемых территорий Новороссии. Будучи по воле императрицы Анны Иоанновны в 1734 г. возвращены в российское подданство, запорожцы основали в урочище Красный Кут на р. Подпильной поблизости от прежней Чертомлыцкой Сечи, разрушенной в 1708 г., Новую (Подпольненскую) Сечь.

В последующем запорожцы, число которых доходило до 10—15 тысяч, исправно воевали с османскими войсками и крымцами, достойно проявив себя в войнах 1735—1739 и 1768—1774 гг. Однако наличие анархической военно-территориальной организации препятствовало цивилизованному освоению приобретенных Россией причерноморских земель. Появление в глухих степях процветающей Новороссии было неотъемлемой частью реализуемого Петербургом имперского проекта, конечной целью которого было утверждение России на Босфоре. Кроме того, наличие благоустроенной и цивилизованной на фоне остальных губерний Таврии выступало гарантией политического благополучия Потемкина и прочности его положения при императорском дворе.

Между тем запорожцы весьма ревниво относились к многочисленным переселенцам, под гарантии правительства устремившимся в земли, которые они считали своими, но без помощи русской армии не могли освоить и удержать. После кровопролитного пугачевского восстания правящий режим имел весомые основания для упразднения недостаточно благонадежных военно-демократических сообществ, еще сохранявшихся на окраинах империи. Окончательное решение о судьбе Новой Сечи было принято после подписания Кучук-Кайнарджийского мира, фактически передававшего Крым, против которого и был в 1734 г. воссоздан кордон в лице запорожского войска, под покровительство России.

Непосредственным исполнителем операции по ликвидации был назначен замещавший отбывшего из Таврии Г. А. Потемкина генерал-поручик П. Текелли. Будучи потомком сербско-мадьярского дворянского рода Петро-Текелли, он в чине поручика начал военную службу в австрийской армии, сделав карьеру уже в рядах российских войск. Именно его считают одним из основателей гусарской кавалерии в России.

В мае 1775 года Текелли получил в свое распоряжение части возвращавшегося с дунайского театра войны корпуса генерала А. Прозоровского. Штаб-квартира последнего располагалась в Полтаве. Войскам были намечены для расквартирования давно знакомые, ставшие родными места — окрестности рек Царичанка и Берестовая. Покинув дунайские берега, Орловский полк совершал марш для размещения в лагере на реке Кильчик, поступая в распоряжение генерал-поручика Озерова. Однако либо прямо с марша, либо из лагеря он был привлечен для участия в новом военном предприятии. Русские войска были разделены на пять отрядов, каждый из которых двигался к Сечи собственным маршрутом, имея задачу брать под контроль принадлежащие Запорожскому войску селения и местечки. Орловский полк под командой полковника Н. Языкова находился в отряде самого генерал-поручика Текелли. Выступив из крепости Святой Елизаветы, незаметно для запорожцев в ночь на 5 июня отряд подступил к столице войска, располагавшегося у современного села Покровское Никопольского района Днепропетровской области.

Сечь была возведена в удобной для отражения нападения местности, будучи защищена естественными препятствиями — рекой с заболоченной поймой, лесами и оврагами. По периметру Новую Сечь окружили ретраншементом — валами с частоколом и рвом. Внутри, также за укреплениями, находился административный центр Запорожского войска — «внутренний кош», где хранились боевые припасы и находились реликвии казачества. Артиллерия запорожцев насчитывала около 20 орудий.

Ранним утром 5 июня 1775 г. Орловский полк во главе с полковником Николаем Языковым, подкрепленный гусарами и донскими казаками барона Розена, бесшумно занял внешние укрепления, разоружил караул, овладел артиллерией запорожцев, а также судами сечевиков. Воспользовавшись суматохой, поднявшейся на спешно собранном круге Запорожского войска, четыре роты орловцев проникли во «внутренний кош», блокировав арсеналы и все административные учреждения Сечи. Благодаря зажиточным казакам и представителям духовенства запорожцы решили отказаться от сопротивления.

Весомый вклад в бескровное умиротворение казачьего сообщества внес и командующий — генерал Текелли. Благодаря его выдержке и житейской мудрости разоружение Новой Сечи не привело к братоубийственной бойне между людьми, формально и фактиче-

ски продолжающими пребывать в рядах единых Вооруженных сил империи. Получив сведения о выполнении запорожцами условий сдачи, он отменил боевую готовность своей артиллерии и не стал лишать казаков свободы передвижения. Регулярные части разместились вблизи запорожских куреней, чтобы целую неделю обмениваться взаимными дружескими визитами и бурными застольями с бывшими соратниками по только что закончившейся войне. Казачья старшина и рядовые казаки за это время наделялись паспортами и охранительными аттестатами. Через некоторое время это позволило всем желающим удалиться за Дунай, в турецкие пределы, либо рассеяться по российскому Приднепровью. Спустя два месяца, 5 августа, Екатерина II подписала Манифест о ликвидации Запорожской Сечи. Не задерживаясь в бывших сечевых землях, Орловский полк двинулся к месту сосредоточения корпуса А. Прозоровского.

По Кучук-Кайнарджийскому мирному договору империя впервые за свою историю прочно утверждалась на черноморских берегах — на полуострове ей передавались порты Керчь, Кинбурн и Еникале, в которых оставлялись русские гарнизоны. Основные силы 2-й армии выводились за Перекоп в обмен на вывод из Крыма остатков турецких войск.

Однако вековой соперник России не спешил расставаться с былым влиянием в регионе. Турки всячески затягивали эвакуацию гарнизона Кафы и инспирировали антироссийские заговоры при ханском дворе. Ввиду этого российское правительство решило повторно провести операцию по умиротворению беспокойного края. Ставка была сделана на возведение на престол пророссийски настроенного представителя правящей династии Шагин Гирея. В качестве первого шага его провозгласили ханом кубанских татар, после чего он утвердился на Таманском полуострове. Крымская знать в ответ возвела на престол Девлет Гирея IV. Против него в ноябре 1776 года был двинут корпус генерал-поручика А. П. Прозоровского, будущего генерал-фельдмаршала, орловского и курского генерал-губернатора. Официально русские двигались для сбора оставленного с 1774 года в Крыму военного интендантского имущества.

Войска стали стягиваться к российским рубежам с весны 1776 г. К сентябрю Орловскому полку в составе отряда генерал-майоров Нащокина и Голицына был назначен маршрут до Александровской крепости, а затем в составе всего корпуса — до Перекопского пере-

шейка. Уже на этом этапе кампании из состава всех пехотных частей выводились гренадерские роты для комплектования пяти ударных батальонов.

Накануне выступления, к 1 ноября 1776 г., Орловский полк насчитывал 1126 человек. Из них имелось 2 обер- и 26 штаб-офицера, 97 человек младшего командного состава — кадетов, унтер-офицеров и капралов, 86 музыкантов, 907 рядовых, 30 артиллеристов и 32 нестроевых чина[53]. Во главе полка находился получивший бригадирское звание Николай Языков. В чине подполковника в части состоял Иван Бауер. В премьер-майорском звании в Крымском походе в Орловском полку служил Иван Мичурин, в секунд-майорском — Иван Маркевич и Иван Захаржевский.

Уже в ноябре ударили крепкие морозы, реки стали, и не было возможности доставлять войскам провиант водным путем. Промерзшая земля не позволяла двигаться повозкам с быками, гужевой транспорт постоянно ломался. При движении полков корпуса от Александровской крепости потери замерзшими составили более 40 человек. Несмотря на это, войска продвигались на юг, главным противником оставалась неровная погода, чередовавшая заморозки с оттепелями. 22 ноября корпус достиг Перекопа, оставленного татарами. Будучи вновь застигнутыми морозами, войска размещались по брошенным татарским деревням. Медлительный Прозоровский, страдающий от многих недугов, несколько недель не решался действовать, обмениваясь письмами с татарскими и ногайскими мурзами и своим командованием.

Тем временем войска Девлет-Гирея сосредоточились у Карасубазара и на реке Индаль. Прозоровский включил Орловский полк в отряд генерал-поручика Озерова и генерал-майора кн. Волконского. 17 декабря 1776 г. на подкрепление Прозоровскому прибыла Московская дивизия генерал-поручика А. В. Суворова, который спустя месяц вступил в командование всем корпусом. В сформированный передовой отряд, назначенный к выступлению за Перекоп, были включены 6 пехотных полков, гренадерские батальоны и кавалерия. В авангарде двигались Ряжский и Орловский пехотные, Ахтырский гусарский и Чугуевский казачий полки, гренадерский батальон, три артиллерийских орудия. Отряду предписывалось взять под охрану Шагин-Гирея и обеспечить его возведение на бахчисарайский престол. Задача недвусмысленно была поставлена

[53] Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб.: Императорская академия наук, 1885. Т. 1. С. 117.

в предписании А. Прозоровского А. Суворову: «Впрочем, ... персона ханская столь важна, что хотя бы до последней капли крови драться, а его оборонять должно»[54].

Выступление авангарда корпуса из Перекопа к Арбату состоялось 4 марта. Через несколько дней Орловский и Ряжский полки разбили укрепленный лагерь на возвышенности у реки Салгир — Александровский редут, дав тем самым начало будущему Симферополю, основанному на этом же месте некоторое время спустя. К 14 марта авангард прибыл на речку Булзык. Затем передовые отряды вышли к Карасубазару и реке Индал. Разведка выяснила, что татарские отряды, верные Девлет-Гирею, рассеялись при известии о приближении русских войск. Центром мятежников оставался Бахчисарай. Воспользовавшись паникой, произведенной решительными маневрами Суворова, Шагин-Гирей переправился с Кубани в окрестности Керчи, где ему начали присягать местные мурзы. 20 марта Ряжский пехотный полк вошел в Кафу (ныне Феодосия). 21-го с Суворовым соединились основные силы Прозоровского. Не искушая судьбу, турецкий десант, захватив Девлет-Гирея, отбыл в Стамбул. После этого мятежные отряды покинули Бахчисарай, тут же занятый русскими войсками. Под их надзором Шагин-Гирей на совещании татарской знати (диване) был избран крымским владыкой. Поддерживающий его корпус Прозоровского расположился вблизи Ак-Мечети.

Орловскому полку пришлось провести в формально независимом Крымском ханстве четыре года. Обстановка вокруг была весьма тревожной и нестабильной. На морских просторах господствовал османский флот, неоднократно угрожавший высадкой десантов. Прочный тыл у русских войск напрочь отсутствовал, поскольку к традиционной ненависти кочевников к православным славянам добавилось возмущение непродуманной политикой пророссийского правителя. Стремясь модернизировать восточную страну, Шагин-Гирей начал ломать вековые обычаи и быстро потерял доверие и знати, и народа. Пожинать плоды его поспешных реформ пришлось русским войскам, вынужденным брать под охрану крымских христиан — армян, греков, на которых были готовы обратить гнев крымские татары, подстрекаемые турецкой агентурой. Осенью 1777 г. после попытки Шагин-Гирея создать армию по европейскому образцу началась новая череда волнений и мятежей.

---

[54] Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб.: Императорская академия наук, 1885. Т. 1. С. 406.

В сентябре–октябре 1777 г. Крымскому корпусу пришлось выступить против 10-тысячного отряда мятежников в районе Салгирского ретраштемента и реки Карасу. 17 октября восставшие были разбиты Прозоровским на реке Салгир. Очередной мятеж случился в ноябре 1777 года, возглавленный переправившимся из Очакова новым претендентом на престол Селим-Гиреем III. После ряда боев, стычек и переговоров возмущение было подавлено только к весне следующего года.

23 марта 1778 года Крымский корпус получил нового командующего — генерал-поручика А. В. Суворова, одновременно возглавлявшего войска на Кубани. Спустя месяц территория полуострова была разбита на четыре территориальных округа, где войска размещались более чем в четырех десятках укрепленных пунктов, при которых имелось 90 артиллерийских орудий.

В мае 1778 г. по «Указаниям» Суворова Крымскому корпусу части и подразделения последнего распределялись по боевым участкам по побережью полуострова. Орловский полк был включен во второй территориальный округ, который охватывал юго-западную оконечность Крымского полуострова, имея штаб-квартиру в Бахчисарае. Орловцев подчинили третьей части округа, которая простиралась по линии Алушта—Шуя—Еникале—Зуя—Карасубазар. Главные силы полка дислоцировались в фельдшанце в селении Зуя при 2-х орудиях, гарнизоны числом в одну роту были распределены в Еникале и Шумский шанец (по одной пушке при каждой) и две роты в Алушту с одним медным 6-фунтовым орудием.

Командующий неукоснительно требовал поддерживать в гарнизонах железную дисциплину, предписывая: «... со здешними народами обходиться ласково, не подавая ни малейшего виду к предосудительным поступкам»[55].

В июле и сентябре турки пытались высадиться в разных гаванях полуострова, но были остановлены умелыми маневрами резервной бригады генерал-поручика Ивана Вахуштовича Багратиона (родственника героя 1812 года), своевременно прикрывавшей угрожаемые участки побережья. 10 марта 1779 года Россия и Турция подписали Анайлы-Кавакскую конвенцию. Под давлением Франции Россия обязалась вывести свои войска из Крымского ханства в обмен на признание законности пребывания Шагин-Гирея на престоле

[55] А. В. Суворов. Документы. М.: Военное изд-во Военного министерства СССР, 1951. Т. 2. С. 122.

и гарантии турецкого невмешательства во внутреннюю политику своего бывшего протектората. Россия оставляла за собой право разместить шеститысячный гарнизон в Керчи и Еникале.

Вывод российских войск из Крыма начался в марте 1779 г., когда Орловскому полку предписывалось прибыть в бригадный сборный пункт при Малом Карасу, оставив группы прикрытия в укрепленных шанцах. Собирая пехотные полки в сводные бригады, Суворов не преминул провести с ними ряд учений и военных маневров. При этом командующий выражал намерение оставить все полки бывшей ландмилиции — Белевский, Орловский, Курский, Тамбовский, Ряжский — в гарнизонах переданных России крепостей Еникале и Керчь. Основанием для расквартирования в Крыму перечисленных частей Суворов считал большую приспособленность их личного состава, который он прямо называл «однодворческим», к условиям местного климата.

Однако замысел остался не реализован — в Керчи и Еникале были дислоцированы Троицкий и Азовский полки. Вторая бригада корпуса, состоявшая из Орловского и Ряжского полков, выступив 1 июня из устья Малого Карасу, спустя неделю прибыла к Перекопу. При ханском дворе в Бахчисарае была оставлена музыкантская команда Орловского полка, видимо, заслужившая расположение правителя Крыма своими музыкальными и певческими талантами.

Отдельные группы Орловского и Днепровского полков выходили из своих бывших боевых участков последними, разрушая ранее возведенные укрепления. По просьбе Шагин-Гирея Суворов приказал прекратить уничтожение шанцев, которые предписывалось оставить лояльным России крымцам. 21 июня войска Крымского корпуса переправились через Днепр вблизи Кизкирменя, начав подготовку к инспекторскому смотру. Орловскому и Днепровскому пехотным полкам местом дислокации был отведен городок Збурьевск.

Только июнь 1779 г. можно считать окончанием затянувшейся военной кампании Орловского полка, в которую он наряду с другими частями Украинской дивизии вступил десятилетие назад. Окончательное превращение ландмилицких полков в полевые было подчеркнуто Указом от 11 ноября 1780 г., когда они наравне с армейскими полками получили знамена нового образца.

3.2. «Отличный Орловский полк весьма оредел…» Кинбурнская оборонительная операция 22 августа — 2 октября 1787 г.

Ко времени второй русско-турецкой войны, имевшей место в правление императрицы Екатерины II, русская армия благодаря стараниям выдающихся полководцев и талантливых военных администраторов являлась одной из сильнейших в мире. Была проведена продуманная реорганизация военного ведомства, которая затрагивала практически все вопросы служебно-боевой деятельности войск. Президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин, один из немногих в истории русского военного искусства, смог добиться, чтобы армия обучалась тому, что действительно необходимо на войне. К 1783 г. им был разработан проект реформы регулярной армии, именуемый «Об одежде и вооружении сил». Он был посвящен проблемам формирования, обучения, обмундирования и содержания войск. В свою очередь, труд Потемкина опирался на идеи, изложенные в трактате «Обряд службы», автором которого был командующий русскими войсками в предшествующую русско-турецкую войну генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев.

Повседневная жизнь воинских частей стала свободной от изнуряющей муштры и мелочного контроля, позднее внедренных стараниями Павла I и его сыновей. Именно в екатерининскую эпоху формируется корпоративная этика русского офицерства. Облегчались, насколько это было возможно в условиях крепостничества, условия жизни и быта солдат строевых подразделений. Вместо пожизненного несения службы, когда отставка могла состояться только в случае тяжелого увечья солдата, вводился 25-летний срок нахождения в строю для пехоты и 15 — для кавалерии, с последующим переводом в гарнизонные части. Воинская форма была по возможности адаптирована к условиям климата и особенностям национальной культуры; сократилось применение телесных наказаний.

Накануне войны с Османской империей Орловский полк пребывал в районе Кинбурнской косы — стратегического пункта, позволяющего контролировать выход из Днепровского лимана в Черное море. Именно наличие укрепленного участка на Кинбурнской косе позволяло прикрыть от вражеского вторжения ключевые объекты вновь осваиваемой Новороссии — верфи, мануфактуры и арсеналы недавно заложенных Херсона и Николаева. В устье Днепра русские возвели ряд укреплений — редутов и шанцев. Обороной всего Кинбурнского участка руководил командир Орловского пол-

ка генерал-майор Иван фон Рек, один из заслуженных ветеранов прошлой русско-турецкой войны. Иван Григорьевич Рек поступил на военную службу в 1752 г. Ко времени назначения командиром полка он уже имел богатый послужной список, будучи 26 ноября 1775 г. удостоен за сражение при Козлуджи ордена Св. Георгия 4-й степени.

Его заместителем являлся подполковник Федор Марков, служивший в полку, по меньшей мере, с 1784 г. Сверх комплекта в строю находился подполковник Иван Владимиров. Премьер-майором по документам значился Николай Смородин.

Орловский полк дислоцировался в Кинбурне — небольшой крепости с весьма посредственными укреплениями, отошедшей к России по условиям Кучук-Кайнарджийского мира. Ее уже занимали части ландмилиции еще в войну 1736—1739 гг. Успешная оборона Кинбурна была возможна только при наличии прикрытия с моря, так как рельеф местности — узкая песчаная коса — совершенно не позволял надежно укрыться от огня корабельной артиллерии противника. Опытный генерал-майор И. Рек весьма достойно подготовил Кинбурнский укрепленный район к предстоящим боям: перед крепостной стеной был обновлен гласис, выкопаны волчьи ямы и насыпан терновник.

Ход Кинбурнского сражения во всех подробностях изучен в исторической литературе. В настоящем исследовании предлагается рассмотреть роль в нем Орловского пехотного полка, причем событийный ряд, по мнению автора, должен охватывать более широкие временные рамки. Представляется, что оправданным будет обращение к предшествующим бою за Кинбурн 1 октября столкновениям, бомбардировкам и стычкам, которые в совокупности со сражением за крепость могут быть обозначены как «Кинбурнская оборонительная операция 21 августа — 2 октября 1787 года».

Турки обладали несомненным тактическим преимуществом — в прямой видимости от Кинбурна, на противоположной стороне лимана, находился их старейший опорный пункт в Причерноморье — крепость Очаков. Российские войска захватили ее четыре десятилетия назад, но по условиям Белградского мирного договора эта цитадель осталась за Портой.

После отклонения неприемлемых требований Турции о возвращении Крыма 12 августа 1787 года России была объявлена война. 22 августа приказом Г. Потемкина А. В. Суворов был назначен командовать русскими войсками в районе Кинбурна и Херсона.

Непосредственное участие Орловского полка в военных действиях началось в 4 часа утра 22 августа 1787 г., когда нападению всей османской эскадры подверглись два русских военных корабля — фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Они стояли на якорях почти под самым Очаковом, дожидаясь прибытия конвоя из двух невооруженных кораблей со стороны Херсона для сопровождения их в Севастополь. Еще 19 августа османская флотилия выстроилась в линейный боевой порядок против фрегата и бота, которыми командовали капитан-лейтенант Обольянинов и штурман Кузнецов. Двое суток турки выжидали, а затем начали огневой бой. Именно этот день, на наш взгляд, можно считать началом Кинбурнской оборонительной операции, апофеозом которой стало сражение 1 октября.

На обоих кораблях находились абордажные команды Орловского полка, возглавляемые капитаном Николаем Седовым и сержантом Федотом Клюшниковым. Именно их воинскому умению Суворов отдал должное за успех боевого столкновения, когда 21 августа после 4 часов ожесточенной ружейной и пушечной перестрелки и преследования фрегату и боту удалось пробиться к русскому сектору Днепровско-Бугского лимана.

Относительно поведения капитана Н. Седова в бою Суворов указывал: «поступал с великою храбростию»[56]. Основную тяжесть боя вынес фрегат «Скорый», сделавший 580 орудийных выстрелов по врагу и прошедший через перекрестный огонь. Среди отличившихся были названы: капрал Николай Жариков, рядовые 2-й и 7-й рот Михайла Жданов и Василий Мещеряков. В бою русские потеряли 3-х человек убитыми и 1-го раненого матроса. Согласно документальным свидетельствам, «Скорый» и «Битюг» спустя год еще исправляли полученные в бою повреждения на херсонских верфях.

Положение русских существенно ухудшилось после 8 сентября, когда из-за жестокого шторма серьезно пострадала и была совершенно расстроена Севастопольская эскадра Черноморского флота. Находившаяся поблизости от Кинбурна Херсонская эскадра вела себя крайне пассивно. Из-за этого кинбурнский отряд генерала Река оказался открытым перед нападением с моря. Удостоверившись в своем превосходстве, турки начали прощупывать слабые места в русских позициях. Практически ежедневно велись нападения, попытки десантов и обстрелы укреплений на Кинбурноской косе.

[56] А. В. Суворов. Походы и сражения в письмах и записках. М.: Воениздат, 1990. С. 246.

Суворов, осведомленный о десантных возможностях турок, полагал, что Кинбурнский гарнизон способен отразить неизбежный десант, который, по его расчетам, не мог быть более 5000 человек. Все время не прекращалась интенсивная боевая подготовка русских частей, где предпочтение отдавалось отработке навыков штыкового боя. Полковая артиллерия орловцев насчитывала 4 орудия: 2 восьмифунтовых и 1 двенадцатифунтовый единорог и 1 трехфунтовая пушка.

Менее через неделю, 13 сентября, очаковская эскадра турок подвергла Кинбурн первой бомбардировке, стоившей противнику потери 54-пушечного корабля. С наступлением темноты около 700 турок пытались десантироваться на берег, но были отражены огнем казаков. К месту боя подоспел генерал Рек с пехотой и артиллерийским орудием. Встретив стойкое сопротивление, турки через полчаса перестрелки спешно укрылись на своих судах.

С рассветом последовало новое турецкое нападение, отбитое крепостной артиллерией и геройской атакой галеры «Десна» под командой мичмана Д. де Ломбарда. Ночью за 8 верст от крепости были замечены изменники-запорожцы на лодках, однако выдвинувшийся туда с орловцами генерал Рек не застал неприятеля. 16 сентября малые неприятельские суда вновь приблизились к крепости, но были отогнаны огнем из пушек. 24 сентября на Кинбурн бомбардами с турецких судов были сброшены 5 тяжелых бомб.

С полудня 30 сентября велась третья бомбардировка крепости, нанесшая ей серьезные повреждения. Наутро в 12 верстах от Кинбурна турки пытались высадить отвлекающий десант из запорожцев, который с уроном был отражен отрядом во главе с генералом Реком. Суворов, разгадав замысел неприятеля, энергично собирал к Кинбурну подкрепления — легкий батальон Муромского пехотного, Санкт-Петербургский драгунский и два легкоконных полка. К началу решающего сражения у Суворова имелось 1700 штыков и сабель.

Наблюдая утром 1 октября начавшуюся высадку основных сил противника к западу от крепости, Суворов запретил вести по нему огонь. Войска были построены в боевой порядок: Орловский и Шлиссельбургский полки в первой линии, Козловский — во второй, три казачьих полка и эскадроны Мариупольского и Павлоградского полков — на флангах. В резерве оставались две роты шлиссельбургцев, по роте орловцев и козловцев.

Выйдя из крепостных ворот, Орловский и Шлиссельбургский

полки стремительно атаковали возведенные турками за утренние часы окопы –ложементы. В первом ряду атакующих шел батальон орловцев во главе со своим командиром — генерал-майором Реком. Генерал-аншеф Суворов находился при батальоне шлиссельбургцев. В яростном штыковом бою русские заняли десять линий вражеских укреплений. На помощь подоспел и Козловский полк подполковника И. Маркова.

Однако, выбив турок из ложементов, атакующие оказались под обстрелом 600 стволов корабельной артиллерии неприятельского флота. Вскоре из строя выбыл практически весь командный состав: генерал-майор Иван Рек был тяжело ранен в ноги, секунд-майор Егор Булгаков погиб, секунд-майор Самуил Мунцель и командир батальона шлиссельбургцев секунд-майор Иван Мамкин также получили ранения.

Суворов, воспользовавшись удачным артиллерийским огнем из крепости и с галеры «Десна», лично повел солдат в контратаку, но его ранение и подошедшие подкрепления турок заставили русских отойти к крепостным воротам. Перевязав раны, Суворов двинул в бой резервы — легкоконную бригаду, батальон Муромского полка, две роты Шлиссельбургского и одну роту Орловского полков с поручиками Петром Арсеньевым и Леонтием Якубинским. Они были поддержаны казаками и выдвинутой из-под крепостных стен полевой артиллерией. Огнем из крепости были потоплены две турецкие шебеки. Благодаря смелому натиску галеры «Десна» 17 вражеских судов отошли от места боя.

Неудержимый порыв русских воинов сломил неприятеля, который был выбит из всех 15 линий окопов и нес огромные потери на узкой косе. К полуночи сражение было окончено истреблением почти всего вражеского десанта. К исходу дня 1 октября 1787 г. отряд Суворова, получившего второе ранение, одержал полную победу над превосходящим по численности неприятелем, уничтожив пять тысяч высадившихся на Кинбурнской косе отборных турецких янычар, руководимых французским советником — инженером Лаватти. Победителям досталось 15 вражеских знамен. На следующее утро по приказу Суворова русские не упустили возможности расстрелять из пушек турецкие шлюпки, пытавшиеся вывезти с места боя уцелевших и погибших соплеменников. Днем 2 октября Суворов провел акцию психологической атаки на находящийся в прямой видимости очаковский гарнизон: на Кинбурнской косе провели победный парад, отслужили обедню и благодарственный

молебен. Еще несколько дней продолжались вялые перестрелки турецких судов с крепостью и подошедшей Херсонской эскадрой, после чего неприятельский флот покинул лиман.

Потери кинбурнского отряда составляли 136 убитых и более 300 раненых. Около ста человек скончались от ран вскоре после окончания сражения. Всего в бою 1 октября орловцы потеряли 79 человек убитыми и полсотни ранеными. Среди погибших были 1 штаб-офицер — секунд-майор Егор Булгаков, 5 унтер-офицеров, 72 рядовых, 1 барабанщик. 25 солдат из-за полученных увечий не могли продолжать службу; 1 обер-офицер, 1 унтер-офицер и 12 рядовых Орловского полка на 1 марта 1788 г. продолжали находиться на излечении.

После боя в строю оставалось 783 нижних чина: 704 гренадера и мушкетера, 38 унтер-офицеров и капралов, 17 артиллеристов, 18 музыкантов и барабанщиков, 6 нестроевых. Спустя две недели Суворов требовал покрыть некомплект Орловского полка числом в 477 человек.

Вклад орловцев в победу был отмечен в письме А. В. Суворова генерал-поручику П. Текелли: «Отличный Орловский полк весьма оредел». Действительно, по донесению Суворова следует, что орловцев было более половины из всех погибших бойцов Кинбурнского гарнизона. Среди отличившихся в бою в победной реляции Потемкину Суворовым были названы прапорщик Орловского полка Федот Клюшников, видимо, получивший офицерское звание за морской бой на боте «Битюг» 22 августа, а также сержант Аким Лисицын. Оба воина находились в сражении при командующем и выполняли его распоряжения по управлению войсками, получив при этом боевые ранения.

Особенно высоко отмечались Суворовым подразделения, принявшие участие в последней победной атаке на турок. Денежные награды по 4 с лишним рубля были выданы 111 солдатам 9-й мушкетерской роты и 12 артиллеристам Орловского полка. Участники первой фазы боя получили вдвое меньше — по 2 рубля для 554 орловских солдат и 5 канониров полковой артиллерии. Командир полка генерал-майор Иван Рек 18 октября был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени (№ 56 по кавалерским спискам) и награжден 4 тысячами рублей. В последующем он командовал пехотной бригадой галерной флотилии в войне со Швецией, удостоившись ордена Владимира 3-й степени и 4 тысяч рублей. В 1790-е был наместником в Риге, командовал Оренбургским корпусом, незадолго

до смерти в 1795 г. получил чин генерал-поручика.

Всего орденом Св. Георгия 4-го класса за Кинбурн 18 октября были награждены пятеро наиболее отличившихся офицеров разных частей, среди них был один из ветеранов Орловского полка подполковник Федор Марков[57]. Видимо, именно Ф. Марков принял командование орловцами после ранения командира полка И. Река днем 1 октября. Впервые в истории за сражение особыми серебряными медалями награждались не все его участники, а только те 20 героев, что были выбраны для поощрения самими солдатами. От Орловского полка медаль за Кинбурн получил рядовой Парфен Лукутин.

Боевые побратимы подарили Суворову Евангелие и внушительный серебряный крест. В ноябре командующий был удостоен ордена Андрея Первозванного. На зимние месяцы подразделения Орловского пехотного полка продолжали оставаться на укреплениях Кинбурнской косы. 1-й батальон располагался в местечке Збурьевск, 2-й занимал редут у слободы князя Вяземского.

3.3. Осада и штурм Очакова в июле—декабре 1788 г. Польская кампания 1792—1794 гг.

Весной 1788 года участники Кинбурнского сражения были переформированы — Орловский и Шлиссельбургский полки теперь насчитывали по 8 мушкетерских и 2 гренадерские роты. Всего в Орловском полку предполагалось иметь 2294 человека. В качестве пополнения поступило 10 капитанов, 6 поручиков. Получивший за Кинбурн премьер-майорское звание Самуил Мунцель оставался на секунд-майорской вакансии. Премьер-майором орловцев оставался Николай Смородин. При этом участники Кинбурнского сражения, удостоенные за него капитанских званий, Онуфрий Андреевский, Леонтий Якубинский и Петр Арсеньев продолжали службу на вакансиях поручиков. Вне комплекта оказались поручик Степан

[57] Шишов А. В. Генералиссимус великой империи. Новое прочтение биографии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 159.

Бродский и подпоручик Тимофей Подольский. Подполковником, то есть заместителем командира полка, оставался Федор Марков, будущий генерал-майор, шеф Томского мушкетерского полка[58].

После открытия очередной кампании турецкий флот вновь стал беспокоить Кинбурн, что требовало пребывания Орловского полка на позициях, расположенных на косе. С апреля по июнь вражеские суда постоянно крейсировали вблизи побережья, заставляя Суворова держать войска в боевой готовности.

В начале июня турецкий флот был отражен эскадрой русского адмирала Нассау-Зигена, после чего на косе под прикрытием пехотных батальонов было возведено несколько батарей, существенно усложнивших перемещения неприятельских кораблей в лимане. 17—18 июня последовал полный разгром флота Гассан-паши, пытавшегося прорваться между русской гребной флотилией и батареями на Кинбурнской косе. Турки потеряли 15 судов, более 6 тысяч убитыми и 1800 пленными.

20 июня корабли очаковской эскадры неприятеля, не участвовавшие в бою, приблизились к Кинбурну, но быстро отошли назад, встреченные огнем всех русских батарей.

В июле 1788 г. Суворов получил распоряжение Потемкина выделить часть своих войск для участия в осаде Очакова в составе основных сил Екатеринославской армии. Блокада турецкой твердыни велась с июня, осаждающие испытывали потребность в подкреплениях. Суворову предназначалось возглавить левый фланг русских позиций, для чего он привел с собой Фанагорийский пехотный полк и два гренадерских батальона. Один из них был составлен из гренадеров Шлиссельбургского и Орловского полков под командованием премьер-майора шлиссельбургецев Михаила Сукова. Переправившись к 17 июля через Лиман, сводный батальон расположился лагерем рядом с бугскими егерями, имея при себе котлы и шанцевый инструмент. Всего в нем насчитывался 631 человек, включая 4 капитанов, 4 поручиков, 8 подпоручиков, 40 унтер-офицеров, 544 рядовых, 20 нестроевых, 4 цирюльников, 6 музыкантов.

28 июля состоялась вылазка турок, отраженная Фанагорийским полком и гренадерами батальона Фишера. После убытия получившего ранение Суворова для лечения в Кинбурн осада крепости приняла затяжной характер. 18 августа турки атаковали расположенных рядом с батальоном Сукова бугских егерей, причем их ко-

[58] Список Военному департаменту... на 1788 г. СПб.: при Главной квартире, 1788.

мандир генерал-майор Михаил Кутузов получил здесь второе тяжелое ранение.

При взрыве склада боеприпасов 19 августа в Кинбурнской крепости, когда лишились жизни более 20 и пострадали 60 человек, включая находившегося здесь Суворова, достойно проявили себя капрал Орловского полка Василий Богословский и рядовой Федор Горшков. Первый быстро восстановил сброшенный взрывной волной русский флаг над крепостным бастионом; второй, будучи контужен, не покинул своего поста на батарее вблизи эпицентра взрыва. Орловцы были поощрены производством в сержанта и каптенармуса.

До октября продолжались жестокие бомбардировки Очакова, почти уничтожившие все ее внутренние постройки. 7 ноября возвращенные на российскую службу «верные запорожцы» захватили вражеские укрепления на острове Березань и спалили огромные провиантские склады у Гаджибея. После этого Потемкин решился на генеральный штурм, однако наступившие морозы и вьюги пресекли его намерения. К началу декабря русским огнем был разрушен прибрежный бастион турок, что открывало возможности для атаки. Во время решающего штурма 6 декабря гренадерский батальон М. Сукова находился в колонне бригадира Ивана Горича, наносившей основной удар[59]. И. П. Горич (фамилия дана при крещении в 1767 г.) происходил из балкарских князей, несших службу при Кизлярском казачьем войске. Его подвиги в 1-й армии Румянцева были отмечены в прошлую войну золотой медалью. Позднее он командовал всеми казачьими формированиями на Тереке[60].

Именно на колонну Горича возлагалась задача атаковать самые сильные укрепления вражеской цитадели, ввиду чего она почти полностью состояла из гренадеров — солдат Фанагорийского полка и батальонов Фишера и Сукова. Их поддерживали 300 артиллеристов и несколько сотен стрелков, добровольцев из разных частей и бугских казаков. Для штурмующих имелся строгий приказ: при движении не стрелять, не делать остановок и действовать исключительно штыками.

В 7 часов утра 6 декабря русские колонны пошли на приступ. Спустя четверть часа войска оказались у крепостных стен, на которые для выигрыша времени стали взбираться, пренебрегая имевшимися штурмовыми лестницами. Командир атакующих И. П. Горич одним из первых взошел на вал, но был сражен вражеской пулей.

---

[59] Суворов А. В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. С. 258.

[60] Алиев К. Братья Горичи: два генерала из Кизляра//http://kumukia.ru/article-9207.html

Спустя немногое время турки были выбиты из бастиона и оказались под ударом подошедшей 5-й колонны. Успех неизменно сопутствовал русским и на всех других участках — через час с четвертью Очаков во второй раз в своей истории пал перед русским оружием. Погибло более 8 тысяч неприятеля. Трофеями победителей стали 300 пушек, 180 знамен, 4000 пленных, огромные богатства и редкие драгоценности. Осаждавшие потеряли около тысячи убитыми и столько же ранеными. За участие в приступе все русские офицеры были награждены золотыми крестами на Георгиевской ленте, а нижние чины — серебряными медалями.

В связи с тем, что после разгрома очаковской группировки турок военные действия сместились на Дунай, Орловский полк, прикрывавший Кинбурн, не принимал активного участия в дальнейших событиях. В 1789 г. чин полковника в Орловском полку носил Михаил Гедеонов. Со званием подполковника в полку числились два офицера — получивший повышение Н. Смородин и сверхкомплектный И. Владимиров. В часть был переведен кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса (получен за выслугу лет) премьер-майор Василий Барыков[61]. Секунд-майорское звание носил Степан Пламенков.

Однако из рядов его командного состава на театр продолжавшейся войны регулярно откомандировывались штаб- и унтер-офицеры, заслужившие отличие в новых боях с неприятелем.

В завершающий период второй «екатерининской войны» с Турцией в документах впервые упоминается имя еще одного достойного офицера Орловского пехотного полка — секунд-майора Иосифа Трубникова, будущего героя Швейцарского похода Суворова. В 1790 г. Трубников состоял при флотилии О. де Рибаса, действовавшей в устье Дуная. 20 октября 1790 г. русские гребные суда пошли на прорыв со стороны моря в Сулинское гирло. Секунд-майор Трубников выполнял задачу, которая соответствовала уровню полкового командира, — именно ему было поручено возглавить десант из 1100 гренадеров Приморского гренадерского корпуса против вражеской батареи у селения Кишлау[62]. Тот факт, что офицер среднего звена командовал армейским соединением, позволяет сделать вывод о наличии у него весомого боевого опыта, полученного, по всей видимости, в Кинбурнской оборонительной операции.

---

[61] Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам... на 1789 год. СПб.: При Государственной Военной Коллегии, 1789. С. 148.

[62] Скрицкий Н. В. Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом. М.: Центрполиграф, 2002. //http://militera.lib.ru/bio/skritsky_nv/index.html

При высадке половина гребных баркасов оказались разбиты сильным волнением, поэтому десантироваться удалось только шестистам гренадерам. На поддержку выдвинулась основная часть отряда во главе с самим де Рибасом, что позволило отбить вражеские батареи. Несмотря на огневое противодействие турецких орудий и стоявших вблизи неприятельских судов, в течение следующих суток русский отряд захватил и батарею на южном берегу, после чего флотилия прорвалась на дунайский фарватер.

При штурме Измаила 11 (22) декабря 1790 г. Трубников также находился при флотилии де Рибаса, будучи представлен последним Суворову как достойный командир, отличившийся при 20-часовой перестрелке русских гребных судов с находящимся от них в 20 саженях Каменным бастионом крепости. В реляции об измаильском взятии Суворов особо отметил, что при вызванном вражеским попаданием взрыве корабля «Константин» Трубников лишился всего своего имущества. В разгар сражения офицер-орловец вновь возглавлял высадку второго десанта передней линии, над которым формально начальствовал генерал-аудитор-лейтенант Лошаков. Кроме Трубникова при штурме Измаила Суворовым был отмечен сержант Орловского полка Григорий Харитонов.

В списках награжденных орденом Святого Георгия 4-й степени указывается, что 26 ноября 1792 г. его кавалером стал премьер-майор Орловского полка Иосиф Трубников (1744—1799). Сейчас трудно установить обстоятельства получения самой почетной награды русской армии: было ли ее присуждение следствием подвига Трубникова при Измаиле, или же он получил орден за польскую кампанию 1792 г. Этой же датой, то есть 26 ноября 1792 г., удостоверяется награждение полковника Орловского полка Михаила Яковлевича Гедеонова (1756—1802) орденом Св. Георгия 4-го класса. Однако в интернет-форумах указывается, что Гедеонов, в отличие от Трубникова, получил награду за выслугу лет.

При Измаиле проявили доблесть и еще двое воинов, чьи судьбы вскоре окажутся связаны с Орловским пехотным полком. Речь идет о Степане Александровиче Талызине (1765—1815), в чине подполковника Белорусского корпуса штурмовавшего турецкую твердыню. Талызин происходил из дворянской аристократии, будучи по матери внуком генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина и состоя в родстве с фамилией Куракиных. К измаильскому сражению он уже имел за плечами опыт русско-шведской войны, а также участие в боях за Бендеры в 1790 г. За отличие при Измаиле по представле-

нию А. В. Суворова 25 марта 1791 года он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1794 г. С. А. Талызин стал командиром Орловского пехотного полка.

При взятии Измаила проявил героизм еще один офицер, в последующем имевший прямое отношение к Орловскому полку. Два ранения в сражении за крепость получил капитан Алексопольского полка Иван Иванович Палицын (1763—1814) — будущий участник наполеоновских войн, генерал-майор, с 1806 по 1812 г. бывший шефом Орловского мушкетерского, а затем и его преемника — 41-го егерского полка. Во главе 8-й пехотной бригады 12-й дивизии 2-й армии он получит тяжелое ранение при Бородине. При Измаиле в 1790 г. он также был ранен в левую руку и ногу, в составе ударной группы алексопольцев участвуя во взятии вражеской батареи и семи османских знамен.

В 1791 г. Орловский полк в составе корпуса генерал-аншефа М. Н. Кречетникова был переброшен в Могилевскую губернию к границам распадающегося Польского государства. Корпус принял активное участие в кампании 1792 г., спровоцированной попыткой реванша польскими магнатами итогов первого раздела Речи Посполитой. Однако в документальных свидетельствах пока не обнаружено доказательств участия Орловского полка непосредственно в военных действиях. Видимо, согласно планам командования, ему отводилась задача прикрытия тыловых коммуникаций.

Полком в указанный период командовал бригадир М. Гедеонов, подполковником в части многие годы состоял Н. Смородин. Премьер-майорами числились Иван Лагерсворт, кавалер орденов Св. Георгия 4-го класса и Св. Владимира 2-й степени, а также сверхштатный Александр Боборыкин. Секунд-майором оставался С. Пламенков. Сверхкомплектными секунд-майорами в течение года в полку служили К. Внуков, С. Гагенбелов, Г. Стоянов, А. Гриненталь, С. Мещерский.

По утвердившейся в русской армии традиции офицеры частей, оказавшихся вдали от основных событий, стремились попасть в боевые порядки действующей армии. Поэтому многие командиры Орловского полка в скором времени оказались вдалеке от места его дислокации, находясь в распоряжении штаба русской армии.

Среди них наибольшую доблесть в кампаниях 1792 и 1794 гг. проявили подполковник С. А. Талызин, к тому времени переведенный в Орловский полк, и секунд-майор С. В. Мещерский. Так, за отличие в боях под Дубенкой и Песочной С. А. Талызин был на-

граждён золотым оружием с надписью «За храбрость».

С.А. Талызин

В 1793 г. состоялся второй раздел Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией, вызвавший в следующем году новую войну, известную еще как «восстание Т. Костюшко». В августе 1794 года борьбу с повстанцами было поручено возглавить генерал-аншефу А. В. Суворову под общим руководством генерал-фельдмаршала А. П. Румянцева. 30 августа Суворов прибыл с частью своих сил из Новороссии в Ковель, где принял под командование корпус генерала Буксгевдена. Своей ближайшей задачей он видел наступление на Кобрин, где концентрировались поляки. При этом по просьбе губернатора генерал-майора В. С. Шереметьева Орловский полк был оставлен для прикрытия подведомственной ему Изяславской губернии от возможного проникновения повстанцев со стороны Минска. Как писал Суворов: «... Орловский пехотный полк можете, сколько потребно и куда нужно обращать, а потому остается в Вашем распоряжении»[63].

Не оставаясь в тылу, некоторые из офицеров Орловского полка отправились вместе с главным корпусом навстречу сражению. Сражение с Брежвским корпусом поляков произошло 6—8 сентября при Крупицах и под местечком Тарспольем и закончилось его полным разгромом. Свидетельством доблести участника этих боев подполковника С. А. Талызина служит его отправка к П. А. Румянцеву с донесением об одержанной победе.

Разгромив передовые силы поляков, Суворов намеревался наступать через Брест на Варшаву. Понимая значение обеспечения тыла в партизанской войне, тактика которой активно использовалась повстанцами, командующий 16 сентября принял решение об организации в районе местечка Варковичи летучего отряда. Командиром формирования назначался бригадир И. К. Владыкин, которому были подчинены несколько казачьих частей и Орловский полк, прибывший маршем в г. Острог. В начале октября в связи с необходимостью поддержания связи с союзными австрийскими

[63] А. В. Суворов. Документы. Т 3. М.: Воениздат, 1952. С. 360.

войсками, дислоцированными в Галиции, орловцев перебросили к городу Владимерж.

Таким образом, Орловский пехотный полк оказался в стороне от главных событий кампании, разворачивавшихся вблизи польской столицы. Однако в решающем сражении войны — штурме пражского предместья Варшавы 24 октября 1794 г. приняли участие несколько его офицеров, отмеченных русским командованием. В бою вновь проявил храбрость подполковник Талызин, получивший ранение картечью в плечо. 24 декабря офицер был произведен в полковники и назначен командиром Орловского пехотного полка, пребывая на этой должности в течение трех лет — до 1797 года.

Получив генеральское звание, С. А. Талызин был шефом ряда мушкетерских и гренадерских полков, в правление императора Павла I оказавшись в отставке. С началом Отечественной войны 1812 года ему довелось пройти все сражения от Тарутина и Красного до «битвы народов» при Лейпциге, где во главе 2-й бригады 8-й пехотной дивизии Талызин вновь был ранен и контужен картечью, награждён золотым оружием с надписью «За храбрость». В 1814 году он участвовал в делах под Бриенном и Ла-Ротьером, где оказался поражен осколками вражеской гранаты. Прославленный герой награждался орденами Св. Анны 1-й степени и св. Владимира 3-й степени, выйдя 1 сентября 1814 г. в отставку и скончавшись 15 апреля 1815 года в Москве.

Другим участником штурма варшавской Праги 24 октября 1794 г. стал секунд-майор Степан Мещерский, исполнявший ответственные поручения командования. Офицер находился в распоряжении генерал-поручика П. Потемкина, возглавлявшего одну из штурмовых колонн. Мещерский под огнем неоднократно посылался к сражающимся частям, передавая приказы об изменениях их боевых задач[64]. Спустя три недели, 14 ноября 1794 г., секунд-майор Орловского полка С. В. Мещерский сопровождал к главнокомандующему П. А. Румянцеву плененного командующего польскими войсками генерала Т. Вавжецкого.

По завершении кампании 1794 г. Орловский полк был передислоцирован на Украину, оказавшись в составе войск под началом А. В. Суворова. В июле 1796 г. полк состоял во 2-й дивизии генерал-аншефа Волконского, будучи расквартирован в местечке Браилов. Здесь войска интенсивно обучались по методу «сквозной атаки», разработанному великим русским полководцем.

[64] А. В. Суворов. Документы. Т 3. М.: Воениздат, 1952. С. 419.

ЧАСТЬ 4.

БОЕВАЯ СЛУЖБА ОРЛОВСКОГО (МАНСУРОВА) МУШКЕТЕРСКОГО ПОЛКА НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX СТОЛЕТИЙ

4.1. Итальянский и Швейцарский походы 1799 г.

В 1796 г. Орловский полк стал именоваться «мушкетерским». В правление императора Павла I все воинские части неоднократно меняли свои названия, обозначаясь по фамилиям своих шефов — вышестоящих начальников и знатных сановников империи. Называясь «мушкетерским генерал-майора Мансурова 2-го полком», орловцы прославились в Швейцарском походе А. В. Суворова в сентябре 1799 г.

С 1796 г. линейные воинские части назывались по фамилиям своих шефов. Впервые о подобном явлении, которое просуществовало до Февральской революции, упоминается в петровском Уставе воинском 1716 г. Шефами полков, выполнявшими функции опекунов-инспекторов, в императорской армии могли быть высшие офицеры, придворные сановники или представители августейшей фамилии.

Наличие должности шефа очевидным образом вступало в противоречие с принципом единоначалия, поскольку его полномочия и полномочия командира полка неизбежно должны были пересекаться. Поэтому на протяжении XVIII столетия должность шефов неоднократно упразднялась; в конечном итоге за ними по традиции закрепились обязанности по материальному обеспечению подразделений, духовному воспитанию солдат и контролю за общим состоянием подведомственных формирований. Однако в павловский период шефы полков непосредственно руководили и боевой подготовкой, и действиями на поле сражения. В армейских частях эту должность обычно занимали командиры соединений — бригад, дивизий или корпусов, в состав которых организационно входили полки.

Бывший Орловский полк во второй половине 1790-х гг. практически ежегодно менял своих шефов, а значит, и наименование. В Итальянский поход в 1799 г. он выступил под именем генерал-

майора А. П. Мансурова 2-го (1756—1834). Род Мансуровых происходил от вышедшего из Орды на службу московскому князю Ивану Калите мурзы Амедотея Шигильдеевича Мансурова, получившего при крещении имя Борис. Военная карьера его далекого потомка, Александра Павловича Мансурова, была связана с Приуральем, где он командовал Оренбургским полевым мушкетерским батальоном и Уфимским пехотным полком. Современники характеризуют его как «добрейшего и любезнейшего из людей», «любимого всеми без исключения»[65]. Страстным увлечением Александра Мансурова была охота, различным видам которой он целиком посвящал свой досуг. Именно охотничьи забавы, как известно, с древнейших времен были неотделимы от ратных занятий, служа прекрасной школой обучения основам военного ремесла. В Итальянском и Швейцарском походах А. Мансуров командовал бригадой, состоявшей из Орловского мушкетерского полка и двух гренадерских батальонов. В последующем он станет Оренбургским генерал-губернатором.

Накануне войны, в 1798 г., полк располагался в городе Умань, входя в состав Днестровской дирекции Российской армии. Командиром Орловского полка в Альпийском походе был его заслуженный ветеран полковник Иосиф Петрович Трубников. Выступив в поход 24 марта через Галицию и Прикарпатье, в Италию полк прибыл в июне 1799 г. в составе подошедшего на помощь русским войскам корпуса генерал-поручика Максима Владимировича (Магнуса Вольдемара) Ребиндера. После присоединения к главным силам последний сдал командование старшему по чину военачальнику — генералу от инфантерии Андрею Григорьевичу Розенбергу. Под его началом полк Мансурова совершил беспримерный по тяготам и героизму переход через Альпы.

А. И. Розенберг (1739—1813 гг.) был выходцем из курляндского дворянского рода. Он слыл опытным и знающим военным, прошедшим большинство военных кампаний второй половины XVIII столетия. Не случайно, что до прибытия к войскам Суворова Розенберг отвечал за подготовку вверенных частей к походу. Таким образом, им была проделана все рутинная, «черновая» работа, которая сделала корпус боеготовым и способным воплощать на деле стратегические замыслы будущего генералиссимуса.

К 30 июня полк Мансурова при списочном составе 1709 человек на деле насчитывал 50 штаб- и обер-офицеров, 1295 нижних чинов. Общее количество военнослужащих, включая нестроевых, достига-

[65] Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1987. С. 218.

ло 1547 воинов. Все мушкетерские полки имели по 2—3 артиллерийских орудия. Первое время орловцы пребывали в резерве и фактически не приняли участия в последнем сражении Итальянского похода — битве при Нови 4/15 августа 1799 г. Опасаясь подхода подкреплений неприятеля, Суворов расположил корпус Розенберга в 50-ти верстах от поля боя, из-за чего ему пришлось проделать изнурительный ночной марш для соединения с союзной армией. Только после начала отступления французов резерву было поручено преследовать побежденных в направлении Гава—Бокетта—Генуя, однако полк Мансурова в последовавшем скоротечном бою участия не принимал.

А.В. Суворов

В последующем корпус Розенберга участвовал в осаде города Торнтона. 7 августа войска заняли позиции на подступах к цитадели, тогда как основные силы Суворова выдвинулись в направлении на Турин. Тортонская крепость считалась стратегическим пунктом, прикрывавшим Северную Италию. Сама цитадель располагалась на 300-метровой возвышенности над городом, располагая 4 бастионами, кронверком, рвами и гласисами. Лучшим укреплением были скалистые горные склоны с вырубленными в них казематами. Союзные австрийцы вели осаду еще с июля, однако 1200 солдат французского гарнизона во главе с полковником Гастье держались стойко. 10 августа потерявший терпение Суворов приказал Розенбергу готовить штурм. Для атаки были назначены гренадеры и сводный батальон, составленный из добровольцев всех полков. Накануне были проведены учения по отработке навыков преодоления рвов и крепостных стен.

Однако, понимая свою уязвимость после поражения главной армии Моро при Нови, комендант Торнтоны решился на переговоры о перемирии до 31 августа. После истечения указанного срока французы были готовы сдать крепость. За три дня до окончания срока перемирия Суворов получил инспирированный венским двором и согласованный с Павлом I приказ следовать в Швейцарию, окку-

пированную французской армией генерала Анри Массена. Правящие круги России и Австрии сошлись во мнении о разделении сфер влияния союзных войск: Италия, очищенная от противника талантом Суворова, доставалась австрийцам, тогда как русские должны были сосредоточиться в Швейцарии.

28 августа корпус Розенберга двинулся из-под стен Торнтоны на Александрию. Вести осаду далее поручалось одним австрийцам. Однако тут же поступили известия о приближении трех неприятельских колонн, намеревавшихся деблокировать крепость. Суворов немедленно развернул вспять все русские корпуса, предписав направить навстречу противнику из войск Розенберга авангард князя Волконского. Движения русских отрядов и нескольких перестрелок было достаточно, чтобы французы спешно отступили. 30 августа Торнтона сдалась австрийским союзникам России.

Видимо, именно за участие в осаде Торнтоны Мансурова/Орловский полк получил коллективную награду — ему был пожалован «гренадерский поход». Последний представлял собой музыкальную композицию на барабанах, изначально положенную только гренадерским частям, особо отличившихся в бою. В последующем «гренадерским боем» стали жаловать военные части за стойкость и доблесть в сражениях. В 1799 г. этого знака отличия были удостоены 7 мушкетерских и 2 егерских полка. Иногда утверждают, что «гренадерский поход» орловцы получили за Торнтону еще 16 июля 1799 г. Однако источники не упоминают о сколь-нибудь заметных военных действиях в округе указанной крепости в отмеченное время.

Осенью корпус А. Г. Розенберга, состоявший из свежих, не обремененных потерями полков, первоначально предполагалось оставить в Ломбардии. Однако А. В. Суворов решительно воспротивился разделению вверенных ему войск; возможно, его настойчивость спасла миниатюрную армию русских от неминуемого разгрома на альпийских перевалах, ибо без отряда Розенберга, в который входил и Орловский/Мансурова мушкетерский полк, численность экспедиционного корпуса сократилась бы до 10—12 тысяч человек.

Основной контингент союзных австрийских сил, служивший весомым подспорьем в предыдущих сражениях, был изъят из подчинения Суворову. Компенсировать эту утрату должен был швейцарский корпус Александра Римского-Корсакова, насчитывавший около 24 тысяч штыков. Однако последний до подхода весьма поредевших в Итальянской кампании войск Суворова также не мог рассчитывать на реальную поддержку союзников, поскольку большая

часть австрийских сил выводилась из Швейцарии в Бельгию. Соединение двух русских группировок должно было произойти в отдаленном труднодоступном районе, вдалеке от Средиземноморского побережья. Тем самым был сорван замысел Суворова по наступлению на Марсель — территорию собственно Франции.

К началу Швейцарского похода в распоряжении Суворова было около 21 тысячи солдат и офицеров, которых обеспечивали около трех тысяч нестроевых (обоз, мастеровые, фуражиры, санитары и т. п.). Полевую артиллерию отправили другим, более безопасным путем. Маршрут движения Орловского/Мансурова полка на пути к Лепонтинским Альпам проходил через города и селения Казале, Берчелли, Новара, Лугано, Беллинцона, Айроло. Последний лежал у подножья горного кряжа Сен-Готард, на котором на высоте 2108 м располагалась передовая укрепленная позиция Гельветической армии французов. По дороге к русским присоединилось несколько разрозненных австрийских частей. В Айроло было бесцельно потеряно 5 дней — Суворов дожидался обещанных австрийцами 40 двухфунтовых горных орудий (получили только 20) и вьючных животных с продовольствием. Одно орудие к началу альпийского перехода имелось и в полку Мансурова.

Поход был возобновлен 10/21 сентября 1799 г. Под проливным дождем Орловский полк прошел по высокогорному бездорожью за трое суток 75 верст. Сражение за перевал Сен-Готард 13/24 сентября вошло в анналы военного искусства — впервые этот стратегический пункт был атакован и взят с дотоле неприступной южной стороны. Согласно решению собранного накануне военного совета предполагался комбинированный двойной удар: основные силы русских штурмовали Сен-Готард с фронта, тогда как 6-тысячный корпус Розенберга предпринимал обходный маневр через горные вершины — перевал Лукманир, Дисентис, перевал Обер-Альп. Маршрут был небрежно рассчитан австрийскими квартирмейстерами. Розенберг смог начать атаку французов у перевала Обер-Апьпа лишь после двух часов дня, когда он в соответствии с замыслом боя должен был появиться в тылу позиции у Сен-Готарда. Последний был захвачен благодаря доблести авангарда основных русских сил под командованием легендарного Петра Багратиона.

Однако Орловский полк также активно участвовал в сражении. Стремительный натиск авангарда отряда Розенберга под началом генерал-майора М. Милорадовича был поддержан обходом противника с тыла полком А. Мансурова, благодаря чему французы спеш-

но отошли к правому берегу озера Урзерн. Орловский полк действовал двумя батальонами, одним из них командовал сам Мансуров, другим — командир полка И. Трубников, к которому в ходе боя примкнули две роты первого батальона под началом майора князя С. В. Мещерского 1-го. Густой туман и ночная мгла спасли французов от полной катастрофы.

Ввиду наступления темноты Розенберг, выйдя к лежащей за Сен-Готардом Урзернской долине, не предпринял немедленного нападения и расположил свои войска на привал. По этой причине французы избегли окружения и отошли, перегруппировавшись для отражения новой атаки. На рассвете 14/25 сентября сражение возобновилось. Командиры французских частей намеревались задержать наступавших у двух удобных для обороны объектов — туннеля Урнелорх и располагавшегося за ним моста Тейфельсбрюк. Именно на них был назначен вести лобовую атаку Орловский полк.

Бой за «Чертов мост» (нем. Тейфельсбрюк) стал ключевым моментом всего Швейцарского похода, являясь в то же время одним из судьбоносных эпизодов российской военной истории. Единственный в окружающей местности доступный обустроенный переход через реку Ройс, известную своим бурным нравом, был сооружен еще в XIII в. Путь к переправе проходил через горный туннель Урнерлох, длина которого составляла 64 метра. Туннель был построен в скале на правом берегу реки Ройс параллельно ее течению в начале XVIII столетия при помощи направленного взрыва. Фронтальная атака на переправу через проход в скале грозила катастрофическими потерями. При штурме русские использовали ведущие в обход крутые тропы, заброшенные после постройки туннеля Урнерлох.

Главную роль в бою за туннель сыграл отряд добровольцев-охотников под началом командира Орловского/Мансурова полка полковника Иосифа Трубникова. Триста человек через горные тро-

пинки зашли в тыл защитникам «Урзенской дыры». Одновременно вброд через Рейс атаковали егеря майора Ф. И. Тревогина и мушкетеры полковника В. И. Свищева. Остающиеся под началом генерал-майора Мансурова орловцы пытались прорваться через сам тоннель, насквозь простреливаемый ружейным огнем и картечью, но были с уроном отброшены.

М.А. Милорадович

Маневр отряда Трубникова решил исход боя, а может быть, и всей кампании. Обнаружив обход, французы, опасаясь окружения, оставили позиции у выхода из Урзернского туннеля. Последней надеждой неприятеля оставался удобный для обстрела с окружающих высот Чертов мост, располагавшийся на 25-метровой высоте. В суматохе отступавшие французы не закрепились на наиболее близкой к переправе возвышенности. Командовавший русскими передовыми частями генерал-майор М. Милорадович незамедлительно организовал атаку, но настил моста был уже серьезно поврежден. Вновь был предпринят обходной маневр — с хребта Бетцберг в тыл противника вышли отряд из 13-го егерского полка и батальон Азовского мушкетерского (Ребиндера) полка. Без подготовки русские форсировали бурную реку и через скалы стали окружать противника. Севернее неприятеля атаковала боевая группа под командованием уроженца Орла генерал-майора Николая Каменского, возглавлявшего Архангелогородский мушкетерский полк. В результате французам пришлось отступать к Фирвальдштадскому озеру.

Тем временем у разрушенного моста происходили события, до сих пор вызывающие споры среди историков. В перестроечные годы некоторые из них взяли под сомнение обстоятельства драматического эпизода, участниками которого стали солдаты и офицеры Орловского/Мансурова полка. Проявив мужество и хладнокровие, майор князь Мещерский 1-й оперативно организовал восстановление переправы и переход русских частей через

ущелье. По свидетельствам очевидцев, для того, чтобы скрепить наскоро возводимый настил моста, использовались пояса и офицерские шарфы. Последнее обстоятельство и вызывает сомнения в своей достоверности[66]. Почему же многие дотошные исследователи оказались столь щепетильны к второстепенной детали, не имеющей принципиального значения для оценки решающего события российской истории?

Видимо, для одних упоминание об использовании предметов туалета в военно-инженерных целях кажется чем-то легковесным, не заслуживающим доверия. Другие же, отрицающие сей факт, вполне сознательно стараются нивелировать значение всего Швейцарского похода для истории военного искусства. Известно, что обвинение в малой по масштабу лжи способно вызвать недоверие ко всему описываемому событию, дискредитировать его в оценках потомков.

Об использовании офицерских шарфов дважды упоминается в официальном документе — реляции А. В. Суворова императору Павлу I. Уже в преамбуле сообщения о походе указывается, что «доски (моста Тейфельсбрюк. — **Авт.)** связываются шарфами офицеров». Далее, описывая подвиг майора Мещерского, полководец прямо подчеркивает, что офицер «переходит на ту сторону чрез испорченной мост, переводит туда генерала и офицера с помощию шарфа, нижние чины за ними следуют по оставшемуся бревну, бегут за неприятелем, гонят и теснят везде по пути его»[67]. Таким образом, из развернутого описания генералиссимуса можно понять, что Мещерский использовал свой шарф в качестве страхующего переправочного средства. В другом документе — письме Ф. Ростопчину — Суворов упоминает, что майор «оказал опыты храбрости, быв первым, который начал связывать шарфом доски чрез сей мост».[68]

Сведения об обстоятельствах героической переправы содержатся и в воспоминаниях другого очевидца — графа П. И. Тизенгаузена, командовавшего в день сражения батальоном Апшеронского полка. Он однозначно указывает на князя Степана Мещерского как на инициатора восстановления переправы. Более того, Тизенгаузен сообщает, что спустя малое время, когда последняя была относи-

---

[66] Васильев. А. Швейцарский поход Суворова//Атлас Швейцарской кампании А. В. Суворова 1799 г. Цюрих, 2000. С. 63–64; Дзысь В., Шевяков С. Итальянский и Швейцарский походы А. Суворова 1799. М.: Астрель, 2002, С. 12.

[67] А. В. Суворов. Документы. Том IV. М.: Воениздат, 1953. С. 355.

[68] А. В. Суворов. Документы. Том IV. М.: Воениздат, 1953. С. 448.

тельно обустроена, все офицеры получили свои шарфы обратно[69]. Вероятно, именно по этой причине к описываемому эпизоду скептически относятся некоторые другие мемуаристы — участники похода, не наблюдавшие самого боя и перешедшие мост через Тейфельсбрюк, когда он уже был восстановлен.

Для военной истории в целом не столь важно, чем именно крепили на головокружительной высоте, под огнем противника солдаты Мансурова/Орловского мушкетерского полка настил того злополучного моста через ущелье реки Ройс. Вероятно, прочность ему была придана не предметами одежды офицеров, а более подходящими для ремонта материалами. Однако в стремительно развивающейся динамике боя использование командирами своих шарфов для восстановления моста сыграло примерно ту же роль, что поднятие над полем сражения боевого стяга или знамени. Таким способом князь С. В. Мещерский и его товарищи поддержали боевой дух подчиненных, указав, что и каким образом надлежит исполнять в сложившейся критической ситуации.

Что касается Степана Мещерского, то, судя по мнению современников, своим обликом и характером он скорее походил на стереотипный образ бесшабашного кутилы — гусара. В последующем Мещерский отличился и в сражении при Муттентале — завершающем аккорде Швейцарского похода.

С его именем связана ошибочная легенда, согласно которой отважный офицер погиб прямо на переходе через Тейфельсбрюк. О смертельном ранении майора упоминает и дореволюционный историк, будущий военный министр Д. Милютин, и автор советского периода К. Осипов, выпустивший ставшую канонической монографию о Суворове в 1938 г. В обоих трудах приводятся и живые подробности «последних минут» Мещерского. Так, Милютин отмечал: «Храбрый майор тут же был смертельно ранен и успел только сказать товарищам: «Не забудьте упомянуть меня в реляции»[70]. Осипов описывал драматический эпизод боя несколько по-иному: «Майор Мещерский первым пробежал по этому шаткому сооружению, но упал, сраженный пулей»[71].

Однако истина заключается в том, что майор князь Степан Мещерский благополучно пережил Швейцарскую кампанию 1799 г.

---

[69] Тизенгаузен П. И. Суворовский поход в Италию и Швейцарию. Из записок очевидца// www.museum.ru/1812/Library/Tiesenhausen/tizengauzen_rus.html

[70] Милютин Д. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. Изд. 2, т. III, СПб., 1856. С. 55.

[71] Осипов К. А. С. Суворов. Рига: Латгосиздат, 1949, С. 369.

и невредимым вернулся в родное Отечество. В следующую русско-турецкую войну именно С. В. Мещерский 1-й командовал своим родным Орловским мушкетерским полком в период 1806—1809 гг.

Очевидно, что исследователи прошлого допустили погрешность в определении имен участников боев за горные перевалы, среди которых были два представителя фамилии Мещерских — майор Степан Мещерский 1-й и его младший брат Мещерский 3-й. В письме Ф. Ф. Ростопчину зимой 1799 г. с ходатайством о производстве майора С. Мещерского в следующий чин Суворов упоминал и о родном брате последнего — князе Мещерском 3-м. Ни звание, ни имя этого офицера в документе не приводится, указывается лишь на тяжелое ранение и гибель на глазах у старшего родственника[72].

К исходу дня русские продвинулись на 8—10 верст, заняли местечки Вассен и Амштег, где к Суворову присоединилась бригада австрийцев под началом генерала А. Ауфенберга. В городке Альтдорф выяснилось, что достигнутые 13—14 сентября 1799 г. победы могли служить прологом уничтожения или позорного пленения русской армии. Пробившись через перевал Сен-Готард и мост Тейфельсбрюк, Суворов фактически оказался в ловушке — было обнаружено отсутствие дороги от местечка Альтдорф до селения Швиц, о наличии которой уверяли австрийские квартирмейстеры. Средства для переправы через Люцернское озеро были реквизированы французами.

Суворов повел войска через хребет Росток в Моутенскую долину. Спустя сутки Орловский полк вновь оказался в эпицентре боя. 16/27 сентября французы предприняли атаку на проходящий обоз русской армии. Прикрывать его должны были подразделения полка Мансурова, которые отбили все нападения и взяли в плен французского офицера. Пойдя за двое суток 18-километровый путь, Орловский полк оказался в Моутенской долине.

Только здесь стало известно, что тремя днями ранее при Цюрихе дивизионный генерал А. Массена нанес поражение корпусу А. Римского-Корсакова, а Н. Сульт одновременно с этим разгромил отряд австрийцев фельдмаршал-лейтенанта Ф. Хотце. С этого момента все стратегические планы русского командования оказались перечеркнуты. Речь теперь могла идти уже не об очищении Щвейцарии от неприятеля, а исключительно о прорыве из горной западни в районы, свободные от превосходящих сил французов.

По свидетельствам очевидцев, даже Суворов не был твердо уверен в исходе похода. Состоявшийся 18 сентября военный со-

[72] А. В. Суворов. Документы. Том IV. М.: Воениздат, 1953. С. 448.

вет определил маршрут выхода из намечавшегося окружения. Путь русских войск лежал через горные хребты Рошток и Брагель, в направлении селения Гларис. Корпусу А. Розенберга, в составе которого оставались орловцы генерала Мансурова, предписывалось действовать в арьергарде, не позволяя силам известных французских военачальников, будущих маршалов А. Массена и Э. Мортье, помешать переходу русской армии через горную вершину Брагель.

Решающее сражение произошло 20/31 сентября, когда свыше 10 000 французов во главе с самим командующим генералом Анри Массена обрушились на арьергард Розенберга. Противник поддался на обманный прием русских: мушкетерский полк Белецкого, находящийся в передовой линии, изобразил притворное отступление, заманивая неприятеля на ровную долину, удобную для встречного удара. Впереди русских колонн неприятеля тревожил огнем отряд охотников полковника Жукова, где были собраны добровольцы изо всех русских полков.

Расстроенные в ходе преследования части французов оказались перед стоявшими в боевом порядке мушкетерскими полками Ферстера и Мансурова, егерским полком Кашкина, к которым присоединились полк Белецкого и батальон мушкетерского полка Фертча. По приказу генерал-майора Милорадовича полк Белецкого расступился, давая простор для атаки частей второй линии. Последовал штыковой натиск, когда после нескольких залпов сплоченный строй закаленных суворовских ветеранов пошел в рукопашный бой на превосходящего противника. Именно благодаря таким примерам была завоевана слава русского оружия на полях сражений бурного XVIII столетия. Первая линия противника, сделав несколько нестройных залпов, стала отступать, вторая линия была опрокинута по всему фронту, ударившись в бегство в сторону селения Швиц. При выходе из долины охотники полковника Жукова вместе с казаками охватом с флангов атаковали и захватили вражескую батарею, создав заслон отходящему арьергарду французов. Имевшие двойное численное превосходство войска Массены понесли полное поражение.

Показательно, что на сражение в Моутенской долине приходятся наибольшие потери французской армии в Швейцарской кампании. Суворов сообщил императору Павлу о почти четырех тысячах убитых и раненых французов, среди которых был генерал Лемурье. В плен было взято около тысячи двухсот солдат и офицеров, которым в дальнейшем было суждено делить совместно со своими

победителями все тяготы горных переходов. Было захвачено пять орудий. В числе пленных оказались командир 108-й полубригады генерал Лакур, два полковника и десять других офицеров. Пленения едва избег и сам командующий французскими войсками генерал Массена.

О вкладе Орловского полка в спасение русской армии в горных теснинах Швейцарии говорят данные о потерях, понесенных им в жестоких боях 13—20 сентября. Полк потерял своего командира — Осипа (Иосифа) Петровича Трубникова, сыгравшего решающую роль при занятии стратегического пункта всего похода — тоннеля Урзернлох и моста Тейфельсбрюк. В сражениях героически погибли капитан Е. С. Рушкин, поручик В. В. Суходольский и прапорщик П. В. Радышевский. Подполковник Стоянов оказался в плену. Шеф Орловского полка генерал-майор Александр Мансуров получил контузию в обе ноги. Кроме него, согласно сведениям Д. Милютина, ранения в походе получили: поручики Сумародский, Капченков, Анастасьев, князь Мещерский (вероятно, Мещерский 3-й), адъютант Мешаев, прапорщики Артюшков, Лоудонский, Воехович.

Вовремя прекратив преследование, русское командование в течение суток дезинформировало французов, приказав местным жителям предоставить провизию на 12 тысяч человек. Оповещенный об этом Массена решил, что русские остаются в долине для нового сражения. В результате сутки потрепанные французы провели в ожидании новой атаки, что позволило корпусу Розенберга оторваться от них на дневной переход.

Вечером 20 сентября был получен приказ Суворова об отступлении. Орловский полк в составе русского арьергарда двинулся через гору Брагель. Французы организовали преследование, которое, впрочем, не нанесло особенного ущерба русским. Переход был крайне сложен, поскольку войска двигались в глубоком снегу по обледенелым горным кручам. У солдат и офицеров совсем износилась обувь, закончилось продовольствие. Оба ночных привала русские

провели, не разводя огня. К селению Гларис арьергард Розенберга вышел 23 сентября, где его ожидали главные силы. Невзирая на настигшие армию морозы, войска Суворова перешла через вершину Праник. Здесь русские понесли последние потери — обмороженными и сорвавшимися со скал. Спустившись к городу Иланц, армия остановилась на привал, после чего направились к Фельдкирху — конечной цели похода.

Согласно отчету Суворова, в начале октября после соединения с Римским-Корсаковым в бригаду Мансурова по-прежнему входили Орловский полк и гренадерские батальоны Рахманова и Шкапского. 14 октября было принято решение о выводе русских войск из Швейцарии.

За месяц боев и опасных горных маршей полк Мансурова уменьшился едва ли не наполовину: если к 1 сентября в нем были 1351 нижний чин и 50 офицеров, то спустя месяц в строю оставалось 728 нижних чинов и 30 офицеров. Были убиты, умерли и пропали без вести 4 офицера и 59 солдат и младших командиров. Около сотни человек оказались в плену: по сообщениям Суворова в период похода русские оставили в горных селениях около 800 раненых. Спустя месяц, к 1 ноября 1799 г., в полку Мансурова прибавилось личного состава, и он насчитывал 825 человек[73]. Еще через неделю, 4 ноября, в полку было уже 869 человек. В австрийских пределах полк Мансурова был переведен в корпус генерала от кавалерии Дефельдена.

С 19 по 28 октября армия Суворова проделала марш до австрийского Аугсбурга, где предполагался отдых на зимних квартирах. Однако был получен приказ императора об уходе в Россию. Пробыв до 14 января в Богемии (совр. Чехия) русский экспедиционный корпус двинулся на Родину. Все воинские части, участвовавшие в походе 1799 г., отводились на отдых в провинциальные российские города. Орловский полк, обретший 31 марта 1801 г. прежнее название, в 1802—1804 годах квартировал в городе Серпухове.

Наградами за участие в Итальянской и Швейцарской кампаниях стали пожалованный полку «гренадерский бой» за Торнтону и орден Св. Анны 1-й степени, которым был награжден шеф орловцев Александр Мансуров, получивший в декабре 1799 г. чин генерал-лейтенанта. Ордена Св. Анны был удостоен командир Архангелогородского мушкетерского полка генерал-майор Николай Каменский. Все солдаты армии Суворова получили по два рубля серебром.

---

[73] Милютин Д. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г., изд. 2, т. III, СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1852—1853. С. 357.

Таким образом, в последней четверти XVIII века Орловский пехотный полк представлял собой закаленную, испытанную в военных кампаниях воинскую часть, имевшую славные боевые традиции и способную достойно проявить себя на поле сражения.

4.2. На театре русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

С 1 марта 1801 г. Орловский полк обрел свое прежнее наименование. Его последней военной кампанией под первоначальным названием стала русско-турецкая война 1806—1812 гг. Она стала возможной из-за подрывной деятельности французских агентов при османском дворе, стремившихся ослабить традиционно сильное влияние России в зависимых от Турции дунайских княжествах, спровоцировать здесь вооруженный конфликт и вынудить русское командование отвлечь часть войск от европейского театра большой войны с Наполеоном.

Весной 1806 г. турки закрыли Босфор для прохода русских судов и без уведомления России сместили господарей в дунайских княжествах. Однако к полномасштабной войне с сильной русской армией Порта была не готова и вела вялые приготовления только под давлением из Парижа. Понимая неизбежность столкновения на два фронта — с Францией и Османской империей, советники российского императора приняли решение о вводе войск в Молдавию и Валахию, где османы по условиям прежних мирных договоров не имели права иметь свои гарнизоны.

Назначенная для похода за Дунай Молдавская армия генерала от кавалерии И. И. Михельсона состояла из 4-х дивизий, в каждую из которых входили шесть мушкетерских, один егерский полк, кавалерийская бригада, три роты артиллерии. В дальнейшем дивизии организационно были сведены в два корпуса. В распоряжении командования имелось пять казачьих полков. Мушкетерские полки в указанный период состояли не из двух, а из трех батальонов, которые в условиях войны могли действовать порознь или входить в состав различных временных соединений — корпусов, отрядов или штурмовых колонн. В феврале 1806 г. Орловский мушкетерский полк дислоцировался в составе 8-й дивизии генерал-лейтенанта Эссена в городе Немирове.

Большую часть войны, с 18.09.1806 по 01.08.1809 г., Орловский полк возглавлялся его ветераном Степаном Васильевичем Мещерским 1-м, имевшим звание полковника. На завершающем этапе

военных действий, когда Мещерского перевели в шефы Вятского мушкетерского полка, Орловским мушкетерским командовал подполковник Максим Михайлович Андриевский. Шефом полка с 13 марта 1806 г. состоял полковник И. И. Палицын.

Переправа русской армии через Днестр состоялась в ноябре 1806 г., когда основные силы Михельсона были разделены на два корпуса — генерал-лейтенантов М. Милорадовича и С. Каменского 1-го. Выделялся авангард генерал-майора Долгорукова, в который наряду с 8-м егерским и донским Мелентьева полками были включены два батальона Орловского мушкетерского полка при полковой артиллерии. Орловцев в составе отряда насчитывалось 1375 человек, что составляло более трети численности всего соединения. Еще один батальон полка в числе 650 воинов при двух орудиях назначался в корпус М. Милорадовича. Авангард Долгорукова переправился по понтонным мостам через Днестр у Могилева 11 ноября, прикрыв тем самым сосредоточение войск Милорадовича. Спустя неделю отрядом были заняты Яссы. 7 декабря орловцы без боя вошли в Галац.

Главной целью похода был намечен столичный город Валахии Бухарест. Для продвижения в Валахию был назначен передовой отряд генерал-майора Улариуса, в котором находились два батальона орловцев. 1-й батальон Орловского мушкетерского оставался в распоряжении Долгорукого, которому надлежало обманным маневром на Бырлад создать у неприятеля убеждение в возможности наступления к Бухаресту. Затем Долгоруков должен был неожиданно повернуть на Галац с целью захвата находившихся в этом городе стратегических провиантских запасов.

2 декабря отряд генерал-майора Улариуса занял Фокшаны, дожидаясь здесь подхода главных сил. Спустя неделю русские двинулись к реке Рымник, войдя в селение Мартинешты. В среднем русские за день проходили по 17 верст, что вызывало недовольство Михельсона. 1-й батальон орловцев со 2 по 6 декабря действовал в составе отряда Долгорукова у Бырлада и Галаца. 8 декабря к Галацу вышел корпус генерал-лейтенанта С. Каменского, которому был теперь подчинен Долгоруков, занявший местечко Обилешти.

11 декабря орловские мушкетеры приняли участие в бою с турками. В 4 часа утра авангард Улариуса обнаружил противника у селения Глодены. Русские сразу начали атаку с трех направлений, стремясь отрезать противника от переправы через реку Яломицы. Через два часа противник был обращен в бегство, преследуемый русской кавалерией. Однако вскоре подход подкреплений позволил

туркам начать контратаку. Она была отражена двумя батальонными каре русских стрелков при помощи конной донской артиллерии. Потери турок достигали 400 человек, тогда как русские потеряли 1 убитым и 70 ранеными.

Переправившись через поврежденный неприятелем мост через Яломицу, Улациус 13 декабря 1806 г. оказался на подступах к Бухаресту. Понимая слабость своих сил у столицы Валахии, военный совет турок принял решение отступить, предварительно уничтожив христианское население города. Будучи своевременно извещен о возможности резни, генерал-лейтенант Милорадович стремительно двинулся на город, где против турок восстали сербские арнауты во главе с правителем Валахии князем Ипсиланти. Построившись в три каре, русские 13 декабря начали обстрел предместий. Авангард Улациуса обходил город слева, наступая на мост у Дымбовиц. Из него был выделена группа генерал-майора Мичурина, действующая правее основных сил. Вступив в город с трех сторон, русские отряды опрокинули турок и в середине дня соединились у Дымбовицкого моста. Стремительность и напор солдат Милорадовича предотвратили истребление мирного населения и оставили нетронутый Бухарест в руки победителей.

Характерно, что военные действия ноября — декабря 1806 г. велись без формального объявления войны. Российская дипломатия изображала дело таким образом, что русские войска используются лишь для давления на Порту в целях исполнения последней условий по демилитаризации дунайских княжеств и недопущения французского вторжения. Османское правительство, понимавшее всю тяжесть последствий от открытого столкновения с российским оружием, было вынуждено до времени принимать предложенные правила политической игры. В сложившихся условиях, как отмечал российский военный историк А. Петров, «русской армии оставалось только брать поскорее и побольше, пока Турция не заметит, что потеряла уже половину своих оборонительных средств»[74].

К исходу декабря без официального вступления в войну армия Михельсона заняла территорию между Днестром и Дунаем, став гарнизонами во всех ключевых турецких крепостях. Откликом на успехи русских войск стало восстание во главе с Карагеоргиевичами в сербских провинциях Османской империи.

Только 18 (30) декабря 1806 г. турецкий султан объявил войну

[74] Петров А. Война России с Турцией. 1806—1812 гг. Том 1. — СПб.: Военная типография, 1885. С. 113.

Российской империи. На последующие месяцы турки стали готовить наступление на Бухарест. В ответ на несколько попыток неприятеля прощупать русские позиции Михельсон в марте решился на овладение Измаилом. В целях отвлечения турецких войск корпусу Милорадовича надлежало провести демонстрацию против крепости Журжа. При отряде находился лично командующий Молдавской армией генерал от кавалерии И. Михельсон. 4 марта под ледяным дождем со снежными вихрями Орловский мушкетерский полк прибыл в район сосредоточения вблизи деревень Калугарень и Дедилово.

И.И. Михельсон

Замысел И. Михельсона и М. Милорадовича заключался в одновременном ударе по двум опорным пунктам турок — деревне Чатыржоглу и местечку Турбат, в каждом из которых окопалось до 4 тысяч османов. На Чатыржоглу назначались две колонны, в одной из которых в распоряжении генерал-майора Улариуса оставался 1-й батальон Орловского полка. Два других батальона находились в отряде Милорадовича, намеревавшегося атаковать сильно укрепленный Турбат.

В течение дня 5 марта колонны Улариуса и Исаева приблизились к турецким окопам у Чатыржоглу и открыли ружейно-артиллерийский огонь, прерванный с наступлением темноты. Ночью неприятель пошел на прорыв и с большими потерями пробился к крепости Журжа.

На другом участке атаки Милорадович, построив свои части в два каре, одно их которых составляли два батальона орловцев, двинулся на Турбат. Между каре были размещены орудия полевой артиллерии. На подступах к нему русские ружейным огнем пехоты и пушек рассеяли несколько тысяч османской конницы, которую стали преследовать казаки и драгуны. Одновременно из каре орловцев был послан отряд под началом поручика Липунова 2-го, стремительным натиском захвативший турецкие окопы. Турки спешно бежали к крепости Журжа, исключая три сотни отборных воинов, засевших в укрепленной цитадели, носившей имя предводителя

османов Мустафы Байрактара. Ее обстрел из орудий не привел к капитуляции гарнизона, после чего турки были атакованы группой добровольцев Орловского мушкетерского и Сибирского гренадерского полков во главе со штабс-капитаном Молчановым, ведшим орловцев, и подпоручиком Гейсмаром, командовавшим гренадерами. В штурме цитадели помимо охотников также участвовали две роты Орловского полка. Исключая четырех плененных турок, гарнизон укрепления был полностью уничтожен в штыковой атаке.

Заночевав на месте сражения, на следующий день, 6 марта, Милорадович предпринял марш на Журжу. Войска были построены в 4 колонны, причем два батальона полковника И. И. Палицына составляли резерв[75]. Здесь русских встретили 18 тысяч турок, пытавшихся атаковать их семью большими партиями. По-прежнему разделяясь на два отряда, войска Михельсона оттеснили неприятеля к предместьям крепости и начали их бомбардировку. К вечеру командующий дал приказ на отход от Журжи. Потери неприятеля достигали полутора тысяч, среди русских насчитывалось 4 убитых офицера и 344 солдата, ранения получили около 180 человек[76]. Цель операции под Журжей считалась достигнутой, так как неприятель не смог перебросить отсюда подкрепления к осажденному в эти же дни Измаилу.

Простояв три недели у Турбата, Михельсон вернул войска обратно в Бухарест. Спустя два месяца основные события кампании развернулись у города Браилов, где действовал корпус генерал-лейтенанта С. Каменского 1-го. К тому времени Орловский полк в составе отряда генерала Шевича был отправлен в его подчинение. 21 мая военачальник двинул свои войска к Браилову тремя колоннами. Орловцы вместе со своей полковой артиллерией вошли в колонну генерала Долгорукова 4-го.

В ночь на 24 мая корпус С. Каменского 1-го перешел Визирский брод, намереваясь скрытно ворваться в Браилов. Под проливным дождем русские, к утру пройдя 30 верст, выдвинулись к селениям у крепости. С наступлением утра пять каре русской пехоты с развернутыми знаменами и барабанным боем показались в виду Браилова. Каменский имел цель выманить противника из-за крепостных стен и навязать ему полевое сражение. Обнаружив обходной

---

[75] Михайловский-Данилевский А. И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года. Том 1. СПб.: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1843. С. 46.

[76] Петров А. Война России с Турцией. 1806—1812 гг. Том 1. — СПб.: Военная типография, 1885. – С. 151—153.

маневр русских, нацеленный на выход к берегу Дуная, турки бросили в атаку до 15 тысяч кавалерии. Основной удар противника пришелся на каре генерал-майора Шевича. Умело организовав маневр огнем, русские успешно отразили несколько натисков вражеской конницы. Затем последовали атаки турецкой пехоты на каре Фанагорийского полка. Убедившись в уязвимости позиции в открытом поле, С. Каменский принял решение на постепенный отвод своих войск на тактически выгодные рубежи.

В момент отхода турки нанесли удар по правому флангу, где двигались два каре князя Долгорукова 4-го, включавшие орловских мушкетеров. Получив достойный отпор, османы отступили. Корпус Каменского сосредоточился на возвышенности в 4-х верстах от Браилова, где подвергся атаке всей вражеской армии. Она была успешно отражена и стоила противнику до 2000 погибших, включая командующего. Русские потеряли менее сотни человек ранеными и убитыми. Имея в распоряжении ограниченные силы, не позволяющие идти на штурм крепости, генерал С. Каменский 1-й отвел корпус к Визирскому броду.

Удачное начало кампании на 1807 г. на Дунае не получило развития из-за неблагоприятного исхода войны с Францией. В июне военные действия против Турции были приостановлены, а после ратификации 27 июня Тильзитского мира с Наполеоном Россия и Османская империя заключили Слободзейское перемирие.

Полномасштабная война на дунайском театре возобновилась в начале 1809 г. Русский главнокомандующий генерал-фельдмаршал А. Прозоровский намеревался овладеть крепостями по левому берегу реки — Измаилом, Журжей и Браиловом. Орловский полк вновь возвращался в хорошо знакомые места, где впервые он оказался еще под командованием А. П. Румянцева в 1771 г.

В марте 1809 г. в составе корпуса М. Милорадовича полк изготовился к штурму Журжи. Бой намеревались вести ограниченными силами, поскольку комендант крепости обещал сдать ее после символического сопротивления. Войска были распределены на шесть штурмовых колонн, причем шеф Орловского полка, ставший к тому времени генерал-майором, Иван Иванович Палицын возглавил 1-ю из них. Однако два батальона орловцев находились не в ней, а в 5-й колонне, будучи под командой полковника Толбухина. Штурм начался на рассвете 24 марта по сигналу ракеты. Первой достигла вражеского рва колонна Палицына, которой пришлось из-за недостаточной длины штурмовых лестниц при помощи штыков подни-

С.М. Каменский

маться наверх под огнем неприятеля. Все русские колонны преодолели ров и вал, но оказались под картечным обстрелом из кварталов Журжи. К тому же турки получили подкрепление, прибывшее из Рущука на речных судах. Опасаясь больших потерь, Милорадович в полном порядке вывел войска из крепости и спустя день отошел к Бухаресту. Потери русских достигли 700 человек, тогда как турки потеряли около 2000 тысяч и 13 артиллерийских орудий.

В августе 1809 г. после кончины Прозоровского в командование армией вступил П.И. Багратион. 29 августа новый командующий подступил к крепости Кистенджи, расположенной на труднодоступном мысу Черного моря, начав возводить батареи для обстрела вражеских укреплений. Однако турки в обмен на свободный выход оставили город. Гарнизоном в нем стали Орловский мушкетерский полк, 2 эскадрона конницы и 200 казаков под началом генерал-майора И.И. Палицина. В декабре 1809 г. войска Дунайской армии с согласия императора Александра I ушли на зимние квартиры. Два батальона орловцев расположились в Гирсове при корпусе генерал-лейтенанта С.М. Каменского 1-го. Резервный батальон Орловского полка оставался в отряде генерал-майора Исаева в Малой Валахии.

В марте следующего года главнокомандующим был назначен генерал от инфантерии Н.М. Каменский 2-й, намеревавшийся занять Рущук и Силистрию. Все весну и лето русские вели тяжелые бои за дунайские крепости. В начале мая корпус Каменского 1-го перешел Дунай, расположившись на Троянском валу у Карасу. Вскоре здесь же сосредоточилась вся Дунайская армия. Распределив армию на отдельные отряды, главнокомандующий направил их для взятия всех крупных крепостей. Орловский полк оказался под Базарджиком, который должен был взять корпус Каменского 1-го. 24 мая при штурме крепости один батальон орловцев находился в группе генерал-майора Цизарева. Особенностью боя стало его проведение в дневное время, ввиду чего из-за эффекта неожиданности русские относительно свободно вступили в город и завязали напряженные

бои на его улицах. Батальон Орловского полка вновь выступал в привычной для себя роли штурмового отряда, полностью уничтожив отряд янычар, засевших в одной из городских мечетей. В плен сдалось более 2000 турок во главе с командующим. Трофеи русских насчитывали 17 орудий, 68 знамен. Потери победителей достигли 833 человек убитыми и ранеными. Все офицеры, участвовавшие в бою, получили Базарджикский крест на Георгиевской ленте.

В начале июля Орловский полк был переведен в корпус генерал-майора Воинова, назначенный прикрывать левый фланг русской армии у Варны и морского побережья.

Решающим сражением кампании стало дело при Батине 27 августа 1810 г. Русская армия численностью в 21 тысяч штыков и сабель выступила против 30-тысячного войска сераскира Кушакчи. Два батальона Орловского полка находились в колонне старшего брата командующего, произведенного 14 июня в генералы от инфантерии Сергея Каменского 1-го, будучи включены в отряд генерал-лейтенанта Уварова[77]. Турецкие позиции были весьма удобны для обороны: расположив силы в пяти лагерях на господствующих высотах, неприятель был прикрыт с тыла водами Дуная и находившейся на реке флотилией.

В сражении колонна вела лобовую атаку на главный турецкий лагерь. Выход в тыл туркам отряда генерал-майора Кульнева оставил победу за русскими. В течение дня были захвачены все укрепленные лагеря неприятеля. Турецкий командующий был убит, потери противника достигали 10 тысяч человек погибшими, ранеными и пленными. На следующий день остатки турок сдались, русским досталось 78 знамен и 14 орудий. Армия Каменского потеряла 400 убитыми и 1100 ранеными.

Батинская победа имела судьбоносные последствия: через три недели, 15 сентября капитулировали османские крепости Журжа и Рущук, где трофеями победителей стали 234 орудия и 42 знамени.

Вслед за этим корпус Каменского 1-го выдвинулся для блокады Никополя, гарнизон которого сдался 28 октября, оставив русским 28 знамен и 99 орудий. Двумя неделями ранее прямо на театре военных действий Орловский мушкетерский полк в ходе начавшегося переустройства Вооруженных сил был преобразован в 41-й егерский полк. В начале 1811 г. войска 4-х русских дивизий покинули Придунавье, совершая марш на Днестр ввиду намечавшейся новой войны с Наполеоном.

---

[77] Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. 1801—1825. Т. 2. СПб.: Бережливость, 1909. С. 89.

Н.М. Каменский

Война 1806—1812 гг. вновь доказала универсальные возможности Орловского мушкетерского полка. Его воины участвовали в крупных полевых боях и сражениях — при Журже-Турбате и Браилове в 1806 г., при Батине 27 августа 1810 г. На счету полка были участие во взятии Бухареста в 1806 г., штурмы Журжи в 1809 г и Базарджика в 1810 г. Успешным вновь оказалось заслуженное ампмлуа орловцев в качестве ударных штурмовых отрядов при Турбате и взятии Базарджика. Бывшему Орловскому полку не довелось застать победоносное окончание русско-турецкой войны. Однако о его вкладе в победу могут свидетельствовать повышение полковника С. В. Мещерского до шефа Вятского мушкетерского полка и присвоение генеральского звания шефу орловцев И. И. Палицину.

4.3. Боевые восприемники Орловского полка первого формирования

Ратный путь Орловского пехотного полка первого формирования в военных кампаниях XVIII столетия является типичным отражением перипетий военной истории нашей страны. Один из немногих, Орловский конный полк украинской ландмилиции при своем создании сохранял практическую и идейную взаимосвязь с конкретным административно-территориальным регионом — Орловским уездом тогдашней Белгородской губернии. К концу столетия созданный на его основе Орловский пехотный полк, не относясь к элитным воинским частям, представлял собой одно из наиболее боеспособных формирований императорской армии, заслужив особое отличие при взятии крепостей Бендеры и Очаков, в Кинбурнском сражении и Швейцарском походе Александра Васильевича Суворова.

В 1810 г. было проведена масштабная реорганизация российской армии. Значительно увеличивалось число егерских частей, предназначенных для ведения стрелкового боя. 41-й егерский полк

был образован 19 октября 1810 г. путем переформирования из Орловского мушкетерского полка. Под этим названием он принял участие в наполеоновских войнах.

Бывшие орловские мушкетеры, именуясь теперь егерями, достойно показали себя в первом сражении под Красным и под Смоленском. В бою при Красном, будучи в отряде генерал-майора Д. Неверовского, егеря выступали в привычной для орловцев роли пехотного заслона, под командой генерала Палицына сдерживая натиск французов. Получивший ранение полковой командир полковник Шеин 1-й не покинул строй. Герой сражения при Журже 1806 г. капитан Ляпунов 2-й вновь проявил мужество и стойкость, прикрывая от вражеской кавалерии отход русского арьергарда.

В Смоленском сражении 41-й егерский вновь вел бой против неприятельских стрелков и кавалерии, в течение 11 часов под непрерывными атаками и обстрелом удерживая городское предместье.

В бою за Шевардино 24 августа егеря защищали позиции у села Доронино и участвовали в штыковой схватке на самом редуте. Участие 41-го егерского полка в Бородинском сражении отражено в знаменитых строках М. Ю. Лермонтова: «Два дня мы были в перестрелке...». Известное выражение поэта относится к событиям 24—26 августа, когда егеря вели огневой бой и имели стычки с французами.

Отойдя к Утицкому лесу после оставления Шевардинского редута, несколько егерских полков двое суток, меняясь с другими частями, в рассыпном строю успешно противостояли французским и польским стрелкам, не допуская их к Багратионовым флешам. Второе ранение в этих стычках получил полковник Шеин 1-й.

В Бородинском сражении 41-й полк входил в состав отряда генерал-майора Шаховского, находясь в авангарде корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го. Последний шеф Орловского полка первого формирования генерал-майор Иван Палицын, командуя 3-й бригадой 12-й пехотной дивизии, получил на Бородинском поле тяжелое ранение, заставившее его оставить службу.

На протяжении XIX столетия боевым наследником Орловского пехотного полка официально считался созданный на основе 41-го егерского Мингрельский егерский полк, переименованный в 1856 г. в 16-й Гренадерский Мингрельский его Императорского высочества великого князя Димитрия Константиновича полк.

Начиная с 1817 г. 41-й егерский — Мингрельский егерский — Мингрельский гренадерский постоянно дислоцировался на Кавказе, принимая участие в операциях под началом А. П. Еромолова. На-

И.И. Палицын

следник боевой славы Орловского полка проявил себя в наполеоновских войнах, русско-персидской войне 1826—1828 гг., Восточной войне и русско-турецких войнах 1827—1829 и 1877—1878 гг.[78]. Датой его основания официально считалось 15 декабря 1763 г., когда бывший Орловский конный полк украинской ландмилиции был преобразован в Орловский пеший полк. Полковым праздником считалось 4 августа.

Согласно мемуарам А. П. Ермолова при его назначении на должность командующего Грузинским корпусом была пересмотрена система комплектования войск, дислоцированных на Кавказе: вместо необученных рекрутов в распоряжении Ермолова оказались переводимые на Кавказ испытанные боевые части. В 1820-е гг. подразделения 41-го егерского полка были размещены в разных регионах Кавказа, предприняв под личным руководством А. П. Ермолова несколько экспедиций в Чечню и Дагестан. Так, в 1825 году батальон егерей штурмовал селение Старые Атаги.

В русско-персидскую войну 1826—1827 гг. батальон 41-го полка участвовал в бою у Шамхора. В сражении при Елизаветполе он состоял в первой линии русских войск под командой князя Мадатова, выдержав вместе с ширванцами и Грузинским гренадерским атаку 18 батальонов регулярных войск неприятеля, которыми командовали британские инструкторы.

В русско-турецкую войну 1826—1829 гг. егеря 41-го полка отличились в сражении 5—9 августа при Ахалцыхе. 28 января 1833 г. 41-й егерский полк был переформирован. Его 2-й батальон был присоединён к Тифлисскому гренадерскому полку, а 1-й и 3-й батальоны были востребованы при создании нового Мингрельского полка, в котором были сохранены старшинство Орловского мушкетёрского (с 15 декабря 1763 г.) и знаки отличия 41-го егерского полков.

Под новым именем 1-й егерский батальон мингрельцев в 1837—1838 гг. участвовал в десантных операциях против горцев на Черно-

[78] Военная энциклопедия. Под ред. Сытина. Том 15. — М., 1911. С. 234.

морском побережье, самыми важными из которых были высадки возле Сочи и мыса Адлер. Спустя два года батальон Мингрельского полка в составе Чеченского отряда генерала Галафеева проявил себя в сражении на реке Валерик, воспетом М. Ю. Лермонтовым. Во время Восточной войны 1-й и 5-й батальоны мингрельцев приняли участие в Чингильском бою 16 июля 1854 г.

Полковое знамя Мингрельского гренадерского полка в конце XIX века было Георгиевским с надписями: «За отличную храбрость при взятии штурмом Турецкой крепости Ахалкалаки с 7-го на 8-е Декабря 1811 г., за отличие в сражении на Ченгильских высотах 17 Июля 1854 г., за Кавказскую войну и за сражение 20 Сентября 1877 года при Хаджи-Вали» и «1763—1863», с Александровской юбилейной лентой.

В войну 1914—1918 гг. 16-й Мингрельский гренадерский полк в составе 2-го Кавказкого армейского корпуса участвовал в операциях 1-й, 5-й, 9-й, 10-й, 13-й армий на Северо-Западном, Юго-Западном, Северном и Западном фронтах. Последним командиром заслуженной боевой части в 1918 г. являлся будущий Маршал Советского Союза и начальник Генерального Штаба РККА полковник Б. М. Шапошников.

Подводя итог, отметим, что названия городов Орловской губернии фигурировали в наименованиях частей Вооруженных сил России начиная с 1727 г. Первоначально их носили конные и пешие полки украинской ландмилиции, а затем и регулярные пехотные полки. В дальнейшем, по объективным причинам неоднократно меняя свое наименование, они неизменно проявляли стойкость и мужество во всех войнах, которые в течение двух веков вела русская армия.

Нагрудный знак Мингрельского 16-го гренадерского полка. Щит желтой эмали, на который наложен чеканенный вензель Великого Князя с гранатами в верхних углах. Вензель, корона и гранаты серебряные. Над щитом золотой одноглавый орел, а под ним зеленый щиток с золотой литерой «L». Щит положен на серебряный венок, перевитый Георгиевской лентой, на которой висит белый Георгиевский крест. В низу щита золотые даты: «1860-1910». Орел напоминает, что при основании полк назывался Орловским

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор боевой деятельности Орловского пехотного/мушкетерского полка

Военная часть, фактически возникшая в составе ландмилиции 24 апреля 1723 г. как конный полк Львова, в последующем называвшаяся Орловским конным ландмилицким, Орловским пешим ландмилицким, Орловским пехотным, Мансурова, Брунова мушкетерским и Орловским мушкетерским полком, за время своего существования приняла участие в пяти войнах и трех кампаниях: разоружение Запорожской Сечи в 1775 г., операция по возведению на крымский престол проросийского хана Шагин-Гирея в 1776—1779 гг., подавление мятежа в Польше в 1794 г.

Документально установлено, что вплоть до русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Орловский полк пополнялся южнорусскими однодворцами, включая уроженцев Орловского края. В составе ландмилиции с 1723 по 1763 г. Орловский конный полк, как и все конное ополчение, нес охранную и сторожевую службу, занимался строительством и обустройством Украинской укрепленной линии.

При этом пополнения в ландмилицкие части, как представляется, поступали двумя путями. Во-первых, непосредственно в слободах на линии проживало около 13 тысяч однодворческого населения. Однако в походах войны 1736—1739 гг. ежегодно принимало участие 12—15 тысяч всадников, дополнительно оставляя несколько тысяч ополченцев для прикрытия степных укреплений. Исходя из этого, неизбежным представляется обращение к набору ратников в тех местностях, откуда перемещались семьи однодворцев на Украинскую линию, то есть в великоросских уездах близи бывшей Белгородской черты. Подобная практика продолжалась и после переформирования конных ландмилицких полков в пехотные части регулярной армии на рубеже 1760—1770-х гг. Только после 1787 г., когда однодворцы Украинской линии были включены в во вновь образованное Екатеринославское казачье войско, принцип комплектования Орловского полка становится экстерриториальным.

Первый серьезный боевой опыт Орловским и Ливенским полками был получен в русско-турецкую войну 1736—1739 гг. Война показала, что ландмилиция способна выполнять только вспомогательные функции. Абсолютное большинство значительных потерь полка пришлось на воздействие природных факторов — лютых

морозов осени 1735 г., изнуряющего зноя кампаний 1736—1738 гг., голода и болезней.

Имея превосходный во всех отношениях рядовой состав, представленный потомками служилых людей Русского государства XVI — начала XVIII столетия, ландмилиция должным образом не проявила себя в качестве полноценной боевой силы. Предназначенная главным образом для охраны границы, она фактически выпала из сферы внимания российского военного руководства. Ландмилиция в течение десятилетий снабжалась и комплектовалась по остаточному прицепу. Свидетельством тому может служить крайне низкое качество офицерского корпуса украинской ландмилиции, в рядах которого предпочитали отсиживаться от настоящей службы пораженные инфантилизмом мелкопоместные дворяне. Служебному рвению не способствовали и оклады денежного содержания, которые для офицеров ополчения были вдвое меньшими по сравнению с линейными частями.

При этом рядовые ландмилиционеры ценились весьма высоко, регулярно привлекаясь для формирования новых гвардейских частей и кирасирской кавалерии.

Сам статус конного ополчения воинов-однодворцев был весьма двусмысленным: его отличали черты и регулярной армии и милиционных формирований. В итоге ландмилиции не удалось состояться в качестве эффективного элемента военной организации Российской империи. Попытки фельдмаршала Б.-Х. Миниха во время походов 1737—1739 гг. обратить ландмилицкую конницу в обученную кавалерию носили характер импровизации и не затронули коренных основ существования странного гибрида Вооруженных сил империи.

С возникновением замысла стратегического наступления на Северное Причерноморье в начале 1760-х годов многочисленные иррегулярные формирования Юга России — малороссийское и слободское казачество, ландмилиция — подверглись судьбоносным реформам, суть которых состояла в их постепенном преобразовании в полноценные армейские соединения. Начало первой «екатерининской» русско-турецкой войны показало, что замысел наместника Малороссии генерал-аншефа П. А. Румянцева вполне удался. Ландмилицкие полки, сначала ставшие «пешими», а затем «пехотными», с честью выдержали испытания военного времени, в течение нескольких месяцев превратившись в стойкие и сплоченные боевые коллективы.

Орловский пехотный полк, пройдя в 1768 г. интенсивную подготовку в Полтавском лагере и пополнившись достойными офице-

рами и кадровым рядовым составом, доблестно проявил себя в боях за турецкую твердыню — крепость Бендеры летом 1770 г. Воины-однодворцы, обученные тактике современного по тем временам боя, ведомые опытными и инициативными командирами, представляли собой грозную силу, в чем очень быстро было суждено убедиться войскам неприятельских армий.

Однодворцам южнорусских уездов пришлось побывать и конным ополчением, и пехотой, некоторое время состоять в звании казаков Екатеринославского войска. В зависимости от ситуации личный состав полка мог выступать в качестве штурмовых отрядов (взятие Бендер, Нагорного редута при Силистрии, Очакова), морской пехоты (бой фрегата «Скорый» и бота «Битюг» 22 августа 1787 г.), горных стрелков (Швейцарский поход 1799 г.). В случае необходимости Орловский полк превращался в миротворца, без пролития крови приводя к покорности неспокойных подданных империи, как это было в случае с Запорожской Сечью и Крымом в 1775—1779 гг.

Орловскому полку почти всегда выпадали трудные и опасные задачи. Во всех известных сражениях он находился на острие событий, ходил во фронтальные атаки, когда его воины могли заглянуть в лицо смерти. В первом серьезном испытании — штурме Бендер 15—16 сентября 1770 г., — орловцы потеряли убитыми двух обер-офицеров — капитана Райдекова и подпоручика Хадыревского, были ранены еще пятеро командиров, включая второго человека в полку — подполковника Терентия Сазонова. Спустя три года при штурме Нагорного редута Силистрии потери Орловского полка составили 48 человек, что стало третьим показателем среди частей, принимавших участие в бою. В Кинбурнском сражении 1 октября 1787 г. Орловский и Шлиссельбургский полки взяли 10 линий вражеских траншей из 15-ти, подвергшись затем бомбардировке шестисот орудий османского флота. В полку было убито и ранено 130 солдат и офицеров — половина от общего количества русских потерь того дня. Серьезно пострадал старший командный состав: погиб секунд-майор Егор Булгаков, тяжелые ранения получили командир полка генерал-майор Иван Рек, секунд-майор Самуил Мунцель.

Во взятии Очакова 1788 г. сводный гренадерский батальон орловцев и шлиссельбургцев вновь оказался на самом ответственном направлении, когда геройски погиб командир штурмовой колонны бригадир Иван Горич. В Швейцарском походе 1799 г. полк потерял командира — доблестного полковника Иосифа Трубникова, капитана Е. С. Рушкина, поручика В. В. Суходольского и прапорщика П. В. Ра-

дышевского. Ранены или контужены оказались шеф Орловского полка генерал-майор Александр Мансуров и еще 8 обер-офицеров.

Помимо штурмовых действий полк удачно показал себя в полевых сражениях — бое за Кинбурн, сражениях в Моутенской долине, сражении при Браилове.

Ратные заслуги по праву принадлежат всем категориям военнослужащих Орловского полка — мушкетерам, гренадерам, артиллеристам, егерям. Гренадеры всегда выступали главной ударной силой в бою, что было доказано атакой группы Алексея Шипилова на бастионы и батареи Бендер, а также прорывом обороны Очакова сводным батальоном Михаила Сукова в 1788 г. Мушкетеры полка достойно проявили себя при Кинбурне, когда 9-я мушкетерская рота, по признанию Суворова, сыграла ключевую роль в разгроме неприятеля. Там же отличились полковые артиллеристы, награжденные по итогам сражения крупными денежными наградами. Егерская команда, существовавшая в полку во время войны 1768—1774 гг., успешно действовала на дунайском театре в составе сводного батальона князя Мещерского.

Боевой путь Орловского пехотного полка охватил огромную территорию. Беря свое начало в 1769 г. из окрестностей Полтавы, он простирался на тысячи верст по просторам Северного Причерноморья, достигнув среднего течения Дуная и Крымского полуострова. В 1790-е годы полк прошел польские земли, а затем через австрийские владения совершил марш в Северную Италию, где стал участником героического перехода через Альпы. Простояв два года в Серпухове, в 1806—1810 гг. орловцы вновь воевали на Дунае.

Орловский полк постоянно совершенствовал свое ратное мастерство. Помимо сведений о предвоенной подготовке в Полтавском лагере накануне первой «екатерининской» войны с Турцией источники сообщают о полковых маневрах после вывода войск из Крыма в 1779 г., об обучении суворовскому методу «сквозной атаки» в 1795 г., об отработке штурмовых действий при осаде итальянской Торнтоны в августе 1799 г.

Замечательные выносливость и организованность были во всех войнах продемонстрированы орловцами при совершении маршей, которые совершались в любое время суток, невзирая на ландшафт, природные преграды и погодные условия.

Основным боевым приемом орловцев, как и всей русской пехоты, был штыковой удар. Его высокие навыки впервые были продемонстрированы орловскими гренадерами отряда во время штурма бастио-

нов и батарей Бендерской крепости в октябре 1770 г. Спустя 36 лет, во время сражения при Журже, именно орловцы наряду с гренадерами Сибирского полка составляли большую часть отряда добровольцев штабс-капитана Молчанова, штыковой атакой очистив от отборных янычар цитадель Мустафы Бейрактара. Через три года солдаты Орловского полка вновь в рукопашном бою захватили опорный пункт турок при взятии Базарджика. Именно штыковой удар предписывался А. В. Суворовым в качестве основного метода боя в его наставлениях русским солдатам, отрабатывался ими накануне всех решающих сражений, включая подготовку к боям на Кинбурнской косе 1787 г.

Документы свидетельствуют, что Орловский полк в полной мере владел тактикой того времени, умело действуя развернутым фронтом, в построении пехотными каре или штурмовыми колоннами. При необходимости орловцы могли вести бой и малыми подразделениями — поиск отряда Шипилова за Дунай в марте 1773 г. или налет егерской команды полка на Орсову в июне того же года. В Швейцарском походе мушкетеры генерала Мансурова в условиях горной войны успешно применяли действия батальонными и ротными тактическими группами. Штурмовые партии орловцев неизменно вводились в бой командованием в сражении за Журжу и при занятии Базарджика в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

Ударные отряды орловцев умело сражались как в дневное, так и ночное время. Так, победоносные штурмы Бендер и Очакова состоялись ночью, тогда как взятие Базарджика в 1810 г. имело место при свете дня. Под покровом темноты вела поисковые операции на Дунае партия гренадер А. Шипилова весной 1773 г.

Примером успешных оборонительных действий полковых батальонов может считаться отражение вражеского десанта на остров Нечай (Кегай) под Силистрией осенью 1774 г.

Отметим высокий навык ведения фортификационных работ солдатами полка, полученный и востребованный при осаде Бендер, Очакова, Торнтоны. В 1774 г. орловцы возводили осадную батарею на дунайском острове Нечай (Кегай) напротив Силистрии. Фортификационные сооружения строились или обновлялись ими в районе Кинбурна и в Крыму. Именно Орловский и Ряжский полки возвели в 1777 г. Александровский редут, впоследствии давший начало будущему Симферополю.

Офицеры полка по праву могут считаться золотым фондом русской армии. Среди них можно выделить представителей известных аристократических, хотя порой и обедневших, фамилий — Степана

Талызина, Ивана Палицына, Александра Мансурова, Степана Мещерского, Михаила Гедеонова, Николая Языкова. Плечом к плечу с ними геройски воевали выходцы из провинциального дворянства, «чернорабочие войны» — Алексей Шипилов, Егор Булгаков, Иосиф Трубников, Терентий Сазонов, Федор Марков, Иван фон Рек, Леонтий Якубинский, Андрей Седов, Петр Арсеньев, Самуил Мунцель.

Офицерский состав отличали не только личное мужество и стойкость в бою, но и высокое воинское искусство. Практически во всех известных боях командиры были образцом для подчиненных, действовали тактически грамотно и свободно от устоявшихся шаблонов. Офицеры успешно ориентировались в самой сложной ситуации, верно оценивали обстановку, понимали динамику сражения, умели принимать самостоятельные решения и добиваться победы над сильным и упорным врагом.

Примером могут служить и подвиг А. Шипилова, сумевшего остановить дрогнувшие в бою подразделения, взять крепостную батарею и несколько городских кварталов Бендер в 1770 г., и успешное командование И. Трубниковым десантными партиями флотилии де Рибаса на Дунае, а также при штурме Измаила в 1790 г. Особенно известен обходной маневр отряда добровольцев полковника Трубникова, позволивший войскам Суворова занять стратегический туннель Узернлорх в Швейцарском походе. Непревзойденными оказались самоотверженность и организаторский талант И. фон Река, на чьи плечи легла вся подготовка к успешной обороне Кинбурнской косы в 1787 г. Особенной удалью отличались С. Талызин, не пропустивший в составе разных частей ни одного сражения войны 1787—1791 гг. и польских кампаний 1792 и 1794 гг., а также С. Мещерский, благодаря инициативе и мужеству которого русские смогли совершить почти невозможный с военной точки зрения прорыв через разрушенный Чертов мост.

В русско-турецкой войне 1806—1812 гг. продолжателями ратных традиций офицеров-орловцев стали капитан Молчанов и поручик Липунов 2-й, умело подавлявшие опорные пункты турок в делах при Турбате и Базарджике.

Командиры полка Н. Языков и И. Палицын возглавляли штурмовые колонны в сражениях при Силистрии в 1773 г. и штурме Журжи в 1809 г. Именно Н. Языков, адекватно оценив положение дел, обеспечил бескровное разоружение воинственных и непредсказуемых запорожских казаков при занятии Новой Сечи в 1775 г.

За ратные заслуги С. Талызин, И. Палицын, А. Шипилов,

И. Трубников, Ф. Марков удостаивались орденов Св. Георгия 4-го класса. Герой Кинбурна И. Рек награждался орденами Св. Георгия 4-го и 3-го классов. Несколько офицеров получили ордена Св. Георгия за выслугу лет. Именно на посту командира или шефа Орловского полка С. Талызин, И. Палицын, кавалер ордена Св. Анны I степени Н. Языков получили чин генерал-майора, а другой кавалер этого ордена, А. Мансуров, был удостоен звания генерал-лейтенанта. Большинство упоминаемых офицеров в последующем сделали военно-административную карьеру: И. Рек стал генерал-поручиком и рижским наместником, Н. Языков занял пост генерал-губернатора Новороссии, А. Мансуров был генерал-губернатором Оренбуржья, М. Гедеонов стал впоследствии генерал-майором, гражданским губернатором Пензенской и Тульской губерний.

С. Талызин (ордена Св. Анны 1-й ст. и Св. Владимира 3-й ст.) и И. Палицын (ордена Св. Владимира 3-й ст. и Св. Анны 2-й ст.) во главе пехотной и егерской бригад прошли горнило наполеоновских войн и скончались от последствий многих тяжелых ранений вскоре после победы над Бонапартом.

Решающую роль в становлении Орловского полка сыграли заслуженные полководцы, под началом которых он нес службу в разное время. Среди них огромное значение имеет деятельность выдающихся русских стратегов — П. А. Румянцева и А. В. Суворова. По инициативе Румянцева Орловский полк стал полноценным регулярным формированием, прошел обучение и боевое слаживание накануне русско-турецкой войны. Под началом Суворова орловцы несли многолетнюю службу в Крыму, сражались при Кинбурне и Очакове, прошли Альпийский поход 1799 г. Заметное влияние на ратную судьбу полка оказали известные военачальники Б.-Х. Миних, М. Леонтьев, А. Румянцев, Г. А. и П. С. Потемкины, И. Михельсон, П. Багратион, М. Милорадович, М. Е., С. М. и Н. М. Каменские, П. Панин.

Всю вторую половину XVIII столетия Орловский пехотный/мушкетерский полк провел в походах и сражениях. По своей сути он превратился в уникальное военное соединение, солдатам и офицерам которого были по плечу любые боевые задачи. Орловский пехотный/мушкетерский полк, не относясь к элитным частям, вынес на своих плечах все испытания героической эпохи превращения России в европейскую державу. Высокий боевой дух и уникальный боевой опыт, приобретенные в сражениях и походах, стали залогом многих побед, достигнутых русской армией в русско-турецких войнах и войне с Францией 1799 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

А. В. Суворов. Документы. М.: Изд-во МО СССР. Т. 3. 1953.

А. В. Суворов. Документы. М.: Изд-во МО СССР. Т 4. 1952.

Белидор. Б. Теория о делании подкопов/Пер. С. Болотников. С.-Петербург, 1765.

Берк К. Р. Путевые заметки о России//Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. — СПб.: БЛИЦ, 1997.

Военный журнал Российской Императорской Первой Армии 1769 года. — СПб.: При Государственной военной коллегии, 1769 г.

Военный журнал Российской Императорской Второй Армии 1770 года. — СПб.: При Государственной военной коллегии, 1770 г.

Военная энциклопедия. Под ред. Сытина. Том 15. — М., 1911 г.

Долгоруков Ю. В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. 1740—1830/Сообщ. В. Безносов//Русская старина. 1889. Т. 63. № 9. С. 481—517.

Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб.: Императорская академия наук, 1885.

Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его. — М. 1819.

Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России 1727—1764. — СПб.: Тип. С. В. Балашова, 1875.

Поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева. — С.-Пбг. Склад у В. А. Березовского, 1898.

Российский биографический словарь. Том 25. — СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1913.

Румянцев П. А. Сборник документов и материалов. — М.: Изд-во МО СССР, 1953—1959.

Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках на 1776 год. СПб.

Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках на 1784 г. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1784.

Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках на 1787 г. — СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1787.

Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам... на 1788 год. СПб.: При Государственной Военной Коллегии, 1788.

Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках на 1789 г. —СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1789.

Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам такожде кавалерам Воинского ордена и старшинам в нерегулярных войсках на 1794 г. — СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1794.

Суворов А. В. Походы и сражения в письмах и записках. — М., 1990.

Труды Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Составитель Н. П. Поликарпов. — М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.

Хронологический указатель военных действий Российской Армии и Флота. Том 1. СПб: Типо-Литография Санкт-Петербургской тюрьмы. 1908.

Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. 1801—1825. Т. 2. СПб.: Бережливость, 1909.

Штрандман Г. Э. фон. Записки. Пер с нем.//Русская Старина. 1882. Т. 34. № 5, С. 291.

Научная литература

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. — М., 1987.

Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. — М., 1887.

Баиов А. Б. Курс истории русского военного искусства. Выпуск 3. Эпоха Миниха (Царствование Императрицы Анны Иоанновны). — СПб: Типография «Гр. Скачков с сыновьями», 1909.

Баиов А. Б. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736—1739 гг. Примечания. — СПб: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906.

Беспалов А. В. Русский вспомогательный корпус на службе Саксонии в эпоху Великой Северной войны//Северная Европа: проблемы истории. Вып. 5. — М., 2005.

Богданович М. Н. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Том 1. — СПб., 1859.

Богданович М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. — СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852.

Васильев А. Швейцарский поход Суворова//Атлас Швейцарской кампании А. В. Суворова 1799 г. Цюрих. 2000.

Великанов В. Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе, 1704—1706. Организация и численность//Старый Цейхгауз. № 46. М. 2012.

Волкова И. Русская армия в русской истории. — М.: Эксмо, Яуза. 2005.

Володарский Я. Е. Территория и население Севского разряда во второй половине 17 — начале 18 века//Вопросы истории хозяйства и населения России 17 века. Очерки по исторической географии 17 века. — Москва 1974.

Гукова Е. А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус в 1710—1780 гг. Автореферат дис. канд. ист. наук. — М., 2009.

Гукова Е. А. Украинская линия и украинский ландмилицкий

Дзысь В., Шевяков С. Итальянский и Швейцарский походы А. Суворова 1799. — М.: Астрель, 2002. С. 12.

Звегинцов В. В. Русская армия. Ч. 1. 1700—1763. — Париж. 1967.

Звегинцов В. В. Русская армия. Ч. 2. 1763—1801. — Париж. 1967.

Звегинцов В. В. Русская армия. Ч. 3. 1796—1800. — Париж. 1967.

Керсновский А. А. История Русской армии в 4 т. Том 1. От Нарвы до Парижа. 1700—1814 гг. /М.: Голос, 1992.

Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698—1801. — М., 1995.

Малов А. А. Московские выборные полки нового строя. —М.: Древлехранилище, 2006. С. 199.

Милютин. Д. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г., изд. 2, т. III. — Спб., 1856.

Милютин Д. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г., изд. 2, т. III. — СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1852—1853.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 года. Том 1. — СПб.: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1843.

Зезюлинский. Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. — Петроград, 1915. С. 9.

Осипов К. А.С. Суворов. — Рига: Латгосиздат, 1949.

Пенской В. В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке//Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147.

Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. — М.: Эксмо, Яуза, 2010.

Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1768—1774 гг. Т. 2. — СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866,

Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1768 по 1774 г. Т. 4. — СПб.: Тип. К. В. Трубникова и В. А. Полетики, 1874.

Петров А. Война России с Турцией. 1806—1812 гг. Том 1. — С-Пб.: Военная типография, 1885.

Петров А. Война России с Турцией. 1806—1812 гг., Том 3. — С-Пб.: Военная типография, 1885.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730—1735 гг. — СПб., 2001.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии. 1698—1725. — М.: «Советская Россия», 1977. С. 145.

Судравский В. К. Кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за 140 лет (1769—1909 гг.)//Военный сборник. 1909. № 3—12. 1910. № 1—12.

Чекалова И. В. Новые материалы к биографии родственников К. Н. Батюшкова (по документам Государственного архива Вологодской области)//Батюшков: Исследования и материалы: Сб. науч. трудов. — Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2002.

Шишов А. В. Генералиссимус великой империи. Новое прочтение биографии. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Электронные ресурсы

Алиев К. Братья Горичи: два генерала из Кизляра.//http://kumukia.ru/article-9207.html

Гукова Е. А. Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус в трудах военных историков//Знание. Понимание. Умение. Электронный научный журнал Московского гуманитарного университета. — М., 2008. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Gukova/.

Мальгин А. В., Кротов А. И., Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768—1774 годов//Историческое наследие Крыма/2009. № 24

Орловская крепость Украинской линии. http://encyclosights.com/object_details.php?ln=2&id=2924

Скрицкий Н. В. Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом. — М.: Центрполиграф, 2002//http://militera.lib.ru/bio/skritsky_nv/index.html

Список начальных людей белгородских копейного, рейтарских и солдатских полков, январь 1699//http://archive.today/RwaM http:

Тизенгаузен П. И. Суворовский поход в Италию и Швейцарию. Из записок очевидца//www.museum.ru/1812/Library/Tiesenhausen/tizengauzen_rus.html

Ткаченко В. Об уточнении некоторых вопросов по сражению при д. Шума//Military Крым, № 10, 2009, С. 39—56

Фролов. Н. Возвращение лика, скрытого временем (вологодские Батюшковы и владимирские Шипиловы). http://www.vladregion.info/articles/vozvrashchenie-lika-skrytogo-vremenem-vologodskie-batyushkovy-i-vladimirskie-shipilovy

ОРЛОВЦЫ В ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДАХ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Выставка с таким названием проходит в музеях и выставочных залах Орловской области.

27 декабря 2013 года исполнилось 250 лет Орловскому мушкетерскому полку, покрывшему свои знамена неувядаемой славой в сражениях при Бендерах, Очакове, Тортоне. Особо отличились орловцы в бою при Кинбурне и Швейцарском походе во время штурма «Чертова моста», под командованием фельдмаршала князя А. В. Суворова. В разные годы своей истории полк был конным, пехотным, выполнял функции внутренних войск, морской пехоты, горных стрелков, В 1796 году стал именоваться Орловским мушкетерским, с 1810-го 41-м Егерским, а в 1861 году был переименован в 16-й Гренадерский Мингрельский Е. И. В. Великого Князя Дмитрия Константиновича полк. Несмотря на то, что после 1810 года он утратил название Орловского, на его знаке до последних дней существования был изображен герб Орла, как раз в память о том, что во время формирования он назывался Орловским и изначально комплектовался из орловских однодворцев. Славу Орловского мушкетерского полка продолжал 36-й Орловский генерал-фельдмаршала Князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полк, которому в 2011 году исполнилось 200 лет и 300 лет со дня даты его старшинства. Но событие это на официальном уровне осталось незамеченным, как и многие другие даты воинской славы. Под редакцией военного историка Алексея Владимировича Тихомирова в 2009—2010 гг. журналом «Истории русской провинции» и Молодежным братством св. Георгия Победоносца было выпущено два сборника, памяти 36-го

Высткпление писателя и краеведа А.М. Полынкина о первом коменданте Парижа В.Н. Шеншине

пехотного Орловского полка, которые были безвозмездно переданы библиотекам и учебным заведениям Орловской области. Первые попытки изучения орловских полков предпринимались в начале 90-х годов при «Общественно-культурном центре ВООПИиК». Тогда студенты исторического факультета Орловского пединститута создали военно-исторический клуб, принимали участие в первых реконструкторских слетах СССР. В 1991 г. в газете «Вече» был опубликован материал в котором впервые после октября 1917 г. была попытка проследить летопись Орловских полков, а к 280-летию Орловского полка был выпущены памятный вымпел и знак. Вышедшее новое издание, подготовленное доктором политических наук, профессором РАНХиГС Дмитрием Леонидовичем Цыбаковым открывает новую страницу в орловском краеведении, поскольку часто наши историки и краеведы путали эти воинские формирования, каждое из которых имело свою неповторимую историю.

Ветераны ОРОО «Флоту — быть!» на вечере, посвященном 200-летию взятия Парижа

Целью выставки «Орловцы в Заграничных походах» является привлечь орловцев к другим славным событиям нашей истории. Совершенно забытыми оказались даты многих сражений 200-летней давности во время освобождения Европы от Наполеона, Освободительного похода Русской Императорской Армии под предводительством Императора Александра I, объединившего покоренные европейские державы в войне против Франции. Этот пробел восполняют мероприятия под эгидой журнала «Истории русской провинции» и других общественных организаций, в которых участвовали и участвуют историки, краеведы, издатели Александр Полынкин, Андрей Левин, Алексей Каменский, Сергей Ветчиников, Дмитрий Коренев, Анатолий Перелыгин, Анатолий Мищенко, майоры запаса Сергей Широков, Николай Макаров, полковники запаса Игорь Глущенко, Яков Коротянец, Александр Пилюгин и др.

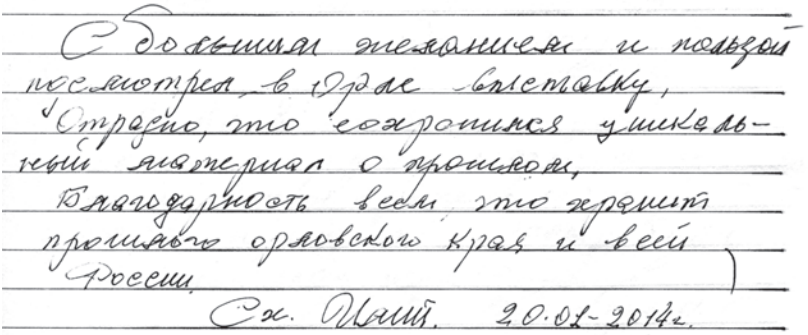
В боях у Данцига, Дрездена, Кацбаха, Кульма, Лейпцига и дру-

гих сражениях особо отличились солдаты и офицеры полков, носивших имена Орловской губернии — Севского, Елецкого, Брянского, Орловского. В летопись сражений Наполеоновских войн вписаны имена орловских дворян генералов А. П. Ермолова, А. Д. Балашова, Д.В. Давыдова, Ф.К. Корфа, А.И. Красовского, Н. Ф. Емельянова, И. З. Ершова, А. С. Кологривова, В. Н. Шеншина, Ф. К. Лукова, Д. А. Левина и многих других, чьи портреты размещены, наряду с другими полководцами в хронологии событий 1813—1815 гг.

Начатый 215 лет тому назад поход суворовских орлов на помощь европейским союзникам, закончился 200 лет тому назад полной победой Российской Империи над войсками Наполеоновской Франции. 18/30 МАРТА 2014 года исполнилось 200 лет триумфальному вступлению Русской Армии в Париж. 27 января/9 февраля была отмечена 110-я годовщина боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» у Чемульпо; внезапной атаке японцев на эскадру адмирала Старка на рейде Порт-Артура, положившей начало Русско-Японской войне 1904—1905 гг. В ее героическую историю вошли имена наших земляков: капитана 2-го ранга Константина Юрасовского, адмиралов Николая Яковлева, Льва Брусилова, полкового священника протоиерея Митрофана Сребрянского, офицеров и нижних чинов 51-го Драгунского Черниговского Е. И. В. Великой Княгини Елизаветы Федоровны полка, 52-го Драгунского Нежинского полка, 33-го Елецкого, 34-го Севского, 35-го Брянского, 36-го Орловского, 138-го Болховского, 141-го Можайского, 142-го Звенигородского пехотных полков, госпитального судна «Орел» и других частей и соединений в которых воевали орловцы.

Члены военно-патриотических клубов «Юный десантник» и «Морпехи» на выставке «Орловцы в заграничных походах»

2014 год был богат на значимые исторические даты: исполнилось 160 лет с начала обороны Севастополя, 100 лет Великой (первой мировой) войне, 300 лет победы русских моряков над шведским


С большим желанием и пользой посмотрел в Орле выставку. Отрадно, что сохранился уникальный материал о прошлом. Благодарность всем, кто хранит прошлое орловского края и всей России.
Схи. Илий. 20.02-2014г.

Отзыв схиархимандрита Илия (Ноздрина) о выставке «За Веру, Царя и Отечество»

флотом в Гангутском сражении. Этим датам для подрастающего поколения были посвящены патриотические и творческие мероприятия в рамках молодежного фестиваля «Святой Георгий», спортивно-патриотических «Георгиевских сборов», организованы тематические вечера, презентации новых изданий, выставки под общим названием «За Веру, Царя и Отечество», проходящие в Орловской области более 10 лет. Целью данных экспозиций является обозначить перед властью и обществом то, что наша история началась не в 1917 году, а многие века раньше и требует должного внимания и уважения.

Выставка подготовлена журналом «Истории русской провинции», Молодежным братством во имя великомученика и Победоносца Георгия. При ее создании использованы материалы А.В. Тихомирова, Н.О. Левитской, А.К. Мищенко, «Центра национальной славы России», Орловской областной библиотеки им. И.А. Бунина, фото И.И. Гаврилова, В.М. Митрохина, В.А. Людомира.

Константин ГРАММАТЧИКОВ
издатель журнала «Истории русской провинции»

Истории русской провинции № 73
Историко-просветительский журнал
г. Орел, ул. 2-я Курская, 25. Тел./факс (4862) 55-11-71
Журнал зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 013819 от 21 июня 1995 г.

Д. Л. Цыбаков
БОЕВОЙ ПУТЬ ОРЛОВСКОГО ПОЛКА В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ XVIII – НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

На передней обложке:
В.И. Суриков. Переход Суворова через Альпы.
На задней обложке:
герб знамени Орловского ландмилицкого конного полка 1736 г.;
знак Мингрельского гренадерского полка

Выпускающий редактор: Константин Грамматчиков
Верстка: Владислав Максимов
Корректор: Ася Гудкова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ООО «ИНВЕНТОС» и его Генерельного директра О.А. Волобуева

Материалы журнала «Истории русской провинции»
можно прочитать на сайте «Орел по-русски»